

Александр
ДЮМА

Ожерелье королевы

Александр Дюма
Ожерелье королевы
Серия «Записки врача», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8718572
Александр Дюма. Ожерелье королевы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76929-2

Аннотация

«Ожерелье королевы» – роман о самой скандальной придворной истории XVIII века. Королева влюбляется, кардинала обманывают, графиня присваивает бриллианты, а Калиостро предсказывает будущее – закрученный сюжет от мастера историко-приключенческого жанра А. Дюма.

Содержание

Пролог	5
1. Старый дворянин и старый дворецкий	5
2. Лаперуз	11
Часть первая	30
1. Две незнакомки	30
2. В доме	36
3. Жанна де Ламотт-Валуа	41
4. Бел[25]	49
5. Дорога в Версаль	54
6. Приказ	61
7. Альков королевы	70
8. Утренний выход королевы	79
9. Швейцарский пруд	86
10. Искуситель	91
11. «Сюфрен»	96
12. Г-н де Шарни	102
13. Сто луидоров королевы	106
14. Сьер Фенгре	110
15. Кардинал де Роган	115
16. Месмер и Сен-Мартен[47]	125
17. Ванна	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Дюма

Ожерелье королевы

Перевод с французского

Разработка серии Е. Соколовой

Оформление переплета Н. Ярусовой

*В коллаже на обложке использованы репродукции работ художника Александра Рос-
лина*

© И. Русецкий. перевод. Наследники. 2015

© Л. Цывьян. перевод. Наследники. 2015

© Е. Баевская. Перевод. 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

1. Старый дворянин и старый дворецкий

В один из первых дней апреля 1784 года примерно в три часа с четвертью пополудни наш старый знакомец, убеленный сединами маршал де Ришелье, подправил брови ароматической краской, оттолкнул рукою зеркало, которое держал камердинер, сменивший, но не полностью заменивший преданного Раффе, покачал головой и со свойственным одному ему выражением промолвил:

– Ну что ж, теперь недурно.

Он встал с кресла и заливчатским щелчком стряхнул пылинки белой пудры, просыпавшиеся с парика на короткие штаны из небесно-голубого бархата.

Затем, оттягивая носок и плавно скользя по паркету, он проделал несколько кругов по туалетной комнате и позвал:

– Дворецкого ко мне!

Минут через пять появился дворецкий, одетый в парадную ливрею.

Маршал принял серьезный, соответствующий обстоятельствам вид и осведомился:

– Надеюсь, вы подготовились к обеду как следует?

– Разумеется, ваша светлость.

– Я ведь передал вам список приглашенных, не так ли?

– И я в точности запомнил их число, ваша светлость. Девять персон, правильно?

– Персоны персонам рознь, сударь.

– Да, ваша светлость, но...

Маршал прервал дворецкого нетерпеливым жестом – едва заметным и вместе с тем величественным.

– «Но» – это не ответ, сударь мой! И кроме того, всякий раз, когда я слышу слово «но» – а за восемьдесят восемь лет я уже слышал его не единожды, – мне, как это ни прискорбно, становится ясно, что далее последует какая-нибудь глупость.

– Ваша светлость!..

– Во-первых, в котором часу вы собираетесь подать обед?

– Буржуа обедают в два, ваша светлость, судейские – в три, а знать – в четыре.

– А я, сударь?

– Сегодня вы, ваша светлость, будете обедать в пять.

– В пять, вот как?

– Да, ваша светлость, как король.

– Почему же как король?

– Потому что в списке, который я имел честь от вас получить, присутствует имя короля.

– Отнюдь, сударь мой, вы ошибаетесь; на сегодня я августейших особ не приглашал.

– Ваша светлость изволит шутить со своим преданным слугой, и я благодарю вас за оказанную честь. Но среди приглашенных есть господин граф Хага...

– Так что ж?

– Но ведь граф Хага – король.

– Короля с таким именем я не знаю.

– Прошу меня извинить, ваша светлость, – поклонившись, проговорил дворецкий, но я думал, я полагал...

– Думать вам никто не приказывал, сударь мой! Полагать что-либо – это не ваше дело. Вам надобно только читать распоряжения, которые я отдаю, без каких бы то ни было рас-

суждений. Когда я желаю, чтобы вам что-либо было известно, я говорю об этом, а коль скоро я молчу, значит, не хочу вас ни во что посвящать.

Дворецкий поклонился снова – на сей раз даже с большим почтением, чем если бы перед ним находился сам король.

– Поэтому, сударь, – продолжал старый маршал, – раз я августейших особ не приглашал, извольте накормить меня обедом как всегда, то есть в четыре часа.

При этих словах лицо дворецкого исказилось так, словно ему только что объявили смертный приговор. Он побледнел и даже несколько согнулся под тяжестью нанесенного удара.

Затем, собрав в отчаянье последние силы, он выпрямился и отважно возразил:

– Пусть будет так, как угодно Господу, но вы, ваша светлость, отобедаете в пять часов.

– Это еще почему? – вскинулся маршал.

– Потому что подать обед раньше физически невозможно.

– Сударь мой, вы служите у меня уже лет двадцать, если не ошибаюсь? – спросил старик, надменно покачав головой, которой возраст, казалось, еще не коснулся.

– Двадцать один год, месяц и две недели, ваша светлость.

– Так вот, сударь мой, к двадцати одному году, месяцу и двум неделям вы не прибавите более ни дня, ни даже часа. Понятно? – нахмурившись и поджав тонкие губы, ответил маршал. – Сегодня вечером можете начинать подыскивать себе нового хозяина. Я не потерплю, чтобы слово «невозможно» произносилось у меня в доме. Привыкать к нему в моем возрасте уже поздно: у меня нет на это времени.

Дворецкий поклонился в третий раз и проговорил:

– Сегодня вечером я возьму у вашей светлости расчет, однако до самой последней минуты буду отправлять свою службу как должно.

С этими словами он отступил на два шага к двери.

– Что значит «как должно»? – вскричал Ришелье. – Зарубите себе на носу, сударь: здесь все должно делать так, как мне нужно! Я желаю обедать в четыре, и мне не надобно, чтобы вы сажали меня за стол на час позже.

– Господин маршал, – сухо отозвался дворецкий, – я служил экономом у его светлости принца де Субиза и управляющим у его светлости принца кардинала Луи де Рогана. У первого из них изволил обедать раз в год его величество покойный король Франции, у второго – его величество император австрийский изволил обедать раз в месяц. Поэтому, ваша светлость, я знаю, как следует принимать коронованных особ. У принца де Субиза король Людовик Пятнадцатый бывал под именем барона де Гонесс, но все равно это был король. У другого из них, то есть у принца де Рогана, император Иосиф называл себя графом Пакенштайнским, но все равно это был император. Сегодня вы, господин маршал, принимаете графа Хагу, но, как вы его ни назовете, он все равно останется королем Швеции. Или сегодня вечером я покину ваш дом, господин маршал, или с господином графом Хагой здесь будут обращаться как с королем.

– А я уже битый час пытаюсь вам это запретить, поскольку граф Хага желает сохранить самое строгое и непроницаемое инкогнито. Узнаю, черт возьми, дурацкую суетность лакейских душонок! Не корону вы чтите, а себя, пользуясь для этого нашими эю!

– Я и в мыслях не допускаю, – колко парировал дворецкий, – что ваша светлость все-ррез говорит о деньгах.

– Ну что вы, сударь, – в некотором смущении запротестовал маршал. – Деньги! Да кто говорит о деньгах! Прошу вас, не надо ставить все с ног на голову, я только хотел подчеркнуть, что не желаю, чтобы здесь упоминали о короле.

– Но, господин маршал, за кого вы меня принимаете? Неужто вы считаете, что я способен на столь необдуманный поступок? Никто не собирается упоминать о короле.

- Тогда не упрямитесь и приготовьте обед к четырем часам.
- Это невозможно, господин маршал, так как в четыре еще не прибудет то, чего я жду.
- Чего же вы ждете? Какую-нибудь рыбу, как господин Ватель¹?
- Вот еще, при чем тут Ватель, – пробормотал дворецкий.
- Вам, кажется, не по вкусу такое сравнение?
- Да нет, просто благодаря удару шпагой, которым он покончил с собой, господин Ватель приобрел бессмертие.
- Ах, так вы полагаете, что ваш собрат заплатил за славу слишком дешево?
- Нет, ваша светлость, но подумайте сами: сколько таких же, как я, дворецких мучаются, сносят обиды и унижения гораздо худшие, нежели удар шпагой, и тем не менее не обретают бессмертия!
- Но не думаете ли вы, сударь мой, что для бессмертия нужно быть либо членом Академии², либо мертвецом?
- Коли на то пошло, ваша светлость, лучше уж оставаться в живых и исполнять свой долг. Не стану я умирать и исполню свой долг так же, как это сделал бы Ватель, будь господин принц Конде чуточку терпеливее и подожди он еще с полчаса.
- Но вы же посулили мне какие-то чудеса? Весьма ловко с вашей стороны.
- Нет, ваша светлость, никаких чудес.
- Чего же в таком случае вы ждете?
- Вы действительно хотите знать, ваша светлость?
- Еще бы! Мне очень любопытно.
- Я жду, ваша светлость, бутылку вина.
- Бутылку вина? Объяснитесь же! Это становится интересным.
- Дело вот в чем, ваша светлость. Его величество король Швеции, я хотел сказать, его сиятельство граф Хага, не пьет ничего, кроме токайского.
- Как! Неужели в моих погребах не найдется токайского? Если так, то эконома надо гнать в три шеи.
- Нет, ваша светлость, у вас есть еще около шестидесяти бутылок.
- Стало быть, вы полагаете, что граф Хата выпивает за обедом шестьдесят одну бутылку?
- Немного терпения, ваша светлость. Когда господин граф Хата впервые посетил Францию, он был тогда только наследным принцем. Однажды он обедал у покойного короля, который как раз получил дюжину бутылок токайского от его величества императора Австрийского. Вам известно, что отборное токайское попадает только в императорские погреба и что даже монархи пьют его лишь в том случае, если получают в подарок от его императорского величества?
- Известно.
- Так вот, ваша светлость, из того вина, что отведал тогда наследный принц и нашел восхитительным, сейчас осталось только две бутылки.
- Вот как?
- Да, и одна из них все еще находится в погребах короля Людовика Шестнадцатого.
- А другая?
- А другая похищена, – с улыбкой триумфатора заявил дворецкий, который понял, что после долгой борьбы его победа уже близка.
- Похищена? Кем же?

¹ Дворецкий принца Конде. Готовя обед в честь Людовика XIV, он увидел, что рыба не доставлена вовремя, и в отчаянии закололся шпагой.

² Членов Французской Академии называют «бессмертными», потому что на место одного умершего из 40 ее членов немедленно избирают другого.

– Одним моим другом, экономом покойного короля, человеком, который многим мне обязан.

– Так, и, стало быть, он вам ее отдал.

– Конечно, ваша светлость, – гордо ответил дворецкий.

– И что вы с нею сделали?

– Поместил в погреб своего хозяина, ваша светлость.

– Вашего хозяина? Кто же был в те времена вашим хозяином, сударь?

– Его светлость принц кардинал де Роган.

– Господи, так это было с Страсбурге?

В Саверне.

– И вы послали кого-то за этой бутылкой, чтобы ее доставили мне? – воскликнул старый маршал.

– Вам, ваша светлость, – ответил дворецкий тоном, в котором явно звучало еще одно слово: «Неблагодарный!»

Герцог де Ришелье схватил верного слугу за руку и вскричал:

– Прошу меня извинить, сударь, вы – король дворецких!

– А вы хотели меня прогнать! – укорил хозяина тот, сопроводив свои слова непередаваемым движением головы и плеч.

– Я заплачу вам за эту бутылку сотню пистолей.

– И еще сотню вам будет стоить доставка, так что в общей сложности получается двести. Но ваша светлость должны признать, что это даром.

– Я признаю все, что вам будет угодно, сударь, а пока с сегодняшнего дня вы будете получать двойное жалованье.

– Но, ваша светлость, я этого не заслужил, я всего лишь исполнял свой долг.

– А когда прибудет ваш гонец, посланный за этой бутылкой?

– Рассудите сами, ваша светлость, терял я время попусту или нет. Когда ваша светлость объявили мне об обеде?

– Кажется, три дня назад.

– Гонцу, который будет скакать во весь опор, требуется двадцать четыре часа на дорогу туда и столько же – на обратную.

– Остается еще двадцать четыре часа. Признайтесь, монарх дворецких, на что вы их употребили?

– Увы, ваша светлость, я их потерял. Мысль о вине пришла мне в голову лишь на следующий день после того, как вы вручили мне список приглашенных. Теперь добавьте время, необходимое для совершения сделки, и вы поймете, ваша светлость, что, назначая обед на пять часов, я просил о совершенно необходимой отсрочке.

– Как! Бутылка еще не здесь?

– Нет, ваша светлость.

– Боже милосердный! А вдруг ваш собрат из Саверна проявит такую же преданность принцу де Рогану, какую вы проявляете ко мне?

– Я не понимаю вас, ваша светлость.

– Вдруг он откажется отдать бутылку, как сделали бы, несомненно, вы на его месте?

– Я, ваша светлость?

– Нуда. Надеюсь, вы никому не отдали бы подобную бутылку, хранись она в моем погребе?

– Покорно прошу меня извинить, ваша светлость, но если бы кто-то из моих собратьев, которому предстояло бы принимать короля, попросил у меня бутылку вашего лучшего вина, я отдал бы ее, не колеблясь ни секунды.

– Вот как, – слегка скривился маршал.

- Помогай сам, и тебе помогут, ваша светлость.
- Вы меня немного успокоили, – со вздохом проговорил маршал, – но риск все же есть.
- Какой, ваша светлость?
- А вдруг бутылка разобьется?
- Ох, ваша светлость, еще не случилось, чтобы кто-нибудь разбивал бутылку стоимостью в две тысячи ливров.
- Ладно, я был не прав, не будем больше об этом. Так когда же прибывает ваш гонец?
- Ровно в четыре часа.
- В таком случае что нам мешает сесть за обед в четыре? – снова принялся за свое маршал, упрямый как мул.
- Ваша светлость, вино должно отдыхать в течение часа – и то лишь благодаря изобретенному мною способу. В противном случае оно отдыхало бы три дня.
- Потерпев поражение и на этот раз, маршал отвесил дворецкому поклон в знак того, что сдается.
- К тому же, – продолжал тот, – ваши приглашенные, зная, что им предстоит честь обедать за одним столом с господином графом Хагой, раньше половины пятого не явятся.
- А это еще почему?
- Ну как же, ваша светлость, вы ведь, если не ошибаюсь, пригласили графа Делоне, госпожу графиню Дюбарри, господина де Лаперуза, господина де Фавраса, господина де Кондорсе³, господина де Калиостро и господина де Таверне?
- И что из этого следует?
- Начнем по порядку, ваша светлость. Господин Делоне приедет прямо из Бастилии, а по обледелым дорогам из Парижа сюда не меньше трех часов езды.
- Да, но он выедет сразу после того, как заключенным будет подан обед, то есть в полдень, – это я знаю точно.
- Простите, ваша светлость, но с тех пор, как вы побывали в Бастилии, обеденное время там изменилось, теперь там обедают в час пополудни.
- Да, сударь мой, век живи, век учись. Благодарю вас, и продолжайте.
- Госпожа Дюбарри едет из Люсьенны, то есть все время под гору и по сплошной гололедице.
- О, это не помешает ей приехать вовремя. С тех пор как она перестала быть фавориткой герцога, она правит лишь баронами. Поймите и вы меня, сударь: я хочу приступить к обеду пораньше из-за господина де Лаперуза, который сегодня вечером отбывает и будет поэтому торопиться.
- Ваша светлость, господин де Лаперуз находится сейчас у короля и беседует с его величеством о географии и космографии. Так скоро король господина де Лаперуза не отпустит.
- Возможно, вы правы.
- Это точно, ваша светлость. Так же получится и с господином де Фаврасом, который беседует сейчас с графом Прованским о новой пьесе господина Карона де Бомарше.
- Вы имеете в виду «Женитьбу Фигаро»?
- Ее, ваше светлость.
- Известно ли вам, сударь, что вы – образованный человек?

³ Делоне, Бернар Рене (1740–1789) – комендант Бастилии, убит во время ее взятия. Дюбарри, Жанна (1743–1793) – фаворитка Людовика XV, обезглавлена в период террора. Лаперуз, Жан Франсуа (1742–1788?) – французский мореплаватель, в 1785–1788-м руководил кругосветной экспедицией, пропавшей без вести после выхода из Сиднея; ее останки впоследствии найдены на одном из островов Санта-Крус (ныне Соломоновы). Фаврас, Тома Май де (1744–1790) – политический сторонник графа Прованского, повешен на Гревской площади. Кондорсе, Жан Антуан Никола (1743–1794) – философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, отравился в период террора, чтобы избежать гильотины.

– В свободное время я читаю, ваша светлость.

– Но у нас есть еще господин де Кондорсе, который как геометр, должно быть, отличается большой пунктуальностью.

– Это так, но он станет рассчитывать время и в результате опоздает на полчаса. Что же до господина де Калиостро, то он иностранец и живет в Париже недавно, поэтому, скорее всего, еще недостаточно осведомлен о порядках в Версале и может заставить себя ждать.

– Итак, – подытожил маршал, – если не считать Таверне, вы перечислили всех моих приглашенных, причем в последовательности, достойной Гомера, а также бедняги Рафте.

Дворецкий поклонился и ответил:

– Я не упомянул о господине де Таверне, потому что он – старый друг и поступит сообразно с обстоятельствами. Мне кажется, ваша светлость, мы не забыли никого из приглашенных?

– Нет, все точно. Где вы собираетесь подавать обед?

– В большой столовой, ваша светлость.

– Мы там замерзнем.

– Ее топят уже трое суток, ваша светлость, я поддерживаю там температуру в восемнадцать градусов.

– Прекрасно! Однако уже бьет половину. – Маршал бросил взгляд на часы.

– Да, сударь, уже половина пятого, и я слышу во дворе стук копыт. Это прибыла бутылка токайского.

– Служили бы мне так еще лет двадцать! – сказал старый маршал, поворачиваясь к зеркалу, тогда как дворецкий бросился в буфетную.

– Двадцать лет! – со смехом повторил чей-то голос, тут же оторвавший герцога от зеркала. – Двадцать лет! Я желаю вам этого, мой дорогой маршал, но тогда мне будет шестьдесят, я стану совсем старухой.

– Это вы, графиня? – воскликнул маршал. – Сегодня вы первая. Боже, как вы всегда свежи и хороши!

– Скажите лучше, «окоченели», герцог.

– Прошу вас, пройдемте в будуар.

– Вот как? Разговор с глазу на глаз, маршал?

– Нет, втроем, – раздался чей-то надтреснутый голос.

– Таверне! – вскричал маршал. – Вечно испортит весь праздник, – добавил он на ухо графине.

– Вот фат! – рассмеявшись, бросила графиня, и все трое прошли в соседнюю комнату.

2. Лаперуз

В тот же миг приглушенный стук колес по заснеженным плитам двора известил маршала о прибытии остальных гостей, и вскоре благодаря распорядительности дворцового дежурного приглашенные уселись за овальный стол в столовой; девять лакеев, немых, словно тени, проворных, но без торопливости, предупредительных, но без навязчивости, заскользили по коврам, не задевая ни самих гостей, ни даже их кресла, покрытые мехами, в которых буквально утопали сидящие за столом.

Гости маршала наслаждались нежным теплом, струящимся от печей, ароматами мяса, букетами вин, а после супа завязалась и застольная беседа.

Ни звука не доносилось снаружи, так как ставни были плотно прикрыты, внутри также царил полная тишина: не звякала ни тарелка при перемене, ни столовое серебро, бесшумно появлявшееся на столе из буфетной, и даже дворецкий отдавал приказы лакеям не шепотом, а взглядом.

Минут через десять приглашенные почувствовали, что они в столовой одни – слуги казались столь немymi и бесплотными, что обязательно должны были быть и глухими.

Г-н де Ришелье первым нарушил царившее за столом молчание, обратившись к соседу справа:

– Почему вы ничего не пьете, господин граф?

Тот, к кому были обращены эти слова, был блондином лет сорока, невысоким, но широким в плечах; в его обычно грустных светло-голубых глазах порою мелькала искорка оживления, все черты его породистого, открытого лица выражали врожденное благородство.

– Я пью лишь воду, маршал, – ответил он.

– Но только не у Людовика Пятнадцатого, – возразил герцог. – Я имел честь обедать у него вместе с вами, господин граф, и тогда вы осмелились попробовать вина.

– Да, это чудное воспоминание, господин маршал. В семьдесят первом году я действительно пил там токайское из императорских погребов.

– Такое же вино мой дворецкий имеет честь наливать вам в эту минуту, господин граф, – сообщил Ришелье и поклонился.

Граф Хага поднял бокал к глазам и посмотрел сквозь него на свечи. Они сияли, словно расплавленные рубины.

– Действительно, – подтвердил он. – Благодарю вас, господин маршал.

Граф произнес слова благодарности с таким благородством и изяществом, что присутствующие в едином порыве поднялись с кресел и воскликнули:

– Да здравствует его величество!

– Правильно, – подхватил граф Хага, – да здравствует его величество король Франции! Не так ли, господин де Лаперуз?

– Господин граф, – ответил капитан негромко и почтительно, как человек, привыкший разговаривать с коронованными особами, – я покинул короля час назад, и он был ко мне так добр, что никто громче меня не воскликнет: «Да здравствует король!» Однако, поскольку через час я поскачу на почтовых к морю, где меня ожидают два корабля, отданные под мою команду его величеством, и окажусь далеко отсюда, я прошу у вас разрешения приветствовать сейчас другого короля, которому я был бы рад служить, не будь у меня столь хорошего господина.

И, подняв бокал, г-н де Лаперуз скромно поклонился графу Хаге.

– Вы правы, сударь, мы все готовы выпить за здоровье господина графа, – вмешалась г-жа Дюбарри, сидевшая слева от маршала. – Только пусть этот тост провозгласит наш старейшина, как выражаются в парламенте.

– Любопытно бы знать, Таверне, на кого тут намекают – на тебя или на меня? – рассмеялся маршал, бросив взгляд на старого друга.

– Не думаю, – заметил гость, помещавшийся напротив маршала де Ришелье.

– Чего вы не думаете, господин де Калиостро? – пронзительно взглянув на него, спросил граф Хага.

– Я не думаю, господин граф, – с поклоном отвечал Калиостро, – что наш старейшина – господин де Ришелье.

– О, вот это славно! – воскликнул маршал. – Похоже, речь идет о тебе, Таверне.

– Да полно, я же моложе тебя на восемь лет. Я родился в тысяча семьсот четвертом году, – возразил почтенный старец.

– Неужто вам восемьдесят восемь лет, господин герцог? – удивился г-н де Кондорсе.

– Увы, это так. Подсчитать несложно, особенно такому математику, как вы, маркиз. Я родился в прошлом веке, в великом веке, как его называют, в тысяча шестьсот девяносто шестом году.

– Невероятно! – заметил Делоне.

– О, будь здесь ваш отец, господин губернатор Бастилии, он ничего невероятного в этом не усмотрел бы, так как я был у него на пансионе в тысяча семьсот четырнадцатом году.

– Уверю вас, – вмешался г-н де Фаврас, – что старейшина среди нас – вино, которое господин граф Хага как раз наливает себе в бокал.

– Вы правы, господин де Фаврас, этому токайскому – сто двадцать лет, – отозвался граф. – Ему и принадлежит честь быть поднятым за здоровье короля.

– Минутку, господа, я протестую, – заявил Калиостро, оглядывая присутствующих умными, живыми глазами.

– Протестуете против права этого токайского на старшинство? – раздались голоса сотрапезников.

– Разумеется, потому что эту бутылку запечатывал я, – спокойно пояснил граф.

– Вы?

– Да, я. Это случилось в день победы, одержанной Монтекукколи⁴ над турками в тысяча шестьсот шестьдесят четвертом году.

Эти слова, произнесенные Калиостро с непоколебимой серьезностью, были встречены взрывом хохота.

– В таком случае, сударь, – сказала г-жа Дюбарри, – вам должно быть около ста тридцати лет – я прибавила десяток лет, потому что вы ведь должны были умудриться налить это прекрасное вино в такую большую бутылку.

– Когда я производил эту операцию, мне было больше десяти лет, сударыня, поскольку через день его величество император Австрийский оказал мне честь, поручив поздравить Монтекукколи, который своею победой при Санкт-Готхарде отомстил за поражение в Словении⁵, когда неверные в тысяча пятьсот тридцать шестом году наголову разбили имперцев, моих друзей и товарищей по оружию.

– Значит, – с той же невозмутимостью, что и Калиостро, проговорил граф Хага, – в то время вам должно было быть не менее десяти лет, раз вы лично присутствовали при этой памятной битве.

– Ужасный был разгром, господин граф, – с поклоном промолвил Калиостро.

– Но все-таки не такой, как поражение при Креси, – улыбнувшись, заметил Кондорсе.

⁴ Монтекукколи Раймунд (1609–1680) – граф, имперский князь и герцог, австрийский фельдмаршал, в 1664 г. одержал победу над турецкими войсками у монастыря Санкт-Готхард.

⁵ Словения – в XVIII в. владение Австрии

– Это верно, сударь, – с не менее ясной улыбкой отозвался Калиостро, – поражение при Креси было ужасным еще и потому, что разгром потерпела не только армия, но и вся Франция. Но следует признать, что англичане добились победы не очень-то честным путем. У короля Эдуарда были пушки, о чем понятия не имел Филипп Валуа⁶, точнее, во что он никак не хотел поверить, хотя я его и предупреждал, что своими глазами видел четыре орудия, которые Эдуард купил у венецианцев.

– Ах, так вы знали Филиппа Валуа? – осведомилась г-жа Дюбарри.

– Сударыня, я имел честь быть в числе тех пятерых сеньоров, которые сопровождали его, когда он покидал поле битвы, – ответил Калиостро. – Я приехал во Францию с несчастным престарелым королем Богемии, который был слеп и велел себя убить, когда узнал, что все пропало.

– О Боже, сударь, – воскликнул Лаперуз, – вы и представить не можете, как мне жаль, что вместо битвы при Креси вы не наблюдали за сражением при Акции⁷.

– Почему же, сударь?

– Да потому, что вы смогли бы сообщить мне кое-какие подробности по части навигации, которые, несмотря на прекрасный рассказ Плутарха, для меня не очень-то ясны.

– Какие именно, сударь? Я буду счастлив, если смогу вам чем-либо помочь.

– Так вы там были?!

– Нет, сударь, я был тогда в Египте. Царица Клеопатра поручила мне пересоставить Александрийскую библиотеку⁸. Я подходил для этой работы более других, поскольку знал лично лучших античных авторов.

– Вы видели царицу Клеопатру, господин Калиостро? – вскричала графиня Дюбарри.

– Как вижу вас, сударыня.

– Она была в самом деле красива или это только легенда?

– Вы сами знаете, госпожа графиня, что красота – понятие относительное. В Египте Клеопатра была королевой и красавицей, а в Париже смогла бы претендовать лишь на роль хорошенькой гризетки.

– Не следует отзываться дурно о гризетках, господин граф.

– Да Боже меня упаси!

– Итак, Клеопатра была...

– Невысокого роста, худощавой, живой, остроумной. Елаза у нее были большие и миндалевидные, нос греческий, зубы жемчужные, а рука – как у вас, сударыня: она была поистине достойна держать скипетр. Да вот, кстати, алмаз, который она мне подарила и который достался ей от ее брата Птолемея: она носила его на большом пальце.

– На большом пальце? – воскликнула г-жа Дюбарри.

– Да, по тогдашней египетской моде, а я видите! – с трудом надеваю его на мизинец.

Сняв с пальца перстень, он передал его г-же Дюбарри.

Алмаз и вправду был восхитителен – столь чистой воды и так искусно огранен, что мог стоять тридцать, а то и все сорок тысяч франков.

Обойдя стол, перстень вернулся к Калиостро, который невозмутимо надел его обратно на мизинец и сказал:

– Я вижу, вы мне не верите; с подобным роковым недоверием мне приходится бороться всю жизнь. Поплатились за это многие: Филипп Валуа – когда я советовал ему открыть Эдуарду путь к отступлению; Клеопатра – когда я предсказывал, что Антоний будет разбит;

⁶ Филипп VI из династии Валуа (1293–1350) – с 1328 г. король Франции, во время Столетней войны неоднократно сражавшийся с английскими войсками Эдуарда III.

⁷ Акций – мыс в Ионическом море, где в 31 г. до н. э. флот Октавиана разбил флот Антония и Клеопатры.

⁸ Крупнейшее в древности собрание рукописных книг. Основана в начале 36 г. до н. э., сгорела в 47 г. до н. э.

трояницы – когда во поводу деревянного коня я говорил им: «Кассандра вдохновлена свыше, послушайте Кассандру».

– Это невозможно! – воскликнула сквозь одолевавший ее хохот г-жа Дюбарри. – В жизни не видела, чтобы человек мог быть таким серьезным и в то же время таким забавником.

– Уверяю вас, – с поклоном ответил Калиостро, – что Ионафан был еще большим забавником, чем я. О, что это был за очаровательный товарищ! Когда Саул его убил, я чуть с ума не сошел от горя⁹.

– Послушайте, граф, – вмешался герцог де Ришелье, – если вы не остановитесь, то сведете с ума беднягу Таверне: он так боится смерти, что смотрит на вас испуганными глазами, поскольку поверил в ваше бессмертие. Скажите, но только откровенно: вы бессмертны или нет?

– Вы спрашиваете, бессмертен ли я?

– Вот именно.

– Этого я не знаю, но точно могу сказать одно.

– Что же именно? – спросил Таверне, слушавший графа с более напряженным вниманием, чем остальные.

– А то, что я и вправду был свидетелем всего, о чем тут говорил, и знал всех, о ком тут упоминал.

– Вы знали Монтекукколи?

– Как знаю вас, господин де Фаврас, и даже ближе: вас я имею честь видеть во второй или в третий раз, тогда как с этим опытным стратегом прожил в одной палатке почти год.

– И вы знали Филиппа Валуа?

– Я уже имел честь сообщить вам об этом, господин де Кондорсе. Только потом он вернулся в Париж, а я покинул Францию и вернулся в Богемию.

– А Клеопатру?

– Да, госпожа графиня, и Клеопатру. Я уже говорил, что у нее были такие же, как у вас, черные глаза и грудь, почти столь же прекрасная, как ваша.

– Но, граф, откуда вы знаете, какая у меня грудь?

– У вас она такая же, как у Кассандры, сударыня, и в довершение всего у нее, как и у вас, или, вернее, у вас, как и у нее, слева, на уровне шестого позвонка, есть черное родимое пятнышко.

– Но вы же просто чародей, граф!

– Э нет, маркиз, – со смехом возразил маршал де Ришелье, – об этом рассказал ему я.

– А откуда это известно вам?

– Семейная тайна, – поджав губы, ответил маршал.

– Отлично, отлично, – пробормотала г-жа Дюбарри. – Ей-богу, маршал, когда идешь к вам, нужно накладывать двойной слой румян. – И, повернувшись к Калиостро, добавила: – Значит, сударь, вы владеете секретом молодости, потому что для своих трех-четырёх тысяч лет выглядите едва ли на сорок.

– Да, сударыня, у меня есть секрет молодости.

– Омолодите же меня в таком случае!

– Вам, сударыня, это ни к чему: чудо уже свершилось. Ведь человеку столько лет, на сколько он выглядит, а вам не дашь и тридцати.

– Это лишь учтивость с вашей стороны.

– Нет, сударыня, так оно и есть.

– Но объяснитесь же!

⁹ Ошибка: Саул не убивал своего сына Ионафана, он был убит в битве с филистимлянами (I Царств. 31, 2).

– Нет ничего проще. Вы уже подверглись омоложению.

– Каким это образом?

– Вы приняли мой эликсир.

– Я?

– Вы, графиня, вы. Неужели вы забыли?

– О, это что-то новенькое!

– Графиня, помните некий дом на улице Сен-Клод? Помните, как вы пришли в этот дом по одному делу, касавшемуся господина де Сартин? Помните об услуге, которую вы оказали моему приятелю по имени Жозеф Бальзамо? Помните, как он вручил вам флакон эликсира и велел принимать каждое утро по три капли? Помните, что вы так и поступали вплоть до прошлого года, когда содержимое флакона кончилось? Если вы забыли все это, графиня, то, право же, речь может идти уже не о скверной памяти, а о неблагодарности.

– Ах, господин де Калиостро, вы говорите такие вещи...

– Какие известны лишь вам одной, я это знаю. Но стоит ли быть чародеем, если не знать секретов своих ближних?

– Однако у Жозефа Бальзамо тоже был рецепт этого волшебного эликсира?

– Нет, сударыня, но, поскольку он был одним из моих лучших друзей, я дал ему несколько флаконов.

И у него сколько-нибудь еще осталось?

– Этого я не знаю. Уже три года, как бедняга Бальзамо пропал. Последний раз я видел его в Америке, на берегах Огайо, он тогда отправлялся в экспедицию в Скалистые горы. Позднее до меня доходили слухи о его гибели.

– Послушайте-ка, граф, – вскричал маршал, – полно вам любезничать! Выкладывайте, граф, вашу тайну!

– Но только без шуток, сударь, – попросил граф Хага.

– Я вполне серьезен, государь, – о, прошу прощения, я хотел сказать «господин граф», – ответил Калиостро и поклонился, давая понять, что это просто обмолвка.

– Значит, – продолжал маршал, – графиня недостаточно стара, чтобы подвергнуться омоложению?

– По совести говоря, нет.

– Тогда вот вам другой пациент, мой друг Таверне. Что скажете? Не правда ли, он похож на современника Понтия Пилата? Но быть может, он, напротив, слишком стар?

– Отнюдь, – ответил Калиостро, взглянув на барона.

– Ах, дорогой граф, если вы его омолодите, я объявлю вас учеником Медеи!¹⁰ – воскликнул Ришелье.

– Вы действительно этого хотите? – спросил Калиостро, обращаясь к хозяину дома и обводя глазами собравшихся.

Все в знак согласия кивнули.

– И вы тоже, господин де Таверне?

– Да я-то в первую очередь, черт возьми! – вздохнул барон.

– Что ж, это несложно, – бросил Калиостро и извлек из кармана восьмиугольную бутылочку.

Затем, взяв чистый хрустальный бокал, он нацедил в него несколько капель из бутылочки. После этого он долил хрустальный бокал до половины ледяным шампанским и протянул его барону. Присутствующие, разинув рты, следили за каждым его движением.

Барон взял бокал, поднес к губам, но в последний миг заколебался.

¹⁰ По древнегреческой легенде, волшебница Медея снабдила Ясона мазью, которая делала его неуязвимым.

Увидев его сомнения, присутствующие так громко расхохотались, что Калиостро вышел из терпения:

– Поторопитесь, барон, или жидкость, каждая капля которой стоит сотню луидоров, пропадет.

– Вот дьявол, это вам не токайское! – попытался пошутить Ришелье.

– Значит, нужно пить? – чуть не дрожа, спросил барон.

– Или отдать бокал другому, сударь, чтобы эликсир хоть кому-то оказал пользу.

– Давай, – предложил герцог де Ришелье и протянул руку.

Барон понюхал содержимое бокала и, ободренный животворным бальзамическим ароматом и приятным розовым цветом, в который окрасили шампанское несколько капель эликсира, одним глотком выпил волшебную влагу.

В тот же миг ему почудилось, что по его телу пробежала дрожь, которая заставила старую, медлительную кровь, дремавшую у него в венах от головы до ног, прихлынуть к коже. Морщины расправились, глаза, полуприкрытые дряблыми веками, непроизвольно распахнулись. Зрачки заблестели и расширились, дрожь в руках исчезла, движения их стали уверенными, голос сделался тверже, колени, к которым вернулась былая подвижность, распрямились, поясница расправилась. Казалось, что удивительная жидкость, разлившись по телу, влила в него новую жизнь.

В комнате раздался крик изумления и, главное, восхищения. Таверне, который жевал до этого лишь деснами, вдруг почувствовал голод. Проворно схватив тарелку и нож, он положил себе рагу, что стояло слева от него, и принялся с хрустом перемалывать косточки куропатки, приговаривая, что зубы у него – вновь как у двадцатилетнего.

В течение получаса он ел, смеялся, пил и издавал радостные возгласы, а сотрапезники изумленно наблюдали за ним, но затем он вдруг угас, словно лампада, в которой кончилось масло. Сначала у него на лбу вновь появились пропавшие было морщины, потом глаза снова прикрылись веками и помутнели. Он перестал чувствовать вкус пищи, спина его согнулась, аппетит пропал, колени вновь задрожали.

– Ох! – простонал он.

– Что такое? – раздался голоса.

– Что такое? Прощай, молодость.

С этими словами старик испустил глубокий вздох, на глазах у него показались слезы.

Каждый из присутствующих также вздохнул, видя, как человек, обретший было молодость, стал вдруг еще старше от столь быстрой перемены.

– Это нетрудно объяснить, господа, – заговорил Калиостро. – Я накапал барону тридцать пять капель эликсира жизни, вот он и помолодел на тридцать пять минут.

– Еще, прошу вас, граф, еще, – жадно прошептал старик.

– Нет, сударь: следующая попытка может вас убить, – ответил Калиостро.

За этой сценой с наибольшим любопытством наблюдала г-жа Дюбарри, так как из всех присутствующих только ей были ведомы свойства эликсира.

Графиня следила, как молодость и жизнь постепенно наполняют артерии старика Таверне. Она смеялась, хлопала в ладоши, и сама, казалось, становилась моложе.

Когда благотворное действие напитка достигло своей высшей точки, она едва удержалась, чтобы не выхватить флакон из рук Калиостро.

Но когда Таверне вновь постарел, причем еще быстрее, чем сделался молодым, она печально проговорила:

– Увы! Я вижу, что все это тщета, химера: чудо длилось лишь тридцать пять минут.

– То есть, – подхватил граф Хага, – чтобы стать молодым на два года, нужно выпить реку.

Все рассмеялись.

– Нет, – возразил Кондорсе, – расчет тут прост: тридцать пять капель на тридцать пять минут – это ничто по сравнению с пятьюстами двадцатью пятью тысячами шестьюстами каплями, которые нужно выпить, если хочешь пробыть молодым целый год.

– Настоящее наводнение, – заметил Лаперуз.

– А между тем со мною было не так, сударь: маленькой бутылочки, всего раза в четыре больше вашего флакона, которую дал мне ваш друг Жозеф Бальзамо, хватило, чтобы задержать для меня бег времени на десять лет.

– Вот именно, сударыня, вы – единственная, кто понял суть этого таинственного явления. Очень старому человеку требуется именно такое количество, чтобы получить желаемый эффект. Но тридцатипятилетней женщине, какою были вы, или сорокалетнему мужчине, каким был я, когда мы начали пить эликсир жизни, в расцвете сил и молодости, достаточно принимать по десять капель эликсира в каждый период упадка, и тогда они будут наслаждаться вечной молодостью, будут оставаться очаровательными и энергичными.

– Что вы называете периодами упадка? – поинтересовался граф Хага.

– Это естественные периоды, господин граф. По законам природы силы человека растут до тридцати пяти лет. Затем, до сорока лет, они остаются неизменными. Начиная с сорока они идут на убыль, но до пятидесяти лет почти незаметно. Периоды эти приближаются друг к другу все быстрее и быстрее, и так – до самой смерти. Когда тело человека находится под чрезмерным напряжением, то есть при невзгодах и болезнях, рост сил останавливается в тридцать лет. Убывать они начинают в тридцать пять. Живи человек на лоне природы или в городе, он должен уловить тот момент, когда его организм будет находиться в равновесии, чтобы не началось движение на убыль. Тот, кто, как я, владеет секретом эликсира, знает, когда начать атаку на свою натуру, чтобы застать ее врасплох и не дать двигаться своим путем, а следовательно, будет жить, как я, будет всегда молодым или по крайней мере настолько молодым, насколько ему этого хочется.

– Боже, господин Калиостро, – вскричала графиня, – почему же вы, в чьей власти выбирать себе возраст по желанию, не остановили свой выбор на двадцати годах?

– Потому что, госпожа графиня, – с улыбкой отвечал Калиостро, – мне удобнее быть сорокалетним мужчиной, здоровым и зрелым, а не зеленым двадцатилетним юнцом.

– Вот оно что, – протянула графиня.

– Ну, разумеется, сударыня, – продолжал Калиостро. – В двадцать лет ты нравишься тридцатилетним женщинам, а в сорок – повелеваешь двадцатилетними женщинами и шестидесятилетними мужчинами.

– Сдаюсь, сударь, – сказала графиня. – Да и как станешь спорить с живым доказательством?

– Стало быть, я приговорен, – жалобно пролепетал Таверне, – так как принял эликсир слишком поздно.

– Господин де Ришелье оказался ловчее вас, – с прямою истинного моряка наивно проговорил Лаперуз, – до меня не раз доходили слухи, что у маршала есть какой-то рецепт...

– Это сплетни, которые распускают женщины, – расхохотавшись, проронил граф Хага.

– Неужели есть причины им не верить, а, герцог? – осведомилась г-жа Дюбарри.

Старый маршал, который никогда не краснел, вдруг залился краской и переспросил:

– Вы хотите знать, господа, в чем состоит мой рецепт?

– Ну еще бы!

– В том, чтобы щадить себя.

Собравшиеся зашумели.

– Вот так-то, – отчеканил маршал.

Я с вами поспорила бы, – изрекла графиня, – если бы только что не видела действие рецепта господина де Калиостро. Держитесь, господин чародей, вопросы у меня еще не кончились.

– Прошу вас, сударыня, прошу.

– Вы говорите, что впервые испробовали действие своего эликсира жизни, когда вам было сорок?

– Да, сударыня.

– И что с тех пор, то есть с осады Трои...

– Это было чуть раньше, сударыня.

– Будь по-вашему. И с тех пор вам все время сорок?

– Сами видите, сударыня.

– Но таким образом вы доказываете даже больше, чем того требует ваша теорема, – вмешался Кондорсе.

– Что же я доказываю, господин маркиз?

– Вы доказываете возможность не только вечной молодости, но и сохранения жизни. Ведь если во время Троянской войны вам было сорок, значит, вы с тех пор не умирали.

– Верно, господин маркиз, признаюсь: не умирал.

– А между тем вы ведь не обладаете неуязвимостью Ахилла. Да что я говорю! И Ахилл не был неуязвим, потому что Парис все же убил его, угодив стрелой ему в пятку.

– Нет, к моему великому сожалению, я не обладаю неуязвимостью, – ответил Калиостро.

– Значит, вас могли убить, вы могли умереть насильственной смертью?

– Увы, да.

– Каким же образом вам удалось избежать этого на протяжении трех тысяч лет?

– Удача, господин граф. Извольте проследить за ходом моих рассуждений.

– Я слежу.

– Следим, следим, – раздались голоса собравшихся, которые с видом непритворного интереса облокотились о стол и приготовились слушать.

Голос Калиостро зазвучал в полной тишине.

– В чем первейшее условие жизни? – спросил он, изящно разводя белыми руками. Среди перстней, унизывавших его пальцы, перстень Клеопатры сиял, как Полярная звезда. – Здоровье, не так ли?

– Да, разумеется, – слышались голоса.

– А условием здоровья является...

– Режим, – закончил за Калиостро граф Хага.

– Вы правы, господин граф, режим – неперемное условие здоровья. Так почему же не допустить, что в каплях моего эликсира не заключен наилучший режим?

– Кто это знает?

– Вы, граф.

– Конечно, но...

– Но не другие, – заключила графиня.

– Это, сударыня, вопрос, которым мы сейчас займемся. Итак, я всегда следовал режиму своих капель, а поскольку они – воплощение вечной мечты всех времен и народов, которую древние искали под именем воды молодости, а сегодня ищут под именем эликсира жизни, я постоянно сохранял молодость, а следовательно, здоровье, а следовательно, и жизнь. Это ясно.

– Но ведь со временем все изнашивается, граф, даже самое прекрасное тело.

– И тело Париса, и тело Вулкана¹¹, – ввернула графиня.

– Вы, конечно, знали Париса, господин граф?

– Превосходно знал, сударыня, это был весьма красивый юноша, но, в сущности, он ничем не заслуживал ни слов, написанных о нем Гомером, ни мнения, сложившегося о нем у женщин. Начать с того, что он был рыжий.

– Рыжий? Фи, какой ужас! – воскликнула графиня.

– К несчастью, – заметил Калиостро. – Елена придерживалась иного мнения, сударыня.

Однако вернемся к эликсиру.

– Да, да, – поддержали собравшиеся.

– Вы утверждаете, господин де Таверне, что все изнашивается. Пусть так. Но вам известно также, что все восстанавливается, возобновляется, сменяется одно другим, если хотите. Возьмем знаменитый кинжал святого Юбера: сколько раз менялось в нем и лезвие, и рукоять, но он ведь так и остался кинжалом святого Юбера. Вино, хранящееся в подвале у гейдельбергских монахов, – всегда одинаково, хотя гигантская бочка наполняется каждый год напитком нового урожая. И кроме того, вино гейдельбергских монахов всегда прозрачное, живое и вкусное, тогда как вино, запечатанное мною и Опимием¹² в глиняные амфоры, через сто лет, когда я его попробовал, уже превратилось в густую жижу, которую, наверное, можно есть, но уж никак не пить.

– Так вот, вместо того чтобы следовать примеру Опимия, я решил воспользоваться опытом гейдельбергских монахов. Я поддерживал свое тело, вводя в него каждый год новые элементы, призванные заменить старые. Каждое утро юная и свежая частичка замещала в моей крови, плоти, костях частичку отжившую и бесполезную.

– Я оживил обломки, которым заурядный человек позволяет незаметно заполнить всего себя, я вынудил всех солдат, которых Господь дал человеку для защиты от разрушения и которых большинство людей истребляет или оставляет пребывать в праздности, – так вот, я заставил их выполнять работу, облегчающую и даже вызывающую появление в организме все новых возбуждающих элементов. И в результате столь прилежного изучения человеческого организма мои мышцы, мозг, нервы, сердце и душа ни на секунду не прекращали своей деятельности, а поскольку в мире все связано между собою, поскольку каждый орган лучше всего делает лишь положенную ему работу, я, естественно, сумел лучше других избегать опасностей, подстерегавших меня на протяжении трех тысяч лет, – и все потому, что научился принимать меры предосторожности в предвидении неблагоприятных обстоятельств или опасностей. К примеру, вы не заставите меня войти в дом, который вот-вот обрушится. О нет, я повидал на своем веку достаточно домов, чтобы уметь с первого взгляда отличить крепкий от прогнившего. Вы не заставите меня пойти на охоту с растяпой, который не умеет обращаться с ружьем. Начиная с Кефала, убившего свою жену Прокриду¹³, и кончая регентом¹⁴, который выбил глаз господину принцу, я видел слишком много растяп. На войне вы не заставите меня занять позицию, вполне удобную по мнению других, прежде чем я не сделаю в уме молниеносный расчет и не приду к выводу, что никакая прямолинейная или параболическая траектория не заканчивается в этой точке. Вы мне скажете, что нельзя угадать, откуда прилетит шальная пуля. На это я отвечаю: для человека, который миллион раз сумел не попасть под выстрелы, позволить шальной пуле убить себя – непростительно. Ах, не нужно недоверчиво качать головами, ведь я – живое тому подтверждение. Я не настаиваю

¹¹ В римской мифологии бог огня и кузнечного ремесла, отличавшийся физическим безобразием.

¹² Опимий – римский консул в 121 г. до н. э. Год его консульства прославился урожаем прекрасного вина.

¹³ Согласно древнегреческому мифу, прекрасный охотник Кефал случайно убил на охоте жену, когда она тайно следила за ним, подозревая в неверности.

¹⁴ Филипп, герцог Орлеанский (1674–1723) – племянник Людовика XIV, регент Франции в 1715–1723 гг. во время малолетства Людовика XV, правнука Людовика XIV.

на том, что бессмертен, я просто говорю, что знаю то, чего не знает никто: как избежать случайной смерти. Я, например, ни за что на свете не останусь хоть на четверть часа наедине с господином Делоне, который сейчас думает, что, сиди я в одной из одиночек Бастилии, он проверил бы, бессмертен ли я, с помощью голода. Не останусь я и с господином де Кондорсе, поскольку он подумывает, не бросить ли мне в бокал содержимое перстня, который он носит на указательном пальце, а это содержимое – не что иное, как яд. При этом оба они не питают ко мне злобы, а просто-напросто полны научной любознательности: им хочется проверить, умру я или нет.

Упомянутые Калиостро сотрапезники беспокойно задвигались.

– Признайтесь откровенно, господин Делоне, мы ведь не на суде, да и за намерения не карают. Думали вы об этом? А вы, господин де Кондорсе, скажите: действительно ли в вашем перстне содержится яд, который вы не прочь дать мне распробовать во имя дорогой вашему сердцу любовницы – науки?

– Силы небесные! – покраснев, рассмеялся г-н Делоне. – Признаюсь, вы были правы, господин граф, я на миг словно обезумел. Но эта безумная мысль лишь промелькнула у меня в голове, как раз когда вы высказывали ее вслух.

– Как и господин Делоне, я тоже не стану скрывать, – проговорил г-н де Кондорсе. – Я действительно подумал, что если вы попробуете содержимое моего перстня, я гроша ломаного не дам за ваше бессмертие.

У сидевших за столом вырвался крик восхищения.

– Сделанные только что признания подтвердили пусть не бессмертие, но, во всяком случае, необыкновенную проницательность графа Калиостро.

– Вот видите, – спокойно отметил Калиостро, – я угадал. Это все могло произойти. Жизненный опыт мгновенно раскрыл мне прошлое и будущее людей, на которых я посмотрел.

Моя проницательность такова, что простирается даже на животных и неживую материю. Садясь в карету, я по виду лошадей угадываю, понесут они или нет, по выражению лица кучера – перевернет он меня или нет, разобьет или нет. Ступая на палубу корабля, я сразу вижу, если капитан невежда или упрямец и, следовательно, не сможет или не пожелает выполнить необходимый маневр. Поэтому я держусь подальше от таких кучеров и капитанов, а также от их лошадей и судов. Я не отрицаю случайностей – я их свожу к минимуму. Вместо того чтобы оставлять им сто процентов вероятия, я отнимаю у них девяносто девять и остерегаюсь сотого. Это-то и позволило мне прожить три тысячи лет.

– В таком случае, – среди возгласов энтузиазма и разочарования, вызванных словами Калиостро, проговорил с улыбкой Лаперуз, – в таком случае, мой дорогой пророк, вам следует отправиться со мною и взглянуть на мои корабли. Вы окажете мне неоценимую помощь.

Калиостро промолчал.

– Господин маршал, – все с той же улыбкой продолжал мореплаватель, – раз господин граф де Калиостро не хочет покидать столь милое общество, и я его понимаю, то позвольте сделать это мне. Прошу извинить меня, господин граф Хага, прошу извинить меня, сударыня, но бьет семь, а я обещал королю уже в семь с четвертью сидеть в почтовой карете. А теперь, раз господин граф де Калиостро не склонен отправиться со мной и бросить взгляд на мои корабли, пусть он скажет хотя бы, что произойдет со мною на пути от Версаля до Бреста. От Бреста до полюса я уж как-нибудь обойдусь без его услуг, это мое дело, но насчет дороги от Версаля до Бреста он, черт возьми, должен меня просветить.

Калиостро посмотрел на Лаперуза с такою нежностью и грустью, что большинство сидевших за столом были удивлены. Но мореплаватель ничего не заметил. Он откланялся, слуги набросили на него тяжелый меховой плащ, а г-жа Дюбарри сунула ему в карман горсть

конфет, о которых путешественник сам никогда не подумает, но которые так сладки для него, когда в долгие ночи среди стужи напоминают ему об отсутствующих друзьях.

Все так же улыбаясь, Лаперуз почтительно поклонился графу Хаге и протянул руку старому маршалу.

– Прощайте, мой дорогой Лаперуз, – проговорил герцог де Ришелье.

– Нет, господин герцог, до свидания, – ответил Лаперуз. – Ей-богу, можно подумать, что я уезжаю навсегда, а я отправляюсь всего лишь вокруг света, года на четыре-пять, не больше, так что говорить «прощайте» совершенно ни к чему.

– Года на четыре-пять! – воскликнул маршал. – Уж лучше, сударь, скажите «на четыре-пять веков»! В моем возрасте каждый год считается за век, так что все-таки прощайте!

– Вот еще! – рассмеялся Лаперуз. – Спросите у прорицателя, и он напроорочит вам еще лет двадцать. Не правда ли, господин де Калиостро? Ах, граф, что ж вы раньше не рассказывали мне о своих каплях? Я погрузил бы на свою «Астролябию»¹⁵ их целую бочку, чего бы это мне ни стоило. Так называется мой корабль, господа. Сударыня, позвольте еще раз поцеловать вашу прекрасную руку – самую прекрасную из всех, какие я увижу здесь по возвращении. До свидания!

С этими словами Лаперуз удалился.

Калиостро продолжал хранить зловещее молчание.

Шаги капитана гулко простучали по ступеням крыльца, во дворе слышался его веселый голос: Лаперуз прощался со всеми, кто собрался его проводить.

Лошади тряхнули головами, украшенными колокольчиками, сухо стукнула дверца кареты, и колеса загремели по улице.

Лаперуз сделал первый шаг по тому таинственному пути, из которого ему не суждено было вернуться.

Гости сидели, прислушиваясь.

Наступила тишина, и взоры присутствующих, словно по волшебству, обратились в сторону Калиостро. Его лицо озарилось таким пророческим светом, что все вздрогнули.

Несколько мгновений в столовой царило странное молчание.

Первым его нарушил граф Хага:

– Почему вы ему ничего не ответили, сударь?

В этом вопросе отразилось беспокойство всех присутствующих.

Калиостро вздрогнул, словно сказанные графом слова вывели его из глубокой задумчивости.

– Потому что мне пришлось бы или солгать, или сказать жестокую правду, – ответил Калиостро графу.

– Что вы имеете в виду?

– Я должен был сказать следующее: «Господин Лаперуз, герцог де Ришелье прав, считая, что больше с вами не увидится и прощается навсегда».

– Какого черта? – побледнев, воскликнул Ришелье. – Что вы такое говорите, господин де Калиостро?

– О, успокойтесь, господин маршал, – живо отозвался Калиостро, – это предсказание печально, но не для вас.

– Как! – вскричала г-жа Дюбарри. – Бедняга Лаперуз, который только сейчас поцеловал мне руку...

– Не только никогда больше ее не поцелует, сударыня, но и никогда не увидит тех, с кем простился этим вечером, – закончил Калиостро, внимательно вглядываясь в бокал с водой, в котором на яркой опаловой жидкости играли тени от окружающих предметов.

¹⁵ Ошибка: корабль Лаперуза назывался «Буссоль», а «Астролябией» командовал Поль Антуан Флерио де Лангль.

С губ у присутствующих сорвался изумленный вскрик.

Их интерес к завязавшемуся разговору возрастал с каждой минутой; судя по серьезному, чуть ли не тоскливому виду, с каким они – кто голосом, кто взглядом – задавали вопросы, могло показаться, что собравшиеся приготовились внимать предсказаниям античного оракула.

Среди всеобщей озабоченности г-н де Фаврас, уловив общее настроение, поднялся, приложил палец к губам и на цыпочках прошел в прихожую, чтобы узнать, не подслушивает ли кто из слуг.

Но, как мы уже говорили, в доме у маршала де Ришелье царил порядок, поэтому г-н де Фаврас увидел в прихожей лишь старого управителя, который с суровостью часового, стоящего на отдаленном посту, охранял подступы к столовой в торжественный час десерта.

Г-н де Фаврас вернулся на место и жестом показал гостям, что они одни.

– В таком случае, – громко заговорила г-жа Дюбарри, успокоенная уверениями г-на де Фавраса, – расскажите нам, граф, что ждет беднягу Лаперуза.

Калиостро отрицательно покачал головой.

– Да будет вам, господин Калиостро! – наперебой загалдели мужчины.

– Мы вас просим, в конце концов!

– Что ж, господин де Лаперуз, как он сам вам сказал, выходит в море с целью совершить кругосветное путешествие и продолжить маршруты несчастного Кука, который, как вам известно, был убит на Сандвичевых¹⁶ островах.

Присутствующие согласно закивали.

– Этому путешествию все предвещает успех. Господин де Лаперуз – отменный моряк, кроме того, король Людовик Шестнадцатый сам весьма умело проложил маршрут плавания.

– О да, – перебил граф Хага, – король Франции – знающий географ, не так ли, господин де Кондорсе?

– Даже более знающий, нежели это нужно для короля, – согласился маркиз. – Короли должны знать обо всем лишь в общих чертах. Тогда ими смогут руководить люди, знающие предмет всесторонне.

– Это урок, господин маркиз? – улыбнувшись, спросил граф Хага.

– О нет, господин граф, просто размышление, немножко философское.

– Итак, он выходит в море? – вмешалась г-жа Дюбарри, желая прервать любую попытку повернуть разговор в сторону от главного направления.

– Итак, он выходит в море, – повторил Калиостро. – Но хотя он и покинул нас так поспешно, не думайте, что он выйдет в море немедленно. Нет, насколько я вижу, он потеряет много времени в Бресте.

– Жаль, – заметил Кондорсе, – сейчас как раз самое время пускаться в плавание. Даже немного поздно, в феврале или марте было бы лучше.

– О, не ставьте ему в упрек эти несколько месяцев, господин де Кондорсе, ведь все это время он жил – жил и надеялся.

– Надеюсь, спутники у него достойные? – осведомился Ришелье.

– Вполне, – ответил Калиостро. – Командир второго корабля – славный офицер. Я вижу его: он еще молод, полон жажды приключений и, к несчастью, отважен.

– К несчастью?

– Я пытаюсь отыскать, где он будет через год, но не вижу его, – проговорил Калиостро, с беспокойством вглядываясь в бокал. – Никто из вас не находится в родстве или свойстве с господином де Ланглем?

Нет.

¹⁶ Ныне Гавайские.

– И никто с ним не знаком?

– Никто.

– Так вот: смерти начнутся с него. Я больше его не вижу.

Среди присутствующих пронесся ропот страха.

– Ну, а он?.. Как он?.. Лаперуз? – слышались запинаящиеся голоса.

– Плывет, пристаёт к берегу, отплывает снова... Один год успешного плавания, другой.

От него будут получены известия¹⁷. А потом...

– Что потом?

– Пройдут годы.

– И в конце концов?

– В конце концов – необозримый океан, пасмурное небо. Тут и там появляются неизведанные земли, тут и там возникают уродливые фигуры, напоминающие чудовищ греческого архипелага. Они подстерегают корабль, который течение несет сквозь туман меж рифами. Потом шторм, однако более милосердный, нежели берег, потом два зловещих огня. О Лаперуз, Лаперуз! Если бы ты мог меня слышать, я сказал бы тебе: «Ты, словно Христофор Колумб, отправился открывать новые земли, Лаперуз, но опасайся неизведанных островов!»

Калиостро умолк.

Едва над столом отзвучали его последние слова, как по телу гостей пробежала ледяная дрожь.

– Но почему же вы его не предупредили? – вскричал граф Хага, как и другие поддавшийся влиянию этого необычного человека, который по своей прихоти заставлял сердца биться сильнее.

– Да, да, – подхватила г-жа Дюбарри, – нужно послать за ним, вернуть его! Жизнь такого человека, как Лаперуз, стоит усилий одного гонца, мой дорогой маршал.

Маршал понял и тут же привстал, чтобы позвонить. Калиостро движением руки удержал его. Маршал упал назад в кресло.

– Увы! – продолжал Калиостро. – Советы тут ни к чему: человек, способный читать судьбу, не способен ее изменить. Услышав мои слова, господин де Лаперуз просто рассмеялся бы, как смеялись сыновья Приама над пророчеством Кассандры. Да что там, вы и сами посмеиваетесь, господин граф Хага, и вскоре остальные последуют вашему примеру. О, не спорьте, господин де Фаврас, я еще не встречал слушателей, которые бы мне верили.

– Но мы верим! – в один голос вскричали г-жа Дюбарри и старый герцог де Ришелье.

И я верю, – пробормотал Таверне.

– Я тоже, – учтиво подтвердил граф Хага.

– Да, вы верите, – отозвался Калиостро, – верите, так как речь идет не о вас, а коснись она вас, вы бы поверили?

– Еще бы!

– Несомненно!

– Я поверил бы, – сказал граф Хага, – если бы был на месте господина де Лаперуза и господин де Калиостро действительно сказал бы мне: «Остерегайтесь неизведанных островов». Тогда я был бы настороже, это все-таки какой-то шанс.

– Нет, уверяю вас, господин граф: поверь он мне, это было бы ужасно. Судите сами: при виде неизведанных островов несчастный всякий раз ощущал бы опасность; веря моему предсказанию, он чувствовал бы, что ему отовсюду грозит таинственная смерть, а он не может спастись. И он пережил бы уже не одну, а тысячу смертей – ведь идти во мраке, не чувствуя ничего, кроме отчаяния, не лучше, чем умирать тысячу раз. Ведь надежда, которую

¹⁷ Офицером, доставившим последние вести о Лаперузе, был г-н де Лессепс, единственный участник экспедиции, вернувшийся во Францию (прим, автора).

я у него отнял бы, – это последнее утешение, остающееся у горемыки даже под ножом: пусть нож уже касается его тела, пусть он чувствует прикосновение острия, пусть уже брызнула кровь. Пусть уходит жизнь, но человек все еще надеется.

– Это верно, – вполголоса проговорили некоторые из присутствующих.

– Да, – продолжал Калиостро, – завеса, скрывающая от нас конец нашей жизни, – единственное настоящее благо, которое Господь даровал человеку на земле.

– Как бы там ни было, – заметил граф Хага, – но если бы человек вроде вас посоветовал мне опасаться какого-то человека или какой-то вещи, я послушался бы его и поблагодарил.

Калиостро едва заметно покачал головой и печально улыбнулся.

– В самом деле, господин де Калиостро, – продолжал граф, – предупредите меня, и я вас отблагодарю.

– Вы хотите, чтобы я сказал вам то, чего не захотел сказать господину де Лаперузу?

– Да, хочу.

Калиостро уже собрался было заговорить, но вдруг передумал.

– Нет, господин граф, нет, – бросил он.

– Но я вас очень прошу!

Калиостро отвернулся и прошептал:

– Никогда.

– Берегитесь, – с улыбкой сказал граф, – я могу в вас разувериться.

– Лучше уж неверие, чем тоска.

– Господин де Калиостро, – серьезно продолжал граф, – вы забываете об одном.

– О чем же? – почтительно полюбопытствовал пророк.

– О том, что если многие люди могут позволить себе ничего не ведать о своей судьбе, то есть и такие, которым просто необходимо знать будущее, поскольку их судьба важна не только для них самих, но и для миллионов других людей.

– В таком случае, прикажите, – сказал Калиостро. – Без приказа я ничего не стану делать.

– Что вы хотите этим сказать?

– Что если ваше величество повелит, я подчинюсь, – тихо ответил Калиостро.

– Повелеваю вам открыть мне мое будущее, господин де Калиостро, – произнес король величественно и вместе с тем любезно.

Как только граф Хага позволил обращаться к себе как королю и, отдав приказ, нарушил свое инкогнито, г-н де Ришелье встал, смиренно поклонился и проговорил:

– Благодарю вас, государь, за честь, которую король Швеции оказал сему дому. Благоволите, ваше величество, занять почетное место, теперь оно только ваше.

– Давайте оставим все как есть, маршал, чтобы не потерять ни слова из того, что собирается сообщить мне господин де Калиостро.

– Однако королям правды не говорят, государь.

– Но я не у себя в королевстве. Займите же свое место, герцог, говорите, господин де Калиостро, заклинаю вас.

Калиостро поднес бокал к глазам: из его глубины, словно в шампанском, побежали пузырьки, казалось, взгляд графа притягивает воду и она бурлит, подчиняясь его воле.

– Скажите, что вы хотите узнать, государь, я готов ответить, – промолвил Калиостро.

– Какой смертью я умру?

– Вы умрете от пули, государь.

Чело Густава прояснилось.

– Ах, значит, в битве, – воскликнул он, – смертью солдата. Благодарю, господин де Калиостро, тысячу раз благодарю. Да, я предвижу многие битвы, а Густав-Адольф и Карл Двенадцатый показали мне, как умирают короли Швеции.

Калиостро молча опустил голову. Граф Хага нахмурился.

– Как! Разве пуля убьет меня не в разгар битвы? – спросил он.

– Нет, государь.

– Тогда, вероятно, во время мятежа. Что ж, и такое возможно.

– Нет, государь, и не во время мятежа.

– Но где же это случится?

– На балу, государь¹⁸.

Король задумался.

Калиостро, который было поднялся, опять сел и спрятал лицо в ладони.

Все, сидевшие рядом с пророком и предметом его пророчества, побледнели.

Г-н Кондорсе подошел к бокалу, в котором была прочитана столь зловещая судьба, взял его за ножку, поднял на уровень глаз и принялся пристально разглядывать сияющие грани и таинственное содержимое.

Казалось, умный, холодный взгляд ученого требовал у хрусталя – как твердого, так и жидкого – решения задачи, которую его разум свел к чисто физическому явлению.

И в самом деле: ученый прикидывал глубину бокала, углы отражения света и микроскопические движения воды. Он, всегда стремившийся доискаться причины явления, гадал: зачем этот человек, которому не откажешь в необыкновенных способностях, занимается шарлатанством перед достойными людьми, сидящими за столом.

Не найдя ответа на свой вопрос, он перестал разглядывать бокал, поставил его обратно на стол и среди всеобщего потрясения, вызванного пророчеством Калиостро, сказал:

– Ну что ж, я тоже прошу нашего славного пророка задать вопрос этому волшебному зеркалу. К несчастью, – добавил он, – я не могущественный властелин, приказов отдавать не могу, а моя безвестная жизнь никак миллионам людей не принадлежит.

– Сударь, – проговорил граф Хага, – вы можете приказывать именем науки, а ваша жизнь важна не только для вашего народа, но и для всего человечества.

– Благодарю вас, господин граф, но, быть может, господин де Калиостро не разделяет вашего мнения?

Калиостро вздернул голову, словно прищипоренный скакун.

– Будь по-вашему, маркиз, – ответил он с раздражением, которое древние приписали бы влиянию какого-нибудь терзающего его божества. – Будь по-вашему, вы – могущественный властелин в царстве мысли. Посмотрите мне в глаза: вы действительно желаете, чтобы я предсказал вам вашу судьбу?

– Действительно, господин граф, клянусь честью! – ответил Кондорсе.

– Так вот, маркиз, – глухо проговорил Калиостро, опуская глаза под пристальным взглядом маркиза, – вы умрете от яда, который лежит в перстне, что вы носите. Вы умрете...

– Но если я его выброшу? – прервал маркиз.

– Выбросьте.

– Признайте, ведь сделать это несложно.

– Так выбросьте, я же говорю.

– Ну, конечно, маркиз, – воскликнула г-жа Дюбарри, – ради Бога, выбросьте свой мерзкий яд – хотя бы для того, чтобы уличить во лжи этого противного пророка, огорчающего нас своими прорицаниями. Ведь если вы его выбросите, то отравиться им уж никак не сможете, а раз господин де Калиостро утверждает, что будет именно так, то и получится, что он сказал неправду.

– Госпожа графиня права, – поддержал граф Хага.

¹⁸ Густав III (1746–1792) – король Швеции, был ранен выстрелом из пистолета на бале-маскараде и через две недели умер.

– Bravo, графиня! – отозвался Ришелье. – Знаете, маркиз, в самом деле выбросьте яд. Это будет неплохо еще вот почему: зная, что вы носите на руке смерть, я теперь буду трепетать всякий раз, когда нам придется вместе пить. Перстень может открыться сам, а...

– А когда люди чокаются, бокалы оказываются совсем рядом. Выбросьте, маркиз, выбросьте, – поддержал Таверне.

– Бесполезно, – спокойно заметил Калиостро. – Господин де Кондорсе не выбросит его.

– Да, – подтвердил маркиз, я с ним не расстанусь, и не потому, что хотел бы помочь судьбе, а потому, что этот яд, приготовленный Кабанисом¹⁹, – единственный в своем роде, он получился случайно и случай этот может больше не повториться. Нет, я его не выброшу. Можете праздновать победу, господин де Калиостро.

– Судьба, – проговорил тот, – всегда отыщет верных помощников, которые выполнят ее предначертания.

– Значит, я умру от яда, – подытожил маркиз. – Что ж, чему быть, того не миновать. Добровольно от яда не умирают. Вы предсказали мне замечательную смерть: чуть-чуть яда на кончик языка – и меня нет. Это даже не смерть, это – минус жизнь, как выражаются в алгебре.

– Но я вовсе не хочу, чтобы вы страдали, сударь, – холодно ответил Калиостро, давая жестом понять, что больше он ничего говорить не намерен, во всяком случае относительно г-на де Кондорсе.

– Сударь, – вступил в разговор маркиз де Фаврас, наваливаясь грудью на стол, словно для того, чтобы быть поближе к Калиостро, вы уже назвали кораблекрушение, выстрел, отравление, у меня даже слюнки потекли. Так, может, вы предскажете и мне что-нибудь в этом роде?

– О, господин маркиз, – ответил Калиостро несколько оживленнее и ироничнее, – зря вы завидуєте этим господам, ведь вас как дворянина ждет кое-что похуже.

– Похуже! – со смехом воскликнул г-н де Фаврас. – Берегитесь, вы слишком много на себя берете: что может быть хуже моря, выстрела или яда?

– Остается еще веревка, господин маркиз, – учтиво ответил Калиостро.

– Веревка? Но что вы хотите этим сказать?

– Лишь то, что вы будете повешены²⁰, – ответил Калиостро, не в силах более сдерживать свой пророческий гнев.

– Повешен? Какого дьявола? – раздались голоса.

– Вы забываете, что я дворянин, сударь, – немного отрезвев, ответил Фаврас. – А если речь идет о самоубийстве, то предупреждаю: я намерен до последнего момента уважать себя достаточно для того, чтобы не прибегать к веревке, если при мне будет шпага.

– Я говорю не о самоубийстве, сударь.

– Стало быть, речь идет о казни.

– Совершенно верно.

– Вы иностранец, сударь, и поэтому я вам прощаю.

– Что прощаете?

– Ваше неведение. Во Франции дворян обезглавливают.

– Вы уладите это дело с вашим палачом, сударь, – резко ответил Калиостро, чем совершенно сокрушил собеседника.

Среди гостей возникло известное замешательство.

– Знаете, я уже дрожу, – признался г-н Делоне. – Тут уже наговорили столько печального, что вряд ли меня ждет нечто более приятное.

¹⁹ Кабанис, Жорж (1757–1808) – французский врач.

²⁰ 19 февраля 1790 г. маркиз де Фаврас (1744–1790) был повешен за участие в роялистском заговоре.

– Вы весьма благоразумны, что не желаете узнать свое будущее. Вы правы: каким бы оно ни было, следует уважать тайны Всевышнего.

– Но, господин Делоне, – вмешалась г-жа Дюбарри, – вы, я надеюсь, не менее отважны, чем ваши предшественники.

– Я тоже на это надеюсь, – с поклоном ответил губернатор Бастилии.

Затем он повернулся к Калиостро и попросил:

– Что ж, сударь, начертите и мой гороскоп, прошу вас.

– Это несложно, – отозвался Калиостро. – Удар топора – и все кончено.

В столовой раздался крик ужаса. Ришелье и Таверне принялись умолять Калиостро на этом остановиться, однако женское любопытство восторжествовало.

– Вас послушать, господин граф, – заметила г-жа Дюбарри, – так выходит, что все на свете умирают насильственной смертью. Нас тут восемь человек, и пятерых из них вы уже приговорили.

– Но вы же понимаете, что господин граф делает это умышленно, а мы просто развлекаемся, сударыня, – заявил г-н де Фаврас, пытаясь изобразить смех.

– Конечно, смешно, и даже неважно, правда это или нет, – поддержал граф Хага.

– Я тоже посмеялась бы, – ответила г-жа Дюбарри, – мне не хотелось бы из-за собственного малодушия оказаться недостойной нашего собрания. Но, увы, я всего лишь женщина, мне ли равняться с вами трагичностью кончины? Женщина умирает у себя в постели. Увы, моя смерть, грустная смерть забытой всеми старухи, будет самой неинтересной, не правда ли, господин де Калиостро?

Последние слова она произнесла с некоторым колебанием, всем своим видом давая прорицателю повод утешить ее, но Калиостро этого делать не стал.

В конце концов любопытство пересилило страх.

– Отвечайте же, господин де Калиостро, – проговорила г-жа Дюбарри.

– Как же я стану отвечать, сударыня, ежели вы не спрашиваете?

– Но... – помедлив, начала графиня.

– Полно, – отрезал Калиостро. – Говорите прямо: будете вы спрашивать или нет?

Ободренная улыбками собравшихся, графиня сделала над собою усилие и воскликнула:

– А, была не была! Рискнем! Скажите: каков будет конец Жанны де Вовернье, графини Дюбарри?

– На эшафоте, сударыня, – изрек мрачный прорицатель.

– Вы шутите, сударь, не правда ли? – глядя с мольбой на Калиостро, пробормотала графиня.

Однако взвинченный до крайности граф этого взгляда не заметил.

– Почему же шучу? – поинтересовался он.

– Да ведь чтобы попасть на эшафот, нужно кого-нибудь убить, ну, в общем, совершить преступление, а я, по всей вероятности, этого не сделаю. Так что вы шутите, правда?

– О, Боже ты мой, конечно, шучу, как и во всех предыдущих предсказаниях! – взорвался Калиостро.

Графиня разразилась смехом, который внимательный наблюдатель нашел бы несколько более пронзительным, чем следовало.

– Что ж, господин де Фаврас, – сказала она, – пора, видимо, заказывать траурный кортеж.

– Вам, графиня, он не понадобится, – возразил Калиостро.

– Это почему же, сударь?

– Потому что на эшафот вас повезут в телеге.

– Фу, какой ужас! – вскричала г-жа Дюбарри. – Какой же вы злой! Маршал, в следующий раз не приглашайте таких гостей, или я к вам больше не приеду.

– Прошу меня извинить, сударыня, но вы, также как и другие, хотели этого, – парировал Калиостро.

– Как другие... Но вы хоть дадите мне время выбрать исповедника?

– Это будет напрасный труд, графиня, – ответил Калиостро.

– Почему же?

– Последним, кто взойдет на эшафот в сопровождении исповедника, будет...

– Кто? – в один голос выдохнули собравшиеся.

– Король Франции.

Эти слова Калиостро произнес столь глухо и скорбно, что на гостей повеяло леденящим дыханием смерти.

Несколько минут в столовой царило молчание.

Калиостро поднес к губам бокал с водой, из которого черпал свои кровавые пророчества, но тут же с непреодолимым отвращением поставил эту горькую чашу обратно на стол.

Взгляд его упал на г-на де Таверне.

О, воскликнул тот, думая, что Калиостро собирается предсказывать его судьбу, – не говорите ничего, я не прошу вас об этом!

– А вот я прошу, – проговорил герцог де Ришелье.

– Успокойтесь, господин маршал, – ответил Калиостро, – вы – единственный из нас, кто умрет в своей постели.

– А теперь – кофе, господа, – предложил обрадованный предсказанием маршал. – Прошу вас!

Все встали.

Но прежде чем пройти в гостиную, граф Хага приблизился к Калиостро и спросил:

– У меня и в мыслях нет, сударь, убегать от своей судьбы, но скажите: чего я должен опасаться?

– Муфты, государь, – ответил Калиостро.

Граф Хага отошел в сторону.

– А я? – спросил Кондорсе.

– Омлета.

– Ладно, тогда я отказываюсь от яиц.

И он присоединился к графу.

– А мне, – проговорил Фаврас, – чего следует бояться мне?

– Письма.

– Благодарю.

– А мне? – осведомился Делоне.

– Взятия Бастилии.

– О, это меня успокаивает.

И он с улыбкой удалился.

– А теперь обо мне, сударь, – взволнованно попросила графиня.

– А вам, прелестная графиня, следует опасаться площади Людовика Пятнадцатого!

– Увы, – ответила графиня, – однажды я там уже заблудилась. Ну и намучилась же я, чуть голову не потеряла!

– Что ж, в следующий раз вы потеряете ее окончательно, графиня.

Г-жа Дюбарри вскрикнула и поспешила в гостиную. Калиостро двинулся было следом, но герцог де Ришелье остановил его.

– Одну минутку! Вы не сказали ничего Таверне и мне, дорогой чародей.

– Господин де Таверне попросил меня ничего не говорить, а вы, господин маршал, ни о чем не спрашивали.

– И продолжаю просить! – стиснув руки воскликнул Таверне.

– Послушайте, граф, чтобы доказать свое могущество, не могли бы вы угадать кое-что, известное только нам двоим?

– Что же? – с улыбкой осведомился Калиостро.

– Скажите: отчего наш славный Таверне торчит сейчас в Версале, вместо того чтобы спокойно жить в своем чудном поместье Мезон-Руж, которое король три года назад выкупил для него?

– Нет ничего проще, господин маршал, – ответил Калиостро. – Десять лет назад господин де Таверне пытался подсунуть свою дочь мадемуазель Андреа королю Людовику Пятнадцатому, но у него ничего не вышло.

– Однако! – проворчал Таверне.

– А теперь он пытается подсунуть своего сына Филиппа де Таверне королеве Марии Антуанетте. Спросите у него сами, лгу я или нет.

– Ей-богу, – дрожа, воскликнул Таверне, – этот человек – чародей, провалиться мне в тартарары!

– Мой старый друг, – заметил маршал, – не следует с такою развязностью упоминать потусторонний мир.

– Какой ужас! – пробормотал Таверне и повернулся, чтобы попросить Калиостро никому не проговориться, но того уже и след простыл.

– Пойдем, Таверне, пойдем в гостиную, – сказал маршал, – а то они выпьют кофе без нас или он остынет, что будет весьма прискорбно.

С этими словами маршал бросился в гостиную.

Но она оказалась пуста: ни у одного из гостей не достало смелости вновь оказаться лицом к лицу со зловещим оракулом.

В канделябрах горели свечи, на столе дымился кофе, в очаге потрескивали поленья.

Но все это никому уже не было нужно.

– Силы небесные! Кажется, дружище, нам придется пить кофе вдвоем... Что за черт? Куда же он запропастился?

Ришелье оглянулся, но старичок последовал примеру остальных и улизнул.

– Ну что ж, – по-вольтеровски насмешливо проговорил маршал, потирая белые высохшие руки, пальцы которых были унижены перстнями, – зато я единственный из них, кто умрет в своей постели. Вот так-то – в своей постели! Я верю вам, граф Калиостро. В своей постели и, быть может, не очень-то скоро? Эй! Камердинера ко мне, и капли!

В гостиную с флаконом в руке вошел камердинер, и они с маршалом последовали в спальню.

Часть первая

1. Две незнакомки

Зиму 1784 года, это чудовище, набросившееся на шестую часть Франции и рычавшее у каждой двери, мы с вами еще не видели, поскольку сидели в столовой у герцога де Ришелье, дышавшей теплом и всевозможными ароматами.

Заиндевелые окна – это тоже одна из разновидностей роскоши, которую природа дарит живущему в роскоши человеку. Для богача, завернутого в меха, или плотно укупоренного в собственной карете, или нежащегося в вате и бархате в натопленных покоях, у зимы есть и алмазы, и пудра, и золотая вышивка. Любая изморозь – это лишь украшение декораций, а ненастье – их перемена, за которой богач наблюдает из окон и которую производит этот великий и вечный машинист сцены по имени Господь.

Разумеется, тот, кто сидит в тепле, вполне может любоваться черными деревьями и находить прелесть в грустных необозримых равнинах, спеленутых зимою.

Тот, кто ощущает нежные ароматы приближающегося обеда, может порою вдохнуть сквозь приоткрытое окно терпкий запах северного ветра, стужи и ледяного снега и лишь освежит тем самым свои мысли.

И наконец, тот, кто после дня, проведенного тихо и приятно, тогда как миллионы его сограждан испытывали страдания, растянется под пуховой периной, на тонких простынях нагретой постели, – тот может, подобно эгоисту, упомянутому Лукрецием и прославленному Вольтером, найти, что все прекрасно в этом лучшем из миров.

Но тот, кому холодно, совершенно слеп к великолепию этого белого покрывала природы, ничуть не менее прекрасного, чем ее зеленый убор.

Тот, кто голоден, ищет землю и бежит от небес – небес без солнца, а значит, и без улыбки для несчастного.

В то время, до которого мы добрались, то есть в половине апреля, в одном только Париже раздавались стоны трехсот тысяч несчастных, умиравших от стужи и голода, – в Париже, где под предлогом того, что в никаком другом городе нет такого количества богатых людей, ничего не было предпринято, чтобы не дать беднякам погибнуть от холода и нищеты.

За последние четыре месяца жестокое небо выгнало несчастных из деревень в города, как зима гонит волков из леса в деревни.

Больше хлеба, больше дров.

Больше хлеба для тех, кто до сих пор терпел стужу, больше дров, чтобы печь хлеб.

Сделанные запасы Париж истребил в течение месяца; парижский прево, недалновидный и бестолковый, не смог ввезти в город порученные его заботам двести тысяч сажень дров, размещенных в радиусе всего десяти лье от столицы.

Когда подмораживало, он оправдывался тем, что гололедица мешает лошадям идти, когда таяло – тем, что лошадей и телег не хватает. Людовик XVI, не знавший общественных нужд своего народа, однако всегда добрый и отзывчивый к материальным нуждам, начал с того, что выделил двести тысяч ливров для найма лошадей и телег, а чуть позже приказал забирать их силой. Однако все, что поступало, тут же потреблялось. Пришлось ограничить покупателей. Сначала с дровяного двора нельзя было брать более воза дров, потом – более полувоза. У ворот дровяных дворов появились очереди; позже им предстояло выстроиться и у булочных.

Король стал раздавать огромные деньги в качестве милостыни. Взяв три миллиона акцизного дохода, он использовал их на помощь страждущим, заявив, что теперь самое неотложное – это борьба со стужей и голодом.

Королева, со своей стороны, пожертвовала пятьсот луидоров. Монастыри, больницы и общественные здания были превращены в приюты; по примеру короля владельцы особняков приказали отпереть ворота, чтобы бедняки смогли проникнуть во двор и погреться у большого костра.

Таким манером они хотели добиться наступления оттепели!

Но небеса были непреклонны. Каждый вечер они подергивались медно-красной пеленою, на них холодно и безрадостно, словно погребальный факел, горела одинокая звезда, и ночные заморозки вновь сгущали в алмазном озере тусклые хлопья снега, растаявшие было под полуденным солнцем.

Днем тысячи рабочих, вооруженные лопатами и заступами, убирали снег от домов, сгребая его в высокие валы, загромождавшие улицы, которые и так в большинстве своем были слишком узки. Тяжелые кареты скользили, лошади шли нетвердо и поминутно падали, отбрасывая на ледяные стены валов прохожих, которые подвергались теперь тройной опасности: упасть самим, получить удар и быть раздавленными.

Вскоре снега и льда скопилось на улицах столько, что лавок уже стало не видно вовсе; от уборки снега пришлось отказаться, так как люди и гужевой транспорт с нею не справлялись.

Беспомощный Париж признал себя побежденным и перестал бороться с зимой. Так прошли декабрь, январь, февраль и март; порой двух-трехдневная оттепель превращала Париж, лишенный сточных канав и откосов, в настоящий океан.

В такие дни некоторые улицы можно было пересечь лишь вплавь. Лошади погружались в воду и тонули. Ездить по улицам в каретах люди не решались – для этого их прежде следовало переделать в лодки.

Верный своему нраву, Париж складывал песенки о гибели в распутицу, как немного раньше – о голодной смерти. Люди толпились на рынке, глазели на торговков, расхваливающих свой товар, подтрунивали друг над другом из-за громадных кожаных сапог, в которые были заправлены штаны, или из-за юбок, подоткнутых чуть ли не до пояса, хохотали, жестикулировали, брызгали друг в друга грязью, хлюпая по жидкому месиву, в котором жили, однако когда оттепели оказывались недолгими, когда лед становился все толще и прочнее, когда вчерашние озера превращались назавтра в скользкий хрусталь, кареты сменялись санными, которые катились по зеркалу улиц, подталкиваемые людьми на коньках или же влекомые лошадьми, подкованными в шип. Сена, промерзшая на глубину в несколько футов, стала местом встречи всяких шалопаев, которые катались там по льду с горок, скользили на коньках и устраивали всяческие забавы, после чего, разгоряченные этими гимнастическими упражнениями, бежали к ближайшему костру, где могли отдохнуть, не боясь, что пот замерзнет прямо на них.

Приближался день, когда сообщение по воде будет прервано, а по суше сделается невозможным, подвоз провизии прекратится, и Париж, этот громадный организм, погибнет из-за недостатка пищи, подобно тем чудовищным китам, которые, съев все, что было поблизости, умирают от истощения, окруженные полярными льдами и не имея возможности по примеру мелкой рыбешки, составлявшей их добычу, проплыть через разломы в места с более умеренным климатом, в воды, где еще есть пища.

Предвидя столь бедственную перспективу, король собрал совет. Было решено, что из Парижа выселят, вернее, попросят вернуться к себе в провинцию епископов, аббатов и монахов, до сих пор беззаботно живших в столице, губернаторов и интендантов областей, устро-

ивших себе в Париже резиденции, а также судейских, которые предпочитали Оперу и свет своим расшитым лилиями креслам.

И в самом деле, все эти люди расходовали большое количество дров для отопления своих богатых особняков и переводили у себя в громадных поварнях множество провизии.

Провинциальным сеньорам также было предложено вернуться к себе в замки. Однако начальник полиции г-н Лемуар заявил королю, что все эти люди ни в чем не провинились, поэтому немедленного отъезда потребовать от них нельзя, и в результате они, не испытывая охоты уезжать, а также из-за плохих дорог так затянули сборы в дорогу, что оттепель наступила раньше, чем эта мера принесла плоды, а неудобства были причинены изрядные.

Между тем сострадание короля, опустошившее его денежный сундук, и милосердие королевы, истощившее ее кошелек, встретили признательность простого люда, который выражал ее, строя весьма прихотливые, но эфемерные, как добро и зло, монументы в память о благодеяниях, излившихся на подданных со стороны Людовика XVI и его супруги. Как некогда солдаты воздвигали в честь генерала-победителя горы из трофейного оружия, отобранного у врага, так парижане на полях битв с зимой сооружали из льда и снега обелиски королю и королеве. Участие в постройке принимал каждый: чернорабочий предоставлял свои руки, ремесленник – трудолюбие, художник – талант, и на всех углах главных улиц стали возникать изящные, дерзкие и прочные обелиски, тогда как бедные литераторы, которых монаршие благодеяния застали в мансардах, приносили в дар надписи, рожденные не столько умом, сколько сердцем.

В конце марта начались оттепели, но еще неустойчивые, с возвратом заморозков, которые продлевали нищету, беды и голод парижан, но в то же время хорошо сохраняли снежные монументы.

Бедственное положение в этот последний период достигло предела: из-за появлявшегося порою на небе теплого солнца ветреные и холодные ночи казались еще более студенными, толстые слои льда и снега растаяли и ручьями бежали в Сену, затопляя все вокруг. Но в первые дни апреля началось одно из похолоданий, о которых мы упоминали: обелиски, уже покрывшиеся испариной, предвестницей их гибели, и наполовину растаявшие, вновь затвердели, бесформенные и поникшие, слой белого снега покрыл бульвары и набережные, на них снова появились сани, запряженные резвыми лошадьми. На бульварах и набережных все обстояло наилучшим образом, однако на улицах кареты и быстрые одноколки стали истым бичом для пешеходов, которые, не слыша их приближения и не имея возможности из-за сугробов отойти в сторону, часто попадали прямо под колеса.

В несколько дней в Париже стало полным-полно раненых и умирающих. То нога, сложенная в результате падения на обледенелой улице, то грудь, продавленная оглоблей одноколки, летевшей на полной скорости и не сумевшей остановиться на льду. Тогда полиция принялась спасать от колес тех, кому удалось избежать смерти от холода, голода и наводнений. Богачей, которые давили бедняков, стали штрафовать. В те времена, во времена владычества аристократии, у нее была даже своя манера править лошадьми: принц крови несся во весь опор и даже не кричал: «Берегись!», герцог и пэр, дворянин и девица из Оперы ехали крупной рысью, президент или финансист – просто рысью, щеголь в своей одноколке правил так, словно отправлялся на охоту, а стоявший у него на запятках жокей кричал: «Берегись», когда его хозяин задевал или опрокидывал какого-нибудь несчастного.

Кто мог, по словам Мерсье²¹, тот вставал, но, в сущности, если только парижанин видел на бульваре изящные сани с красиво выдвинутым передком, если только мог насладиться видом придворных дам в куньих или горностаевых шубах, пролетающих, словно метеоры, по сверкающему льду, если только позолоченные бубенцы, пурпурные уздечки и плюмажи

²¹ Мерсье, Луи Себастьян (1740–1814) – французский писатель, автор многотомных «Картин Парижа».

лошадей веселили ребятню, выстроившуюся шеренгами, чтобы полюбоваться на все это великолепие, – тогда парижский буржуа забывал и о нерадении полицейских, и о грубости кучеров, а бедняк хотя бы на миг забывал о своей нищете, к которой привык еще в те времена, когда его опекали или хотя бы делали вид, что опекают богатые люди.

Вот в это самое время, через неделю после данного г-ном де Ришелье в Версале обеда, солнечным, но студеным днем, в Париж въехали четверо изящных саней; они бойко катили по насту, покрывавшему аллею Королевы и оконечности бульваров, начиная от Елисейских полей. За пределами Парижа снег долго сохраняет девственную белизну, так как прохожие там редки. Не то в Париже: тысячи ног быстро истаптывают и делают грязной эту великолепную мантию зимы.

Скользившие по сухому снегу сани сначала остановились у бульвара, то есть там, где наст кончался. Дневное солнце прогрело воздух, и началась кратковременная оттепель; мы говорим «кратковременная», поскольку чистое, холодное небо сулило на ночь ледяной ветер, вымораживающий первые побеги и цветы.

В передних санях сидели двое мужчин в дорожных плащах из коричневого драпа с воротниками, подбитыми мехом; единственное различие в их одежде заключалось в том, что у одного пуговицы и петлицы были обшиты золотом, а у другого – просто шелком.

Эти двое, влекомые вороной лошадью, из ноздрей которой валил пар, поглядывали время от времени на едущие следом сани, словно наблюдая за ними. Во вторых санях сидели две женщины, так плотно укутанные в меха, что разглядеть их лица не представлялось никакой возможности. Вообще-то было бы трудно даже определить, к какому полу принадлежат эти фигуры, если бы не высокие прически, прикрытые маленькими шляпками с перьями.

С этих громадных сооружений из волос, украшенных яркими лентами, слетали облачка пудры – так порой северный ветер стряхивает с ветвей облачка инея.

Две дамы, сидя вплотную друг к другу, вели беседу и не обращали ни малейшего внимания на бульварных зевак, пяливших на них глаза.

Мы забыли сказать, что, постояв с минуту, сани продолжили свой путь.

Одна из дам, более высокая и полная, прижимая к губам вышитый батистовый платочек, держала голову высоко и твердо, несмотря на холодный ветер, то и дело налетавший на резво катившие сани. На церкви Сен Круа д'Антен пробило пять; к Парижу подступала ночь, а вместе с нею и мороз.

Тем временем сани почти уже добрались до заставы Сен-Дени.

Дама – та самая, что держала у губ платочек, – сделала знак ехавшим в авангарде мужчинам, и те, настегивая свою вороную, стали удаляться. Затем она повернулась к арьергарду, состоявшему из двух саней, управляемых кучерами без ливреи, и те, повинувшись данному им знаку, скрылись в глубине улицы Сен-Дени.

Сани же с двумя мужчинами, как мы уже говорили, уехали далеко вперед и наконец растворились в вечернем тумане, сгущавшемся вокруг огромного здания Бастилии.

Вторые сани доехали до бульвара Менильмонтан и остановились. Прохожие встречались здесь редко: их разогнала по домам приближающаяся ночь, да и мало кто из буржуа осмеливался гулять по этому отдаленному кварталу без сопровождающих с фонарем, с тех пор как зима заострила зубы нескольким тысячам подозрительных нищих, которые постепенно превратились в грабителей.

Дама, являвшаяся, как уже понял читатель, здесь главной, тронула пальцем плечо кучера.

Сани встали.

– Вебер, – спросила она, – сколько времени вам понадобится, чтобы пригнать одноколку сами знаете куда?

– Коспожа перет отноколку? – с сильным немецким акцентом осведомился кучер.

– Да, я пройду по улицам и посмотрю костры. Да и улицы гораздо более грязны, чем бульвары, на санях по ним проехать трудно. К тому же я слегка замерзла. Вы тоже, не правда ли, милочка? – обратилась дама к спутнице.

– Да, сударыня, – отвечала та.

– Значит, поняли, Вебер? Вы сами знаете куда, и с одноколкой.

– Хорошо, сударыня.

– Сколько вам нужно времени?

– Полчаса.

– Ладно. Милочка, взгляните-ка на часы.

Более молодая из дам порылась в шубе и посмотрела на часы, что сделать было непросто, так как сумерки сгущались.

– Без четверти шесть, – наконец ответила она.

– Стало быть, без четверти семь, Вебер.

С этими словами дама легко выпрыгнула из саней, подала руку спутнице и пошла прочь, тогда как кучер, сделав жест почтительного отчаяния, пробормотал, но достаточно громко, чтобы хозяйка его услышала:

– Песрассутство! Ах, mein Gott²², какое песрассутство!

Молодые дамы рассмеялись, поплотнее закутались в шубы, воротники которых доходили им до ушей, и, пересекая боковую аллею бульвара, принялись с наслаждением хрустеть снегом, ступая в него своими маленькими ножками, обутыми в меховые боты.

– У вас зрение лучше, Андреа, – сказала старшая из дам, которой на вид можно было дать лет тридцать с небольшим, – попробуйте отсюда прочесть название этой улицы.

– Улица Понт-о-Шу, сударыня, – с улыбкой ответила младшая.

– Что это еще за улица Понт-о-Шу? О Боже, мы, кажется, заблудились! Улица Понт-о-Шу! А мне сказали – вторая улица направо. Однако вы чувствуете, Андреа, как приятно пахнет теплым хлебом?

– Ничего удивительного, – ответила спутница, – мы ведь у двери булочной.

– Прекрасно! Давайте спросим, где улица Сен-Клод.

И говорившая сделала движение в сторону двери.

– О, не входите, сударыня! – воскликнула молодая женщина. – Позвольте мне.

– Улица Сен-Клод, дамочки? – послышался чей-то игривый голос. – Вы хотите знать, где улица Сен-Клод?

Женщины разом обернулись на голос и увидели прислонившегося к двери булочной хлебопека, выряженного в камзол, но, несмотря на мороз, с голыми ногами и грудью.

– Ах! Голый мужчина! – воскликнула младшая из женщин. – Неужто мы попали в Океанию?

Сделав шаг назад, она спряталась за спутницу.

– Вы ищете улицу Сен-Клод? – продолжал подмастерье, который не понял движения младшей из дам и, привычный к своему наряду, был далек от того, чтобы приписать это движение действию центробежной силы.

– Да, друг мой, улицу Сен-Клод, – ответила старшая из женщин, сдерживая желание рассмеяться.

– Так ее найти не трудно, а впрочем, я вас провожу, – отозвался обсыпанный мукою жизнерадостный парень и, перейдя от слов к делу, принялся, словно циркулем, мерить дорогу своими длиннющими тощими ногами, на которых красовались башмаки, каждый размером с лодку.

²² Боже мой! (нем.)

– Нет-нет, не нужно, – поспешно возразила старшая женщина, которой явно не улыбалась перспектива быть замеченной с подобным проводником. – Не беспокойтесь, просто объясните нам, где эта улица, и мы постараемся последовать вашим указаниям.

– Первая улица направо, сударыня, – ответил молодой человек и скромно удалился.

– Благодарю, – в один голос проговорили женщины и поспешили в указанном направлении, тихонько посмеиваясь в свои муфты.

2. В доме

Возможно, мы слишком полагаемся на память нашего читателя, однако надеемся, что он все же припомнит улицу Сен-Клод, восточный конец которой примыкает к бульвару, а западный – к улице Сен-Луи. Ведь читатель встречал здесь некоторых героев, которые сыграли или еще сыграют какую-то роль в нашей истории, в те времена, когда здесь жил великий врачеватель Жозеф Бальзамо вместе с сивиллой Лоренцей и учителем Альтотасом.

В 1784 году, точно также как и в 1770-м, когда мы впервые привели сюда нашего читателя, улица Сен-Клод представляла собою вполне благопристойную улицу, правда плохо освещенную – это верно, и не очень-то чистую – это тоже верно. А кроме того, малопосещаемую, плохо застроенную и почти никому не известную. Но у нее были имя святого и все свойства улицы на Болоте, и в качестве таковой она, в нескольких составляющих ее домах, давала приют множеству бедных рантье, множеству бедных торговцев и множеству просто бедняков, забытых даже в церковных книгах здешнего прихода.

Кроме нескольких домишек, на пересечении с бульваром стоял величественный с виду особняк, которым улица Сен-Клод могла бы гордиться как зданием вполне аристократическим, однако особняк этот, чьи окна, расположенные выше ограды, в праздничный день освещали всю улицу одним только сиянием свечей и зеркал, – особняк этот был самым мрачным, немым и недоступным из всех домов квартала.

Дверь его никогда не отворялась, окна были заложены кожаными подушками, и на каждой пластинке их жалюзи, на каждой дощечке их ставен лежала пыль, возраст которой химики или геологи определили бы как по крайней мере десятилетний.

Иногда праздный прохожий, какой-нибудь зевака или сосед подходил к воротам особняка и через внушительных размеров замочную скважину принимался обозревать внутренний двор.

Взору его открывались лишь пучки травы, пробившиеся между плитами, да плесень и мох на самих плитах. Порою скромная крыса, владелица этих заброшенных угодий, спокойно пересекала двор и скрывалась в подвале – скромность совершенно излишняя, так как удобные гостиные и кабинеты, где бы ее не потревожила никакая кошка, находились в полном и нераздельном ее распоряжении.

Если во двор заглядывал прохожий или зевака, то, убедившись, что особняк пуст, он шел своей дорогой, однако если это был сосед, проявлявший по вполне естественным причинам больший интерес к дому, то он почти всегда продолжал свои наблюдения до тех пор, пока рядом с ним не появлялся другой сосед, тоже привлеченный любопытством. В таком случае завязывался разговор, который мы можем воспроизвести как в общих чертах, так и в подробностях.

– Послушайте, сосед, – обращался тот, что не смотрел в скважину, к тому, что смотрел, – что вы там видите во дворе у господина графа де Бальзамо?

– Крысу, сосед, – отвечал тот, что смотрел, тому, что не смотрел.

– Взглянуть не позволите?

И второй ротозей в свою очередь нагибался к замочной скважине.

– Ну что, видите? – спрашивал обездоленный у счастливика.

– Да, – отвечал тот, – вижу. Но до чего ж она жирная, сударь!

– Вы полагаете?

– Уверен.

– Я тоже так полагаю, ведь ей там приволье.

– Воля ваша, а по-моему, в доме должны были остаться лакомые кусочки.

– Лакомые кусочки, говорите?

– Да ведь господин де Бальзамо исчез слишком быстро, чтобы чего-нибудь да не оставить.

– Эх, соседushка, если дом наполовину сгорел, что в нем может остаться?

– Пожалуй, сосед, вы и правы.

И, в последний раз бросив взгляд на крысу, они расходились, испуганные, что столько наговорили о такой таинственной и деликатной материи.

И действительно, после пожара, случившегося в доме, вернее, в одной его части, Бальзамо исчез, никакого ремонта произведено не было, и особняк так и стоял заброшенный.

Пускай себе этот старый особняк, пройти мимо которого, как мимо давнего знакомого, мы не могли, – пускай себе он стоит среди ночи, мрачный и сырой, с террасами, покрытыми снегом, и крышей, изглоданной пламенем, а мы, пройдя по улице направо, посмотрим лучше на садик, окруженный стеной, и на высокий узкий дом, который, подобно белой башне, возвышается на фоне серо-голубого неба.

С крыши дома тянется к небу, словно громоотвод, труба, а точно над нею мерцает яркая звезда.

Последний этаж дома вовсе потерялся бы во мраке, если бы в двух окнах из трех, выходящих на улицу, не горел свет.

Другие же этажи мрачны и унылы. Быть может, их обитатели уже спят? Берегут, завернувшись в одеяла, такие дорогие нынче свечи и дрова, с которыми так трудно в этом году? Как бы там ни было, но четыре этажа этого дома не подают признаков жизни, тогда как пятый не только живет, но и светится, причем даже без некоторого жеманства.

Давайте постучим в дверь и по темной лестнице поднимемся на пятый этаж, где у нас с вами есть дело. Еще выше, на мансарду, ведет приставленная к стене стремянка.

У двери висит молоток; плетеная циновка и деревянная вешалка составляют мебельровку лестничной площадки.

Открыв первую дверь, мы попадаем в темную пустую комнату – именно ее окно и не было освещено. Эта комната служит прихожей и ведет во вторую, которая заслуживает нашего самого пристального внимания.

Плитки вместо паркета, грубо окрашенная дверь, три деревянных кресла, обтянутых желтым бархатом, убогий диван с продавленными от долгого употребления подушками.

Диван напоминает старца – дряблого и покрытого морщинами; в молодости он был упруг и ярок, в пору зрелости – принимал гостей, вместо того чтобы его отталкивать, а теперь, когда года его прошли и в него стали проваливаться, он лишь скрипит.

Но прежде всего взгляд привлекают два портрета, висящие на стене. Их с двух сторон освещают сальная свеча и лампа: одна стоит на трехногом столике, другая – на камине.

На первом портрете изображен мужчина в шапочке, с длинным и бледным лицом, тусклыми глазами, остроконечной бородкой, в воротнике с брыжами; лицо это очень знакомо и невероятно напоминает Генриха III, короля Франции и Польши.

Внизу, на раме с облупившейся позолотой, черными буквами написано:

Генрих де Валуа

Другой портрет, в отличие от первого с еще довольно свежими красками и в недавно золоченной раме, изображает молодую черноглазую женщину с прямым тонким носом, выдающимися скулами и линией рта, свидетельствующей об осторожности его обладательницы. Ее прическа, вернее, воздвигнутое у нее на голове сооружение из волос и шелковых лент таково, что шапочка Генриха III выглядит рядом с нею, словно кротовина рядом с египетской пирамидой.

Под этим портретом тоже есть надпись, сделанная черными буквами:

Жанна де Валуа

Если после осмотра угасшего очага и жалких сиамезовых занавесок у постели, прикрытой камчатым, когда-то желтым, а теперь позеленевшим покрывалом, вам захочется узнать, какое отношение эти портреты имеют к обитателям пятого этажа, нужно лишь повернуться к небольшому дубовому столу, за которым, облокотившись о него левой рукой, просто одетая женщина просматривает грудку запечатанных писем, проверяя на них адреса.

Портрет писан именно с нее.

В трех шагах от молодой женщины, в позе, выражающей одновременно любопытство и почтение, сидит и наблюдает за хозяйкой старушка горничная лет шестидесяти, одетая, словно грёзовская дуэнья.

Читатель помнит, что надпись под портретом гласила: «Жанна де Валуа».

Но если эта дама принадлежит к роду Валуа, то как же Генрих III, этот король-сибарит, отъявленный сластолюбец, способен, пусть даже находясь на холсте, выносить зрелище подобной нищеты, когда речь идет об особе его рода и даже носящей его имя?

Впрочем, сама дама с пятого этажа вполне оправдывала свое происхождение. У нее были белые, нежные руки, которые время от времени она грела под мышками. У нее были миниатюрные, узкие, продолговатые ступни, обутые в кокетливые бархатные туфельки, которыми она – опять-таки чтобы согреться – постукивала по плиткам, холодным и блестящим, как лед, что сковал парижские улицы.

Когда очередной порыв ледяного ветра ворвался в комнату сквозь щели в дверях и окнах, горничная печально пожала плечами и с грустью посмотрела на очаг без огня.

Что же до хозяйки покоев, то она продолжала перебирать письма и проверять адреса.

Каждый раз, прочтя адрес, она делала небольшой подсчет.

– Госпожа де Мизери, – бормотала она, – первая камеристка ее величества. Тут можно рассчитывать лишь на шесть луидоров, поскольку она мне уже давала.

И она тяжело вздохнула.

– Госпожа Патрис, камеристка ее величества, два луидора. Господин д'Ормессон, аудиенция. Господин де Калонн, совет. Господин де Роган, визит. И постараемся, чтобы он нам его отдал, – заметила с улыбкой молодая женщина и так же монотонно подвела итог: – Итак, у нас есть верных восемь луидоров на неделю.

Она подняла голову.

– Госпожа Клотильда, снимите же со свечи нагар.

Старушка сделала, что ей было велено, и вернулась на место, серьезная и внимательная.

Наконец эта пытка, похоже, женщине надоела.

– Дорогая, – попросила она, – поищите, не осталось ли где хоть огарка восковой свечи, и дайте мне. Не выношу этих мерзких сальных свечей!

– Да больше нету, – ответила старушка.

– Все-таки посмотрите.

– Где бы это?

– В прихожей.

– Там очень холодно.

– Послушайте! Кто-то звонит, – вдруг встрепелась молодая женщина.

– Вы ошиблись, сударыня, – возразила старая упрямица.

– А мне показалось, звонили, госпожа Клотильда.

Видя, что старуха продолжает упорствовать, она сдалась, как люди, которые почему-то позволяют помыкать собою тем, кто ниже их и не имеет на это никакого права.

Молодая женщина вернулась к своим расчетам.

– Восемь луидоров, из которых три я уже задолжала. – Она взяла перо и принялась писать: – Три луидора... Пять обещано господину де Ламотту на жизнь в Барсюр-Обе. Бедняга! Наш брак богатства ему не принес. Однако терпение.

Она снова улыбнулась, глядя в зеркало, висевшее между портретами.

– Теперь, – продолжала она, – дорога из Версаля в Париж и из Парижа в Версаль – один луидор.

И она вписала новую цифру в колонку расходов.

– Далее, на жизнь в течение недели – один луидор.

И она сделала еще одну запись.

– Туалеты, фиакры, чаевые швейцарам в домах, куда я хожу с просьбами, – еще четыре луидора. Вроде бы все? Теперь найдем сумму.

Однако, не закончив складывать, она снова подняла голову и сказала:

– Звонят, говорю вам.

– Нет, сударыня, – возразила старуха, словно приросшая к месту. – Это не здесь, а внизу, на четвертом.

– Четыре, шесть, одиннадцать, четырнадцать луидоров – шести не хватает. А еще нужно обновить гардероб да заплатить этой старой мерзавке, чтоб спровадить ее побыстрее. – Внезапно она гневно закричала: – Да говорю же вам, несчастная, звонят!

Следует признать, что на этот раз даже самое строптивое ухо не могло не услышать зов колокольчика, который дергали столь энергично, что он прозвенел раз двенадцать.

Услышав звонок, старушка наконец пробудилась и поспешила в прихожую, тогда как ее хозяйка, проворная, словно белка, смахнула разбросанные по столу письма и бумаги в ящик и, быстрым взглядом окинув комнату, чтобы убедиться, что все в порядке, уселась на диван в смиренной и печальной позе безропотно страдающего человека.

Однако, поспешим добавить, в неподвижности находилось лишь тело молодой женщины. Живые, беспокойные глаза вопросительно вперились в зеркало, в котором отражалась дверь, уши насторожились, приготовившись уловить малейший звук.

Дуэнья отворила входную дверь, и из прихожей донесся шепот.

Затем чей-то ясный и учтивый, однако не лишенный твердости голос проговорил:

– Здесь живет госпожа графиня де Ламотт?

– Госпожа графиня де Ламотт-Валуа? – гнусаво переспросила Клотильда.

– Это одно и то же, милейшая. Так госпожа де Ламотт у себя?

– Да, сударыня, но она очень больна и не выходит.

Пока продолжался этот диалог, мнимая больная, которая не упустила из него ни звука, успела заметить, что Клотильду расспрашивает женщина, по виду своему принадлежащая к высшим слоям общества.

Она миглом вспорхнула с дивана и пересела в кресло, чтобы предоставить незнакомке почетное место.

Совершая это перемещение, женщина обратила внимание на то, что посетительница вернулась на площадку и сказала кому-то, оставшемуся в тени:

– Можете войти, сударыня, это здесь.

Дверь снова затворилась, и две дамы, которые чуть раньше расспрашивали, как пройти на улицу Сен-Клод, вошли к графине де Ламотт-Валуа.

– Как прикажете доложить госпоже графине? – осведомилась Клотильда; с любопытством, но в то же время почтительно поднося свечу к лицам женщин.

– Доложите: дама-благотворительница, – ответила старшая из женщин.

– Из Парижа?

– Нет, из Версаля.

Клотильда вошла к хозяйке, и незнакомки, последовав за нею, очутились в комнате, где увидели при свете свечи, как Жанна де Валуа с трудом встает с кресла, чтобы учтиво поздороваться с гостями.

Клотильда пододвинула два других кресла на случай, если посетительницы предпочтут сесть в них, после чего смиренно и не спеша вернулась в прихожую; это позволяло сделать вывод, что она станет подслушивать под дверьми.

3. Жанна де Ламотт-Валуа

Когда правила приличия позволили Жанне де Ламотт поднять глаза, ее первой заботой было разглядеть как следует лица посетительниц.

Как мы уже говорили, старшей из женщин было немного за тридцать. Ее замечательную красоту в известной мере портило выражение высокомерия, сквозившее во всех чертах лица. Во всяком случае, так показалось Жанне, когда она бросила быстрый взгляд на посетительницу.

Та же, предпочтя диван креслам, села в углу комнаты, довольно далеко от лампы, и надвинула на лоб капюшон накидки из подбитой ватой тафты, который отбрасывал таким образом тень на лицо.

Однако посадка головы у нее была столь гордой, а глаза – столь живыми и ясными, что весь облик посетительницы говорил о ее принадлежности к благородному и высокому роду.

Ее спутница, с виду побойчее и помоложе на несколько лет, ничуть не скрывала своей красоты.

Чудесная кожа, гармоничные черты, прическа, оставляющая открытыми виски и оттенявшая безупречный овал лица, спокойные, можно сказать, безмятежные голубые глаза, ясные и глубокие, пленительный рот, свидетельствовавший о природной искренности, а также об умении молчать, признаке хорошего воспитания, нос, который своею формой мог бы поспорить с носом Венеры Медицейской, – вот что успел запечатлеть быстрый взгляд, брошенный Жанной. Посмотрев внимательнее, она убедилась, что у более молоденькой из дам талия стройнее и гибче, нежели у ее спутницы, грудь – выше и более совершенной формы, а руки хотя и не менее округлые, но вместе с тем изящнее и тоньше.

Жанна де Валуа разглядела все это в несколько секунд – гораздо быстрее, чем нам удалось описать ее наблюдения.

Удовлетворенная осмотром, она спросила, какому счастливому случаю обязана посещением.

Дамы обменялись взглядами, и, повинуясь знаку, данному спутницей, более молодая поинтересовалась:

– Сударыня, насколько мне известно, вы замужем?

– Я имею честь быть женою господина графа де Ламотта, дворянина и человека безупречной репутации.

– А мы, госпожа графиня, возглавляем благотворительное учреждение. Мы узнали о вас вещи, которые нас заинтересовали, и поэтому мы пришли сюда, чтобы выяснить кое-какие касающиеся вас подробности.

Жанна несколько секунд помедлила, после чего, отметив про себя сдержанность второй посетительницы, сказала:

– Сударыня, вы видите здесь портрет Генриха Третьего, брата моего деда, поскольку, как вам, наверное, известно, я принадлежу к роду Валуа.

Она замолчала в ожидании нового вопроса, глядя на незнакомку смиренно, но и не без гордости.

– Сударыня, – низким мягким голосом проговорила вторая дама, – говорят, что госпожа ваша матушка была привратницей в доме семейства Фонтет, расположенном неподалеку от Бар-сюр-Сен? Это верно?

При напоминании об этом Жанна зарделась, но без тени смущения ответила:

– Это правда, сударыня, моя матушка была привратницей в доме семейства Фонтет.

– Вот как, – уронила старшая из дам.

– Но поскольку Мари Жоссель, моя матушка, отличалась редкой красотой, – продолжала Жанна, – мой отец полюбил ее и взял себе в жены. Я принадлежу к благородному роду по линии отца. Моим отцом, сударыня, был Сен-Реми де Валуа, прямой потомок королей.

– Но как вы дошли до такой нищеты, сударыня? – снова спросила та же дама.

– Увы, ничего необычного в этом нет.

– Слушаю вас.

– Вам, разумеется, известно, что после восшествия на престол Генриха Четвертого и перехода короны из дома Валуа в дом Бурбонов у павшей династии осталось несколько отпрысков, никому не известных, но, вне всякого сомнения, являвшихся потомками четырех братьев²³, которые все кончили трагически.

Обе дамы молча кивнули в знак согласия.

– И вот, – продолжала Жанна, – отпрыски рода Валуа, опасаясь, несмотря на свою безвестность, вызвать подозрения у новой королевской фамилии, взяли вымышленное имя де Реми и со времен Людовика Тринадцатого пользовались только им, исключая предпоследнего Валуа, моего деда, который, видя, что новая монархия упрочилась, а старая ветвь королевского рода забыта, счел своим долгом не отказываться от прославленного имени, единственного оставшегося у него достояния. Поэтому он снова взял имя Валуа и жил с ним в нищете и забвении, в далекой провинции, и при французском дворе никто не мог даже помыслить, что вдали от сияния трона влачит жалкое существование потомок древних французских королей, если и не самых славных, то, во всяком случае, самых обездоленных.

Жанна умолкла.

Рассказ ее прозвучал просто и сдержанно, что не осталось незамеченным.

– Все доказательства, сударыня, у вас, конечно, в полном порядке? – мягко поинтересовалась старшая из дам, пристально глядя на женщину, заявляющую о своей принадлежности к роду Валуа.

– О, сударыня, – отвечала та с горькой улыбкой, – в доказательствах недостатка нет. Мой отец собрал их и, умирая, передал мне за неимением иного наследства. Но что толку в доказательствах правды, которая никому не нужна и которую никто не желает признавать?

– Ваш отец скончался? – спросила младшая из дам.

– Увы, да.

– В провинции?

– Нет, сударыня.

– Значит, в Париже?

– В Париже.

– В этих покоях?

– Нет, сударыня, мой отец, барон де Валуа, правнучатый племянник короля Генриха Третьего, скончался от голода и нищеты.

– Невероятно! – воскликнули обе дамы.

– Это случилось не здесь, – продолжала Жанна, – не в этом бедном пристанище, он скончался не на своей постели, а на убогом одре скорби. Нет, мой отец умер среди самых обездоленных и страждущих – в Отель-Дьё²⁴.

Женщины издали изумленный возглас, в котором явно звучал испуг.

²³ Четверо сыновей короля Генриха II и Екатерины Медичи: Франциск I (1544–1560), король Франции в 1558–1560 гг., умерший от воспаления мозга; Карл IX (1550–1574), король Франции в 1560–1574, умерший полубезумным; Генрих III (1551–1589), король Польши в 1574 г., король Франции в 1574–1589, заколот Жаком Клеманом; Франсуа (1557–1584), герцог Алансонский, потом Анжуйский, избран правителем восставшей против испанцев Фламандии, но вскоре изгнан своими новыми подданными.

²⁴ Парижская богадельня.

Жанна, довольная эффектом, произведенным ее искусным завершением периода и развязкой, сидела неподвижно, с опущенным взглядом и безвольно сложенными руками.

Старшая из дам со вниманием и проницательно взглянула на нее и, не найдя в простом и естественном горе женщины ничего, что свидетельствовало бы об обмане и низости, заговорила снова:

– Судя по вашим словам, сударыня, вы испытали много горя, и в особенности смерть вашего отца...

– О, если бы я поведала вам свою жизнь, сударыня, вы бы поняли, что смерть отца – еще не самое страшное.

– Как, сударыня, вы даже смерть отца не считаете страшным горем? – строго нахмурившись, удивилась дама.

– Да, сударыня, я это говорю как почтительная дочь, потому что, скончавшись, мой отец избавился от всех бед, осаждавших его в этом мире и продолжающих осаждать его несчастную семью. Потому-то, сударыня, наряду с горем от его утраты я испытываю известное облегчение, когда подумаю о том, что мой отец, потомок королей, уже мертв и ему не надобно больше просить Христа ради!

– Просить Христа ради?

– Да, я говорю это без стыда, потому что в наших бедах нет ни вины отца, ни моей.

– Но ваша матушка?

– Что ж, признаюсь откровенно: я благодарю Господа за то, что он прибрал моего отца, но очень сожалею, что он не сделал того же с моей матушкой.

При этих странных словах обе дамы вздрогнули и переглянулись.

– Не сочтете ли вы, сударыня, за нескромность, если мы попросим вас рассказать о ваших бедах подробнее? – спросила старшая.

– Что вы, с моей стороны было бы нескромно утомлять ваш слух рассказом о несчастьях, которые вам по меньшей мере безразличны.

– Я слушаю вас, сударыня, – промолвила старшая из дам столь величественно, что ее спутница бросила на нее предостерегающий взгляд.

И верно: г-жу де Ламотт явно удивил ее повелительный тон и она с изумлением посмотрела на собеседницу.

– Я слушаю вас, – повторила та уже проще, – сделайте милость, расскажите мне все.

Подавив дрожь, вызванную стоящим в комнате холодом, Жанна лишь передернула плечами и переступила ногами по ледяным плиткам пола.

Заметив это движение, младшая из дам пододвинула ей коврик, лежавший у нее под креслом, чем в свою очередь вызвала недовольный взгляд своей спутницы.

– Возьмите этот коврик себе, сестра моя, вы мерзнете сильнее меня.

– Простите, сударыня, – сказала графиня де Ламотт, – мне весьма жаль, что я заставляю вас мерзнуть, но дрова подорожали еще на шесть ливров и стоят теперь семьдесят ливров за воз, а запас у меня кончился еще на прошлой неделе.

– Вы сожалели, сударыня, – вмешалась старшая из дам, – что ваша мать еще жива.

– Да, сударыня, я понимаю, что подобное святотатство требует объяснений, не так ли? – отозвалась Жанна. – Вот вам и объяснение, если угодно.

Собеседница графини утвердительно кивнула.

– Я уже имела честь сообщить вам, сударыня, что мой отец совершил мезальянс.

– Да, женившись на привратнице.

– Ну так вот. Мари Жоссель, моя мать, вместо того чтобы гордиться оказанной ей честью и испытывать признательность, начала с того, что разорила отца своими непомерными запросами, что, впрочем, было нетрудно, если учесть скудость его состояния. Затем, вынудив его продать последний клочок земли, она убедила мужа в том, что он должен отпра-

виться в Париж и отстаивать там права, даваемые ему его именем. Уговорить отца оказалось делом нетрудным: возможно, он рассчитывал на справедливость короля. Поэтому он отправился, обратив предварительно в деньги ту малость, что у него еще сохранилась.

Кроме меня, у отца есть еще сын и дочь. Сын, такой же несчастный, как я, прозябает где-то в армии, мою бедную сестру отец накануне отъезда в Париж отдал в дом одного фермера, ее крестного.

Путешествие истощило наш и без того не толстый кошелек. Отец мой принялся бегать повсюду с просьбами, но все впустую. Еще и еще раз он появлялся дома с рассказами об очередной неудаче и находил там все ту же нищету. В его отсутствие моя мать, которой обязательно необходима была жертва, донимала меня. Она принялась попрекать меня куском хлеба. Мало-помалу я стала есть лишь его, а то и вовсе ничего не есть, а просто сидеть за нашим скудным столом, однако мать всегда отыскивала предлог наказать меня: за малейшую оплошность, которая заставила бы другую мать лишь улыбнуться, моя мать била. Соседи, думая, что оказывают мне услугу, доносили отцу о ее скверном со мной обращении. Отец пробовал вступиться, но не замечал, что, делая это, он превращал минутного врага в вечно злобную мачеху. Увы, я не могла ему ничего посоветовать, так как сама была еще совсем ребенком. Я не умела объяснить себе, что происходит, и терпела последствия, не пытаясь доискаться до их причин. Я просто испытывала горе.

Между тем отец мой захворал и был вынужден сначала не покидать комнаты, а потом и постели. Меня не пускали к нему под тем предлогом, что мое присутствие его утомляет, поскольку я не могу сдерживать своей резвости, столь свойственной юному возрасту. Выйдя из его комнаты, я, как и прежде, оказывалась во власти матери. Она принялась вдалбливать в меня некую фразу, перемежая уроки подзатыльниками и колотушками, а когда я выучила наизусть эти унижительные слова, которые инстинктивно не хотела запоминать, когда мои глаза сделались красны от слез, она заставила меня спускаться к двери на улицу и там, при появлении какого-нибудь доброго на вид прохожего, обращаться к нему с этою фразой, если я не желаю быть избитой до полусмерти.

– Какой ужас! – прошептала младшая из дам.

– Что же это была за фраза? – осведомилась старшая.

– Вот она, – ответила Жанна: – «Сударь, жальтесь над бедной сироткой, прямой наследницей рода Генриха Валуа».

– Однако же! – с гримасой отвращения вскричала старшая из посетительниц.

– И какое же действие производила эта фраза, когда вы с нею к кому-нибудь обращались? – осведомилась младшая.

– Некоторые выслушивали меня с жалостью, – отозвалась Жанна. – Другие раздражались и начинали мне грозить. А третьи, которые были милосерднее остальных, предупреждали меня, что я подвергаю себя большой опасности, произнося такие слова: их могут услышать люди недоброжелательные. Но мне была ведома лишь одна опасность – не подчиниться моей матери. Я боялась одного – побоев.

– И что же случилось потом?

– Господи, сударыня, случилось именно то, на что надеялась моя мать: я приносила в дом немного денег и страшная перспектива оказаться в больнице отдалялась от отца еще на несколько дней.

Лицо старшей из дам исказилось, на глаза младшей навернулись слезы.

– Хотя я и несколько облегчала участь отца, это гнусное ремесло в конце концов меня возмутило. Однажды, вместо того чтобы приставать к прохожим со ставшей уже для меня привычной фразой, я просидела весь день у каменной тумбы, подавленная горем. Вечером мне пришлось вернуться домой с пустыми руками. Мать избивала меня так, что на завтра

я заболела. Вот тогда мой отец, лишенный всякой помощи, был вынужден отправиться в Отель-Дьё, где и умер.

– Какая ужасная история! – прошептали дамы.

– И что же вы стали делать, когда умер отец? – спросила более юная посетительница.

– Господь сжалился надо мною. Через месяц после смерти моего бедного отца мать сбежала с солдатом, своим любовником, оставив нас с братом одних.

– Так вы стали сиротами!

– Ах, сударыня, как раз наоборот: мы чувствовали себя сиротами, когда у нас была мать. В нас приняло участие благотворительное общество. Но поскольку просить милостыню нам претило, мы делали это не иначе как по крайней нужде. Господь ведь повелевал своим созданиям искать средства к пропитанию.

– Увы!

– Что вам еще сказать, сударыня? Однажды мне посчастливилось повстречать карету, которая медленно двигалась со стороны предместья Сен-Марсель: на запятках стояли четверо лакеев, а внутри сидела дама, красивая и молодая. Я протянула к ней руку, она принялась меня расспрашивать; мои ответы и, главное, мое имя вызвали в ней изумление и даже недоверие. Я сказала ей свой адрес и объяснила, как туда добраться. На следующий день она убедилась, что я не солгала, взяла нас с братом к себе, а потом определила его в полк, а меня в швей. Таким образом мы оба были спасены от голодной смерти.

– Эту даму звали не госпожа де Буленвилье?

– Именно так.

– Кажется, она уже умерла?

– Да, сударыня, и смерть ее ввергла меня в пропасть.

– Но ведь ее муж жив, он богат.

– Ее мужу, сударыня, я обязана всеми бедами, которые перенесла, будучи девушкой, точно так же, как всеми моими детскими бедами я обязана матери. Я к тому времени уже подросла, возможно, похорошела, а он, заметив это, захотел, чтобы я вознаградила его за оказанные мне благодеяния. Я отказалась. Тем временем госпожа де Буленвилье скончалась, я вышла замуж за доброго и честного офицера господина де Ламотта и, будучи разлучена с ним, оказалась в еще большем одиночестве, нежели после смерти моего отца.

Такова моя история, сударыня. Я ее сократила: описания страданий всегда столь длинны, что от них следует избавлять людей счастливых и даже милосердных, какими, по моему, являетесь вы, сударыни.

Г-жа де Ламотт закончила свою историю, и воцарилось долгое молчание.

Первой его нарушила старшая из дам.

– А чем занимается ваш муж? – поинтересовалась она.

– Служит в гарнизоне Бар-сюр-Оба, сударыня. Он служит в тяжелой кавалерии и не перестает надеяться, что придут лучшие времена.

– Но вы ходатайствовали за себя при дворе, сударыня?

– Разумеется!

– Должно быть, имя Валуа, подтвержденное документами, вызвало к вам симпатию?

– Мне не известно, сударыня, какие чувства вызвало мое имя, так как ни на одно из прошений я ответа не получила.

– Но вы ведь были на приемах у министров, у короля или королевы?

– Ни разу. Все мои попытки оказались тщетными, – ответила г-жа де Ламотт.

– Но не могли же вы просить милостыню?

– Нет, от этого я уже отвыкла. Но...

– Что – «но»?

– Но я могу умереть с голоду, как мой отец.

– Детей у вас нет?

– Нет, сударыня. А мой муж, позволив себя убить во славу короля, сможет достойным образом положить конец нашим несчастьям.

– Простите мою настойчивость, сударыня, но не могли бы вы представить документы, подтверждающие вашу родословную?

Жанна встала, порылась в ящиках и протянула даме несколько бумаг.

Желая воспользоваться моментом, когда дама подойдет поближе к свету, чтобы получше рассмотреть документы, и ее черты станут более отчетливы, Жанна с такою тщательностью и поспешностью принялась поправлять фитиль лампы, что выдала свои намерения.

Поэтому дама-благотворительница, сделав вид, что свет режет ей глаза, отвернулась от лампы и, следовательно, от г-жи де Ламотт тоже.

В этом положении она внимательно прочитала все бумаги, тщательно сверяя их одну с другою.

– Но ведь это – копии документов, ни одного подлинника я здесь не вижу, – заметила она наконец.

– Подлинники, сударыня, – ответила Жанна, – хранятся в надежном месте, и я готова их предъявить...

– Если к тому представится серьезная необходимость? – с улыбкой закончила за нее дама.

– Разумеется, сударыня, серьезная необходимость представилась и сейчас, когда вы удостоили меня своим посещением, но бумаги, о которых вы говорите, имеют для меня такую ценность, что...

– Понимаю. Вы не можете показывать их первому встречному.

– О, сударыня! – воскликнула графиня, которой удалось наконец рассмотреть полное достоинства лицо покровительницы. – Мне кажется, что вы – не первая встречающая.

С этими словами она бросилась к другому ящику и, нажав секретную пружину, извлекла оригиналы столь ценных для нее документов, заботливо уложенные в старинный портфель с гербом рода Валуа.

Дама взяла их и после внимательного осмотра проговорила:

– Вы правы, все эти документы в полном порядке. Советую вам немедленно представить их кому следует.

– И что же, по вашему мнению, я получу, сударыня?

– Вне всякого сомнения, пенсию для себя и продвижение по службе для господина де Ламотта, как бы мало сей дворянин ни зарекомендовал себя сам.

– Мой муж – образец чести, сударыня, и никогда не пренебрегал своей службой.

– Этого достаточно, сударыня, – ответила дама-благотворительница, надвигая капюшон на лицо.

Г-жа де Ламотт жадно следила за каждым ее движением.

Та сперва извлекла из кармана вышитый платочек, которым прикрывала лицо, когда ехала в санях по бульварам.

За платочком последовал завернутый в бумагу столбик монет диаметром в дюйм и дюйма три-четыре высотой.

Дама поставила монеты на шкафчик и сказала:

– Благотворительное учреждение уполномочило меня, сударыня, в ожидании лучших времен предложить вам это скромное вспомоществование.

Г-жа де Ламотт бросила быстрый взгляд на столбик.

«Трехлировые эю, – подумала она. – Их здесь с полсотни, а может, и целая сотня. Стало быть, мне упали с неба сто пятьдесят, а то и все триста ливров. Впрочем, для сотни столбик слишком низок, но для ста пятидесяти – слишком высок».

Пока она производила в уме эти расчеты, обе дамы прошли в первую комнату, где г-жа Клотильда дремала на стуле подле свечи, фитиль которой чадил в лужице растопленного сала.

От едкого, тошнотворного запаха у дамы, оставившей деньги на шкафчике, перехватило горло. Она поспешно сунула руку в карман и выхватила флакон.

Однако, повинуясь зову Жанны, г-жа Клотильда пробудилась и взяла в свои прелестные ручки огарок свечи, после чего подняла его вверх, словно факел под мрачными сводами, несмотря на протесты дам, задыхавшихся от паров сего светоча.

– До свидания, до свидания, госпожа графиня! – прокричали они и поспешили вниз по лестнице.

– Где я смогу иметь честь поблагодарить вас, сударыни? – спросила вдогонку Жанна де Валуа.

– Мы дадим вам знать, – ответила старшая из дам, спускаясь со всей доступной ей скоростью.

Наконец стук их шагов затих в глубинах нижних этажей. Г-жа де Валуа, которой не терпелось проверить справедливость своих догадок относительно столбика монет, бросилась к себе. Однако, проходя через прихожую, она задела ногой за какой-то предмет, лежавший на циновке, которая прикрывала щель под входной дверью.

Недолго думая, графиня де Ламотт нагнулась, подняла предмет и подбежала к лампе.

Это оказалась плоская золотая коробочка с незамысловатым узором на крышке.

В коробке лежало несколько ароматических шоколадных конфет, однако, несмотря на ее небольшую толщину, с первого взгляда можно было предположить, что коробочка эта – с двойным дном.

Повозившись несколько минут, графиня отыскала секретную пружину и нажала.

Перед нею был портрет женщины сурового вида, поражавшей своею несколько мужской красотой и королевской величественностью.

Прическа на немецкий манер и цепь с каким-то орденом придавали женщине на портрете вид иностранки.

На дне коробочки помещался вензель из букв «М» и «Т» в лавровом венке.

Из-за сходства портрета с лицом дамы-благотворительницы г-жа де Ламотт предположила, что на нем изображена мать или бабка, и нужно сказать, первым движением графини было выбежать на лестницу и окликнуть посетительниц.

Но дверь на улицу уже затворилась.

Затем она решила окликнуть их из окна, потому что догнать посетительниц было уже поздно.

Но она лишь увидела в конце улицы Сен-Клод резвую одноколку, заворачивающую на улицу Людовика Святого.

Отчаявшись вернуть своих покровительниц, графиня некоторое время глядела на коробочку, обещая себе возратить ее в Версаль, потом, взяв со шкафчика деньги, проговорила:

– По-моему, я не ошиблась, здесь ровно пятьдесят эю.

И бумажка, в которую были завернуты монеты, полетела на пол.

– Луидоры! Двойные луидоры! – вскричала графиня. – Пятьдесят двойных луидоров! Две тысячи четыреста ливров!

В глазах у нее вспыхнула алчная радость. Г-жа Клотильда, зачарованная лицезрением такого количества золота, какого она в жизни не видела, так и застыла с открытым ртом и стиснутыми руками.

– Сто луидоров, – повторила г-жа де Ламотт. – Стало быть, дамы богаты? Ну, так я их разыщу!

4. Бел²⁵

Г-жа де Ламотт не ошиблась, предположив, что одноколка увозила дам-благотворительниц.

Спустившись вниз, они нашли у дома ожидавшую их одноколку – такую, какие делали в те времена: с большими колесами, легким кузовом, длинным кожаным фартуком и удобным сиденьем для слуги, помещавшимся сзади.

Эту одноколку, запряженную великолепным ирландским гнедым жеребцом с коротким хвостом и мясистым крупом, пригнал на улицу Сен-Клод кучер, которого дама-благотворительница звала Вебером и с которым мы уже знакомы.

Когда дамы вышли из дома, Вебер держал лошадь под уздцы, успокаивая горячее животное, которое било копытом по твердеющему с приближением ночи снегу.

Завидя дам, Вебер сказал:

– Сутарыня, я хотел сапрячь Сципиона – он сильный и им легко упрафлять, но Сципион фчера фыфихнул ногу, и остался только Пел, но с ним трутно.

– Ах, да вы же знаете, Вебер, – отозвалась старшая из дам, – что для меня это неважно: рука у меня сильная и управлять лошадьми я умею.

– Я снаю, что фы упрафляете хорошо, но тороки очень плохие. Фы куга етете, сутарыня?

В Версаль.

– Сначит, по пульфарам?

– Да нет, Вебер. Сейчас подмораживает, и на бульварах гололедица. Улицами проехать легче благодаря прохожим, которые утаптывают снег. Скорее, Вебер, скорее!

Пока дамы проворно садились в одноколку, Вебер придерживал жеребца, потом бросился назад и крикнул, что он готов.

Старшая из дам обратилась к спутнице:

– Ну и какого вы мнения о графине, Андреа?

С этими словами она опустила поводья, и лошадь, стрелой промчав по улице, завернула за угол.

Именно в этот миг г-жа де Ламотт и открывала окно, чтобы окликнуть дам-благотворительниц.

– Мне кажется, сударыня, – ответила та, которую звали Андреа, – что госпожа де Ламотт бедна и очень несчастна.

– Но она хорошо воспитана, не так ли?

– Ода.

– Что-то ты холодна к ней, Андреа.

– Если уж начистоту, то, по-моему, у нее в лице есть какое-то коварство; мне это не нравится.

– О, я знаю, Андреа, вы очень недоверчивы и, чтобы вам понравиться, нужно обладать сразу всеми добродетелями. А я нахожу, что эта маленькая графиня интересна и проста – как в гордыне, как и в смирении.

– Для нее большая удача, сударыня, что она имела счастье понравиться вашему...

– Берегись! – вскричала дама, бросив коня в сторону и чуть не опрокинув носильщика у угла улицы Сент-Антуан.

– Перегись! – громовым голосом повторил Вебер. И одноколка полетела дальше.

²⁵ Мифический царь Египта, сын Посейдона и Ливии.

Ее седики слышали проклятия мужчины, едва выскочившего из-под колес, да несколько сочувственных ему голосов, которые на секунду слились в единый враждебный крик.

Однако благодаря Белу через несколько секунд его хозяйка отделилась от богохульников на расстояние, отделяющее улицу Святой Екатерины от площади Бодуайе.

Там, как известно, дорога раздваивается, однако ловкая возница решительно свернула в улицу Тиссерандри, многолюдную, узкую и весьма мало аристократичную.

Здесь, несмотря на многочисленные «берегись!» дамы и рев Вебера, постоянно слышались яростные восклицания прохожих:

– А, одноколка? Долой одноколки!

Бел продолжал бежать, а его возница, несмотря на изнеженность детской с виду руки, не снижала скорости и уверенно управляла экипажем среди луж талого снега и еще более опасных участков дороги, где по разбитой мостовой бежали целые реки воды.

Однако против всякого ожидания все шло благополучно: яркий фонарь освещал дорогу, в те времена полиция еще не обязала всех владельцев одноколок обзавестись подобной мерой предосторожности.

Покамест, повторяем, все шло благополучно: ни одного задетого экипажа или придорожной тумбы, ни одного опрокинутого прохожего. Это было подлинным чудом, и тем не менее возгласы и угрозы постоянно сопровождали одноколку.

Экипаж столь же быстро и удачно пересек улицу Сен-Медерик, за нею – улицы Сен-Мартен и Обри-ле-Буше.

Читатель может подумать, что по мере приближения к более цивилизованным кварталам ненависть к аристократическому экипажу станет менее яростной.

Ничуть не бывало: едва Бел въехал в улицу Ферронри, как Вебер, преследуемый бранью прохожих, заметил на пути одноколки несколько кучек людей. Некоторые из них, казалось, вот-вот бросятся вслед за одноколкой и остановят ее.

Но Вебер не хотел беспокоить свою хозяйку. Он видел, сколько она выказывает хладнокровия и сноровки, как ловко минует все препятствия, неподвижные и движущиеся, источник отчаяния и гордости парижских кучеров.

Что же до Бела, то он продолжал мерить дорогу своими стальными ногами и даже ни разу не поскользнулся – настолько умело рука, державшая поводья, помогала ему избегать уклонов и прочих неровностей.

Народ вокруг одноколки уже бранился что есть мочи. Державшая вожжи дама, заметив это, приписала подобную враждебность какой-то избитой причине, вроде скверной погоды или плохого умонастроения. И решила ускорить ход событий. Она прищелкнула языком, Бел вздрогнул и перешел с короткой рыси на длинную.

Лавки полетели мимо стрелой, прохожие шарахались в стороны.

Только и слышно было: «Берегись! Берегись!»

Одноколка неслась почти вплотную к Пале-Роялю мимо улицы Кок-Сент-Оноре, в начале которой все еще гордо возвышался один из самых красивых снежных обелисков, хотя его верхушка из-за оттепелей уже несколько уменьшилась в размерах, словно леденец, обсоленный ребенком.

Обелиск этот был увенчан роскошным плюмажем из лент, правда, уже несколько выцветших, и надписью в стихах, которую народный поэт этого квартала подвесил между фонарями:

Стой подле благодетеля страны,
Владычица, чей лик – сама краса и нега,
Пусть хрупкий монумент сей изо льда и снега —

Сердца у нас к тебе не холодны.

Именно здесь Белу встретила первая серьезная трудность. Монумент как раз собирались иллюминировать, поэтому он привлек множество зевак, собравшихся плотной толпой, которую на рыси было не миновать.

Бел вынужден был перейти на шаг.

Однако люди только что видели Бела, летящего как молния, слышали сопровождавшие его крики, и, хотя перед толпой он почти остановился, вид одноколки произвел на нее самое неблагоприятное действие.

Тем не менее толпа расступилась.

Вскоре однако, показалось новое сборище.

Ворота Пале-Рояля были открыты, во дворе пылали громадные костры, согревая целую армию нищих, которым лакей его высочества герцога Орлеанского раздавал глиняные миски с супом.

Но тех, кто ел и грелся, при всей их многочисленности, было гораздо меньше, чем тех, кто за этим наблюдал. В Париже это обычное дело: актер, что бы он ни вытворял, всегда найдет себе зрителей.

Экипаж, преодолев первое препятствие, у второго был вынужден остановиться, словно судно среди рифов.

В тот же миг крики, до этого доносившиеся до двух женщин как неясный шум, стали раздаваться весьма отчетливо, невзирая на сутолоку.

– Долой одноколки! Долой давителей!

– Это нам? – осведомилась у спутницы дама, державшая вожжи.

– Боюсь, что да, сударыня, – отвечала та.

– Разве мы кого-нибудь раздавили?

– Нет, никого.

– Долой одноколки! Долой давителей! – гневно вопила толпа.

Назревала буря, жеребца уже схватили под уздцы, и Бел, непривычный к грубому обращению, неистово бил копытом землю; с морды у него во все стороны слетали клочья пены.

– В полицию их! В полицию! – выкрикнул кто-то.

Вне себя от изумления, две женщины переглянулись. Толпа тут же подхватила:

– В полицию их! В полицию!

Тем временем самые любопытные уже заглядывали в кузов одноколки.

По толпе побежали пересуды.

– Гляди-ка! Женщины!

– Ага! Куколки Субиза! Полюбовницы Эннена!

– Девочки из Оперы! Они думают, что имеют право давить бедных людей, раз могут платить за больницу десять тысяч ливров в месяц.

Последнее замечание вызвало яростный рев.

Сидевшие в одноколке женщины переживали происходящее по-разному. Одна, бледная и дрожащая, старалась втиснуться поглубже в сиденье. Другая решительно подняла голову, брови ее были насуплены, губы плотно сжаты.

– О, сударыня, что вы делаете! – воскликнула ее спутница, пытаясь увлечь решительную даму назад.

– В полицию! В полицию! – продолжались злобные выкрики. – Пусть-ка они побывают в полиции!

– Ах, сударыня, мы пропали, – шепнула на ухо спутнице младшая из женщин.

– Ничего, Андреа, смелее, – ответила та.

– Но ведь вас увидят! Вас могут узнать!

– Посмотрите в заднее окошко: Вебер еще на месте?

– Он пытается спуститься, но ему не дают, он отбивается. А вот, сейчас подойдет.

– Вебер, – приказала дама по-немецки, – помогите нам выйти.

Растолкав плечами нападавших, слуга отстегнул фартук одноколки. Женщины легко спрыгнули на землю.

Тем временем толпа полностью завладела лошадью и одноколкой, кузов которой уже затрещал.

– Силы небесные! Да в чем же дело? – продолжала по-немецки старшая из женщин. – Понимаете ли вы что-нибудь, Вебер?

– Ничего не понимаю, сударыня, – ответил слуга, которому изъясняться по-немецки было гораздо проще, чем по-французски, одновременно мощными пинками освобождая своей хозяйке проход.

– Но это же не люди, а звери какие-то! – продолжала дама на том же языке. – Интересно, в чем это они меня упрекают?

В этот миг чей-то учтивый голос, выгодно отличавшийся от тех, что выкрикивали оскорбления и угрозы в адрес дам, ответил на чистом саксонском²⁶:

– Они упрекают вас, сударыня, в том, что вы нарушили распоряжение полиции, появившееся в Париже этим утром и запрещающее до весны ездить в одноколках, которые опасны даже тогда, когда дороги в порядке, а в гололедицу просто убийственны для пешеходов, не имеющих возможности избежать их колес.

Дама обернулась, чтобы посмотреть, откуда доносится этот вежливый голос среди моря угроз.

Она увидела молодого офицера, пробивавшегося к ней с доблестью не меньшей, чем та, которую проявлял Вебер, отражавший атаки со всех сторон.

Тонкие и благородные черты лица, высокий рост и бравый вид молодого человека понравились даме, и она поспешно ответила ему по-немецки:

– Боже, сударь, но я же ровным счетом ничего не знала об этом распоряжении.

– Вы иностранка, сударыня? – осведомился молодой офицер.

– Да, сударь. Но скажите, что же мне делать, они ломают мою одноколку.

– Позвольте им ее доломать, а сами тем временем поспешите исчезнуть. Народ в Париже зол на богачей, которые щеголяют перед нищими своей роскошью. Согласно сегодняшнему распоряжению, вас обязательно препроводят в полицию.

– О, только не это! – воскликнула младшая из дам.

– В таком случае, – улыбнулся офицер, – воспользуйтесь проходом, который я освобожу для вас в толпе, и бегите.

Слова эти были сказаны столь непринужденным тоном, что женщинам стало ясно: офицер слышал, как в толпе прошлись насчет содержанок гг. Субиза и д'Эннена.

Однако препираться по пустякам было не время.

– Проводите нас до наемного экипажа, сударь, – повелительно проговорила старшая из дам.

– Я подниму вашу лошадь на дыбы, и в суматохе вы сможете скрыться. К тому же, – добавил молодой человек, которому очень хотелось поскорее завершить свою рискованную миссию, – людям может надоест слушать разговоры на языке, которого они не понимают.

– Вебер! – громко крикнула дама. – Заставьте Бела встать на дыбы, чтобы толпа испугалась и расступилась.

– А потом, сударыня?

– Подождите, пока мы не уйдем.

²⁶ В основе современного литературного немецкого языка (так наз. *Bühnendeutsch*) лежит саксонский диалект.

– А если они сломают одноколку?

– Да пусть ломают, какое тебе до этого дело! Спаси, если сможешь, Бела, а главное, спасись сам. Это единственное, что я могу тебе посоветовать.

– Слушаюсь, сударыня, – ответил Вебер.

Не теряя попусту времени, он пощекотал норовистого жеребца, который, подпрыгнув, сбросил наиболее настойчиво пристававших к нему людей, вцепившихся в поводья и оглобли.

Во дворе воцарились испуг и неразбериха.

– Вашу руку, сударь, – обратилась дама к офицеру. – Пойдемте, милая, – добавила она, повернувшись к Андреа.

– Идемте, идемте, отчаянная женщина, – пробормотал себе под нос офицер и, не скрывая своего восхищения, подал руку.

Через несколько минут они были уже на соседней площади, где стояли наемные экипажи. Извозчики подремывали на козлах, а лошади с полуприкрытыми глазами и опущенными головами терпеливо дожидались вечера, когда они получат свой скудный рацион.

5. Дорога в Версаль

Оказавшись вне пределов досягаемости толпы, две дамы тем не менее продолжали опасаться, чтобы какой-нибудь любопытный, последовав за ними, вновь не устроил сцену, подобную той, в которой они только что участвовали, тем более что во второй раз дело могло обернуться хуже.

Молодой офицер понял их опасения; это было заметно по тому усердию, с каким он принялся будить извозчика, скорее окованного, чем просто спавшего на козлах.

Стояла такая стужа, что вопреки обыкновению извозчики не стали наперебой предлагать свои услуги, напротив, ни один из сих автомедонов²⁷ (по двадцать четыре су за час) не пошевелился, даже тот, к которому обращались.

Офицер схватил его за ворот ветхого балахона и тряхнул так, что тот наконец вышел из оцепенения.

– Эй! Эй! – заорал ему в ухо молодой человек, видя, что тот начал подавать признаки жизни.

– Да, да, хозяин, – пробормотал извозчик, еще находившийся в полусне и раскачивающийся на козлах, словно пьяный.

– Куда вам нужно, сударыня, – по-немецки спросил офицер.

– В Версаль, – на том же языке ответила старшая из дам.

– В Версаль? – воскликнул извозчик. – Вы сказали, в Версаль?

– Нуда.

– Ничего себе! В Версаль! Четыре с половиной лье по такой гололедице? Ну уж нет!

– Я хорошо заплачу, – пообещала по-немецки старшая из дам.

– Тебе заплатят, – перевел извозчику офицер.

– А сколько? – недоверчиво поинтересовался тот с высоты своих козел. – Понимаете, господин офицер, доехать до Версаля – это еще полдела, придется и возвращаться.

– Луидора будет довольно? – спросила у офицера младшая из дам все на том же языке.

– Тебе предлагают луидор, – перевел молодой человек.

– Луидор, ничего себе! – проворчал извозчик. – Да тут лошадь все ноги переломает.

– Вот плут! Отсюда до замка Мюэтт всего три ливра, а это уже полпути. Следовательно, за дорогу туда и обратно тебе следует двенадцать ливров, а ты получишь двадцать четыре.

– Да не торгуйтесь вы, ради Бога, – перебила старшая из дам. – Два луидора, три, да хоть двадцать – только бы он сразу поехал и не останавливался в пути.

– Луидора вполне довольно, сударыня, – возразил офицер.

Затем, повернувшись к извозчику, добавил:

– Давай-ка, мошенник, слезай вниз да открой дверцу.

– Я хочу, чтобы заплатили вперед, – заявил извозчик.

– Мало ли чего ты хочешь!

– Это мое право.

Офицер сделал движение в его сторону.

– Мы заплатим вперед, – остановила его старшая из дам.

С этими словами она сунула руку в карман.

– О Боже! – воскликнула она, обращаясь к спутнице. – У меня нет кошелька.

– В самом деле?

– Но ваш-то, Андреа, на месте?

Молодая женщина принялась в свою очередь судорожно рыться в кармане.

²⁷ В греческой мифологии возникший Ахилла; здесь: возница, кучер вообще.

– Мой... мой тоже куда-то делся.

– Посмотрите во всех карманах.

– Пусто! – воскликнула молодая женщина с досадой, поскольку заметила, что офицер внимательно за нею наблюдает, а извозчик уже растянул свой огромный рот в насмешливой улыбке, поздравляя себя втихомолку с такой мудрой предусмотрительностью.

Тщетно дамы шарили по всем карманам; ни одна, ни другая не смогли отыскать ни единого су.

Офицер увидел, что они, теряя терпение, то краснеют, то бледнеют. Положение осложнилось.

Дамы уже собрались было дать извозчику цепочку или какую-нибудь другую драгоценность в качестве залога, когда офицер, щадя их чувства, достал из кошелька луидор и протянул его извозчику.

Тот взял монету, внимательно ее осмотрел и взвесил на ладони. Одна из дам тем временем поблагодарила офицера. Извозчик отворил дверцу, и эта женщина вместе со спутницей села в экипаж.

– А теперь, господин плут, – обратился офицер к извозчику, – вези этих дам, только осторожненько, как следует, понял?

– Ну какие разговоры, господин офицер, само собой.

Пока длился этот диалог, дамы советовались.

Они со страхом поняли, что их проводник и защитник собирается их покинуть.

– Сударыня, – тихонько проговорила младшая, – лучше бы он не уходил.

– Это еще почему? Спросим у него имя и адрес, а завтра пошлем ему луидор с благодарственной запиской, которую вы напишите.

– Нет, сударыня, умоляю вас, пусть он останется. А вдруг извозчик – злодей, вдруг он начнет вытворять что-нибудь по пути? Дороги нынче скверные, кто нам поможет в случае чего?

– Но у нас же есть его номер.

– Конечно, сударыня, я не отрицаю, потом вы позаботитесь, чтобы он получил свое, но сейчас вы можете не успеть добраться этой ночью до Версаля. Что тогда скажут, представляете?

Старшая из дам задумалась.

– Верно, – наконец согласилась она.

Но офицер уже склонился в прощальном поклоне.

– Сударь, еще одно слово, прошу вас, – проговорила по-немецки Андреа.

– К вашим услугам, сударыня, – с явным неудовольствием отозвался офицер, сохраняя, впрочем, во всем своем облике и даже тоне изысканную учтивость.

– Сударь, – продолжала Андреа, – после всего, что вы для нас сделали, вы не сможете отказать еще в одной любезности.

– Слушаю вас.

– Признаться, сударь, мы побаиваемся этого извозчика, он так неохотно согласился ехать...

– Вы напрасно беспокоитесь, – ответил офицер. – Я запомнил его номер, сто семь «С», так что, если он причинит вам какие-либо неудобства, обращайтесь ко мне.

– К вам? – забывшись, проговорила по-французски Андреа. – Но как же мы сможем к вам обратиться, если не знаем даже вашего имени?

Молодой человек попятился.

– Так вы говорите по-французски? – с удивлением воскликнул он. – Вы говорите по-французски, а меня уже полчаса заставляете терзать мой немецкий! Ей-богу, сударыня, это нехорошо!

– Извините нас, сударь, – вмешалась вторая дама, приходя на помощь озадаченной спутнице. – Вы же понимаете, что, не прикинься мы иностранками, в Париже нам пришлось бы трудно, а с этим экипажем – тем более. Вы же светский человек и прекрасно понимаете, что мы оказались в несколько неестественной ситуации. Помочь нам лишь наполовину означает не помочь вовсе. Проявить меньшую скромность, чем вы проявляли до сих пор, означает быть нескромным. Мы составили о вас хорошее мнение, сударь, не заставляйте же нас его менять. Если вы можете оказать нам услугу, сделайте это безоговорочно или позвольте нам поблагодарить вас и искать помощь в другом месте.

– Сударыня, располагайте мною, – ответил офицер, пораженный благородным и очаровательным тоном незнакомы!.

– В таком случае не считите за труд сесть сюда.

– В экипаж?

– Да, и поехать вместе с нами.

– До Версаля?

– Вот именно, сударь.

Офицер молча влез в экипаж, сел на переднее сиденье и крикнул извозчику.

– Трогай!

Дверца захлопнулась, женщины укутались поплотнее, экипаж, проехав по улице Сен-Тома-дю-Лувр, пересек площадь Карусель и покатил по набережным.

В экипаже царило глубокое молчание.

Извозчик, то ли искренне желая добросовестно выполнить свои обязанности, то ли опасаясь присутствия офицера, который внушал ему почтение, упорно погонял своих тощих клыч по скользким мостовым набережной и дороги Конферанс.

Тем временем от дыхания трех пассажиров в экипаже стало теплее. В воздухе витал нежный аромат духов, благодаря которому впечатление молодого человека о его спутницах начало мало-помалу улучшаться.

«Наверное, – думал он, – эти женщины задержались на свидании с кем-то и теперь торопятся назад в Версаль, слегка напуганные и смущенные».

«Но если это благородные дамы, – продолжал рассуждать про себя офицер, – то почему же они ехали в одноколке и к тому же сами правили?»

О, вот на это ответ есть.

Троим в одноколке тесно, а брать с собою лакея они не захотели, чтобы он их не смущал.

Однако ни у одной, ни у другой не оказалось с собою денег! Это досадное недоразумение стоит того, чтобы над ним поразмыслить.

Конечно, кошелек был у лакея. Одноколка, которая сейчас, наверное, уже разлетелась на кусочки, была весьма изящна, а лошадь, если я хоть сколько-нибудь в них понимаю, стоит луидоров полтора.

Только богатые женщины могут позволить себе без сожаления бросить такую одноколку и лошадь. Так что отсутствие у них денег ровно ничего не значит.

Да, но это их стремление говорить на иностранном языке, хотя сами они француженки...

Прекрасно: это означает лишь то, что они недурно образованны. Искательницы приключений обычно не говорят по-немецки, как немки, а по-французски – как парижанки.

К тому же в этих женщинах чувствуется врожденное благородство.

Молоденькая так трогательно обратилась ко мне с просьбой.

А старшая говорила поистине с королевским благородством.

Да и кто сказал, – продолжал молодой человек, пристраивая свою шпагу так, чтобы она не мешала соседкам, – что для военного небезопасно провести пару часов в экипаже с двумя хорошенькими женщинами?

Хорошенькими и скромными, – продолжал он, – поскольку они молчат и ждут, когда я сам начну разговор».

Молодые женщины в свою очередь тоже размышляли об офицере: в тот миг, когда у него в голове мелькнула мысль об их скромности, одна из дам обратилась по-английски к своей спутнице:

– Ей-богу, друг мой, этот извозчик тащится, словно на похоронах, так мы никогда не доберемся до Версаля. Держу пари, наш бедный спутник просто умирает со скуки.

– К тому же, – улыбнувшись, подхватила младшая, – наши разговоры не очень-то занимательны.

– Не кажется ли вам, что он выглядит вполне приличным человеком?

– Я того же мнения, сударыня.

– А вы обратили внимание, что на нем морская форма?

– Я в этом разбираюсь плохо.

– Так вот, на нем форма морского офицера, а все они – из хороших домов. Вдобавок она ему идет, он в ней очень хорош собой, не правда ли?

Младшая из дам уже собралась было согласиться с мнением собеседницы, как вдруг офицер жестом остановил ее.

– Простите меня, сударыни, – проговорил он на великолепном английском языке, – но я обязан вам сказать, что легко говорю и понимаю по-английски. Правда, я не знаю испанского, и если вы его знаете и станете беседовать на нем, то можете быть уверены, я ничего не пойму.

– Сударь, – рассмеявшись, ответила дама, – как вы могли убедиться, мы ничего дурного о вас не говорили. Теперь мы не будем смущаться и станем говорить лишь по-французски.

– Благодарю за любезность, сударыня, но если мое присутствие вас чем-то смущает...

– Вы не должны так думать, сударь, ведь это мы вас сюда пригласили.

– Вернее, даже потребовали, чтобы вы ехали с нами, – добавила младшая.

– Не смущайте меня, сударыня, и извините за минутную нерешительность. Вы ведь знаете Париж, не так ли? В нем полно всяких ловушек, грозящих неудачей и разочарованием.

– Так, значит, вы приняли нас... Ну-ка, скажите откровенно.

– Господин офицер решил, что мы расставляем ему ловушку, вот и все.

– О, сударыни, – сконфузился молодой человек, – клянусь, ничего подобного не приходило мне в голову.

– Что такое? Почему мы встали?

– Что случилось?

– Сейчас посмотрю, сударыни.

– Кажется, мы сейчас перевернемся! Осторожнее сударь!

Экипаж дернуло, и младшая из дам, чтобы удержать равновесие, оперлась о плечо офицера.

Это прикосновение заставило его вздрогнуть.

Первым его движением было схватить девушку за руку; но Андреа уже совладала с минутным испугом и поглубже уселась на сиденье.

Офицер, которого больше ничто не удерживало, вылез и увидел, что извозчик поднимает одну из лошадей, запутавшуюся в постромках и придавленную дышлом.

Они только что проехали Севрский мост.

Наконец с помощью офицера извозчик поставил лошадь на ноги.

Молодой человек вернулся в экипаж.

Извозчик же, радуясь, что встретил подобную доброжелательность, принялся щелкать бичом – как для того, чтобы подстегнуть своих кляч, так и для того, чтобы согреться самому.

Казалось, однако, что проникший в экипаж через открытую дверцу студёный воздух заморозил разговор и сковал нарождавшуюся близость, в которой молодой человек уже безотчетно начинал находить известное очарование.

Но его лишь спросили, что произошло. Он рассказал. На этом разговор закончился, и над путешественниками снова нависло молчание.

Офицер, которого прикосновение теплой трепещущей ручки задело за живое, решил, что неплохо бы теперь получить взамен ножку.

Он вытянул вперед ногу, однако, хоть сделано это было не без ловкости, нога его ощутила лишь пустоту, вернее, наткнулась было на нечто, что тут же и исчезло, как с горечью отметил офицер.

Когда же он случайно задел ногу старшей из женщин, та хладнокровно заметила:

– Кажется, я стесняю вас, сударь. Прошу прощения.

Молодой человек залился краской до корней волос, радуясь, что в сгустившихся сумерках это осталось незамеченным.

Все было сказано, и на этом затеи молодого человека кончились.

Немой, неподвижный и почтительный, словно в храме, он боялся вздохнуть и чувствовал себя как малое дитя.

Однако мало-помалу странное впечатление завладело его мыслями.

Он ощущал рядом с собою присутствие двух очаровательных женщин, хоть к ним и не прикасался, он видел их своим мысленным взором, хоть и не мог разглядеть их въяве. Понемногу привыкая находиться подле них, он чувствовал, что какая-то частичка их существования сливается с его собственным бытием. Ему невероятно хотелось возобновить прервавшийся разговор, но теперь он не осмеливался начать, боясь показаться пошлым, поскольку с самого начала старался выражаться как можно изысканнее. Он опасался выставить себя простаком или наглецом перед женщинами, которым еще час назад оказывал, по его мнению, честь, ссужая их луидором и учтиво обращаясь с ними.

Словом, поскольку любая приязнь в этом мире объясняется взаимодействием флюидов, вовремя вступивших в соприкосновение, могучая притягательная сила, излучаемая ароматами и молодым теплом трех собравшихся случайно людей, завладела офицером, заняла все его мысли, заставляя сердце биться чаще.

Так порою рождаются, живут и умирают на протяжении лишь нескольких минут самые истинные, нежные и горячие чувства.

Они обладают прелестью, поскольку мимолетны, и силой – поскольку какое-то время все же длятся.

Офицер хранил молчание. Дамы тихонько переговаривались между собой. Однако молодой человек был постоянно начеку и улавливал отдельные слова, которые его воображение облекало в смысл.

Вот что он слышал:

– Позднее время... двери... повод, чтобы выйти...

Экипаж снова остановился.

Однако на этот раз остановка не была вызвана падением лошади или сломанным колесом. После трех часов отчаянных усилий лихой извозчик наконец разогрелся, вернее, почти что загнал лошадей и добрался до Версаля; стоявшие в его длинных, мрачных и пустынных аллеях красноватые фонари, выбеленные снаружи изморозью, напоминали процессию черных, бесплотных духов.

Молодой человек понял, что они прибыли на место. Каким же волшебством так быстро пролетело время?

Извозчик нагнул к окошку в передке экипажа.

– Хозяин, – сообщил он, – мы в Версале.

– Где прикажете остановиться, сударыни? – спросил офицер.

– На плацу.

– На плац! – крикнул извозчику молодой человек.

– Ехать на плац? – переспросил тот.

– Ну да, говорят же тебе.

– Тогда придется добавить, – с ухмылкой проговорил овернец.

– Езжай, езжай.

Снова слышались щелчки кнута.

«Нужно начать разговор, – подумал офицер. – Я уже выставил себя наглцом, так еще не хватает выглядеть олухом».

– Сударыни, – смело начал он, – вот вы и добрались.

– Благодаря вашей любезной помощи.

– Сколько неудобств мы вам причинили! – добавила младшая из дам.

– Да я уж обо всем забыл, сударыня.

– А вот мы, сударь, не забудем. Прошу вас, назовите ваше имя.

– Мое имя?

– Я его спрашиваю уже во второй раз. Берегитесь!

– Вы же не собирались подарить нам ваш луидор, не правда ли?

– О, сударыня, если дело лишь в этом, – ответил молодой офицер, несколько задетый, – то я уступаю: я – граф де Шарни, офицер королевского флота, как вы уже заметили, сударыня.

– Шарни, – повторила старшая из дам тоном, в котором явно подразумевалось: «Прекрасно, я запомню».

– Жорж, Жорж де Шарни, – добавил офицер.

– Жорж, – прошептала младшая.

– А где вы живете?

– В особняке Принцев на улице Ришелье.

– Все, приехали.

Старшая из дам сама отворила дверцу слева от себя, легко спрыгнула на землю и подала руку спутнице.

– Но позвольте же, – вскричал молодой человек, приготовившийся следовать за дамами, – позвольте, я хотя бы вас провожу! Вы ведь еще не у себя, плац – это еще не дом.

– Оставайтесь на месте, – одновременно проговорили женщины.

– Как это, на месте?

– Не вылезайте из экипажа.

– Но как же, сударыни: одним, ночью, в такую погоду... Это невозможно.

– Хорошенькое дело! Сначала вы чуть было не отказали нам в услуге, а теперь мы не можем избавиться от ваших услуг! – весело отозвалась старшая из дам.

– Однако!

– Никаких «однако». Будьте же истинным и галантным кавалером до конца. Благодарим вас, господин де Шарни, благодарим от всего сердца. А поскольку вы – истинный и галантный кавалер, как я сказала только что, мы даже не будем брать с вас слово.

– Зачем вам мое слово?

– Слово в том, что вы сейчас затворите дверцу и велите извозчику возвращаться в Париж. Вы ведь так и сделаете и даже не станете смотреть нам вслед, правда?

– Вы правы, сударыни, брать с меня слово ни к чему. Извозчик, поехали назад, друг мой.

И молодой человек сунул в грубую ладонь извозчика еще один луидор.

Славный овернец задрожал от радости.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Теперь пусть хоть клячи сдохнут, а доедем!

– Ну, клячам-то, по-моему, заплатили, – пробормотал офицер.

Экипаж покати, и покати быстро. Стук его колес заглушил вздох молодого человека, не лишенный сладострастия: сибарит развалился на подушках, еще хранивших тепло двух очаровательных незнакомок.

Они же остались стоять неподвижно и, лишь когда экипаж скрылся из виду, направились к дворцу.

6. Приказ

Едва путешественницы тронулись в путь, как резкий порыв ветра донес до них бой часов: на церкви Людовика Святого било три четверти.

– О Боже! Без четверти двенадцать! – в один голос воскликнули женщины.

– Смотрите, все ворота закрыты, – добавила младшая.

– Ну, это-то меня не беспокоит, милая Андреа. Даже будь они открыты, мы все равно не пошли бы через парадный двор. Скорее, скорее, пойдемте через бассейны.

С этими словами женщины направились к правому крылу дворца.

Как известно всякому, там есть отдельный вход, ведущий в сад. К нему-то и подошли наши дамы.

– Дверь заперта, – с беспокойством проговорила старшая.

– Давайте постучим, сударыня.

– Нет, лучше позovem. Лоран должен меня ждать, я предупредила его, что мы можем вернуться поздно.

– Хорошо, сейчас я его позову.

И Андреа подошла к двери.

– Кто там? – послышался за нею голос еще до того, как девушка успела что-либо произнести.

– Ах, это не Лоран, – испуганно проговорила она.

– И верно, не он.

Другая женщина тоже подошла к двери.

– Лоран! – тихонько позвала она. Молчание.

– Лоран! – снова позвала дама и постучала.

– Нет здесь никакого Лорана, – грубо отозвался голос.

– Это неважно, все равно откройте, – настойчиво попросила Андреа.

– Не открою.

– Но, друг мой, вы, должно быть, не знаете, что Лоран нам всегда открывает.

– Плевать я хотел на Лорана! У меня есть приказ.

– А кто вы?

– Кто я?

– Нуда.

– А вы? – в свою очередь осведомился голос.

Вопрос был задан несколько грубо, однако препираться было не время, следовало что-то отвечать.

– Мы – дамы из свиты ее величества. Мы живем в замке и возвращаемся к себе.

– А я – солдат первой роты швейцарцев и в отличие от Лорана оставлю вас стоять под дверьми.

– Господи! – прошептали в один голос женщины.

Одна из них, едва сдерживая гнев, схватила другую за руку и, сделав над собой усилие, проговорила:

– Друг мой, я понимаю, что как хороший солдат вы должны выполнять приказ, и не собираюсь заставлять вас его нарушить. Я лишь прошу вас оказать мне услугу и позвать Лорана, который должен быть где-нибудь поблизости.

– Я не могу покинуть пост.

– Так пошлите кого-нибудь.

– Тут никого нет.

– Ну, прошу вас!

– Черт побери, сударыня, переночуйте в городе. Хорошенькое дельце! Да ежели б у меня перед носом закрыли дверь в казарму, я уж нашел бы, где переночевать. Ступайте!

– Послушайте, гренадер, – решительно сказала старшая из дам, – двадцать луидоров, если отопрете.

– И десять лет тюрьмы. Нет уж, благодарю. Сорок восемь ливров за год тюрьмы – это маловато.

– Я сделаю так, что вас произведут в сержанты.

– Вот-вот, а тот, кто отдал мне приказ, велит меня расстрелять. Премного благодарен!

– Кто же отдал вам приказ?

– Король.

– Король? – с ужасом переспросили женщины. – Ах, мы пропали.

Младшая, казалось, уже не помнила себя от страха.

– Ну что ж, – решила старшая, – попробуем другие двери.

– Ах, сударыня, если уж заперты эти, то и другие тоже.

– Как вы думаете, если Лорана здесь нет, хотя это и его место, то где он может быть?

– Нигде, это все сделано умышленно.

– Да, наверное, ты права, Андреа, это явно дурацкие фортели короля. О Боже!

Последние слова дама произнесла с презрением и угрозой.

Ведущая к бассейнам дверь была проделана в стене столь толстой, что перед нею получилось нечто вроде прихожей.

По обеим сторонам этой прихожей стояли каменные скамьи.

Охваченные волнением, доведенные до отчаяния женщины упали на них.

Через щель под дверью пробивался свет, слышались шаги швейцарца, который то брал, то ставил к стене свое ружье.

За тонкой дубовой преградой – спасение, а здесь – позор, скандал, чуть ли не гибель!

– Ох, что же будет завтра, когда узнают? – прошептала старшая из дам.

– Вы просто скажете правду.

– Но поверят ли в нее?

– У вас есть доказательства. Сударыня, солдат не будет стоять здесь на часах всю ночь, – сказала младшая из дам, которая набиралась смелости по мере того, как старшая ее лишалась. – В час ночи его сменят, а другой может оказаться сговорчивее. Подождем.

– Да, но когда пробьет полночь, пройдет дозор и увидит, что я сижу здесь под дверью, чего-то жду, прячусь. Какое бесчестие! О Боже, Андреа, кровь бросилась мне в голову, я задыхаюсь.

– Держитесь, сударыня. Вы ведь обычно так сильны, а я, которая только что проявила слабость, еще вас поддерживаю!

– Это заговор, Андреа, и мы стали его жертвами. Такого еще никогда не бывало, эту дверь никогда не запирали! Ах, Андреа, я этого не вынесу, я умираю!

И дама откинулась назад, словно и в самом деле задыхалась.

В этот миг по сухой и светлой версальской мостовой, где ступает сейчас так немного ног, зазвучали шаги.

В ту же секунду послышался чей-то голос: какой-то молодой человек непринужденно и весело распевал песенку.

Это была одна из тех жеманных песенок, принадлежавших исключительно эпохе, которую мы пытаемся описать.

Неужто то было со мною?

Неужто то не было сном?

Той ночью, беззвездной, немою,

Неужто мы были вдвоем?
Морфей меня жестом безмолвным
В мягчайшую жесть превратил,
И, словно магнитом любовным,
Я тотчас притянут к вам был.

- Вы слышите? – в один голос воскликнули женщины.
- Я знаю, кто это, – сказала старшая.
- Это...

Сей бог своей хитрой уловкой
Заставил любовный магнит... —

продолжал голос.

– Это он! – прошептала на ухо Андреа дама, так энергично выражавшая свое беспокойство. – Это он, он нас спасет.

В этот миг молодой человек, закутанный в просторный меховой плащ, вошел в маленькую прихожую и, не замечая женщин, постучал в дверь и позвал:

- Лоран!
- Брат, – проговорила старшая из женщин, тронув молодого человека за плечо.
- Королева! – воскликнул тот, отступая назад и сдергивая с головы шляпу.
- Тс-с! Добрый вечер, брат.
- Добрый вечер, сударыня, добрый вечер, сестра. Но вы не одна?
- Нет, со мною мадемуазель Андреа де Таверне.
- А, чудесно. Добрый вечер, мадемуазель.
- Добрый вечер, ваше высочество, – приседая, ответила Андреа.
- Вы куда-нибудь выходите, сударыня? – поинтересовался молодой человек.
- Отнюдь.
- Значит, возвращаетесь откуда-то?
- Нам хотелось бы вернуться.
- Но разве вы не позвали Лорана?
- Позвали.
- И что же?
- А позовите сами и увидите.
- Да, да, сударь, попробуйте-ка, позовите его.

Молодой человек, в котором нетрудно было узнать графа д'Артуа²⁸, подошел к двери, постучал и снова крикнул:

- Лоран!
- Снова эти шуточки! – проворчал за дверью швейцарец. – Послушайте, если вы опять станете ко мне приставать, я кликну офицера.
- Это еще что такое? – спросил озадаченный молодой человек, поворачиваясь к королеве.
- Швейцарец, которым заменили Лорана, вот и все.
- Кто же эта сделал?
- Король.
- Король?

²⁸ Артуа, граф д' – Карл Бурбон (1757–1836), младший брат Людовика XVI, будущий Карл X, король Франции в 1824–1830 гг.

- Вот именно! Солдат только что сказал нам об этом.
- И у него есть приказ?
- И вдобавок строжайший.
- Вот черт! Придется сдаваться.
- Что вы имеете в виду?
- Дадим этому бездельнику денег.
- Я уже предлагала. Отказался.
- Предложим тогда нашивки.
- Их я тоже предлагала.
- И?..
- Не хочет ни о чем слышать.
- Стало быть, осталось лишь одно средство.
- Какое?
- Я подниму шум.
- Вы нас скомпрометируете. Умоляю вас, дорогой Карл, не нужно.
- Вы ничем не будете скомпрометированы.
- Да?
- Вы станете в сторонке, я примусь кричать, как глухой, и стучать изо всех сил, мне в конце концов откроют, и вы проскользнете следом за мной.
- Давайте попробуем.
- Молодой принц принялся снова звать Лорана, стучать и, наконец, так загрохотал в дверь эфесом шпаги, что разъяренный швейцарец заорал:
- Ах, вот как? Ладно же, иду звать офицера.
- Да зови, черт бы тебя побрал, негодяй! Я уже четверть часа только этого и добиваюсь.
- Несколько секунд спустя за дверью раздались шаги. Королева и Андреа встали позади графа д'Артуа, готовые проскользнуть вслед за ним в дверь, которая, судя по всему, вот-вот должна была открыться.
- Швейцарец принялся объяснять офицеру причину шума.
- Господин лейтенант, – сказал он, – там дамы и мужчина, который только что обозвал меня негодяем. Они хотят сюда вломиться.
- Что ж удивительного в том, что мы хотим войти, раз живем во дворце?
- Ваше желание, сударь, вероятно, вполне естественно, но только это запрещено, – отозвался офицер.
- Запрещено? Проклятье! Кем же?
- Королем.
- Прошу прощения, но вряд ли король желает, чтобы офицер, служащий в замке, ночевал на улице.
- Сударь, вникать в намерения короля – не мое дело, мое дело – выполнять его приказы, и ничего более.
- Послушайте, лейтенант, приоткройте дверь, чтобы мы могли поговорить как следует.
- Сударь, повторяю: данный мне приказ заключается в том, чтобы держать дверь закрытой. Если вы и вправду офицер, то должны понимать, что такое приказ.
- Лейтенант, с вами говорит полковник.
- Простите, полковник, но приказ весьма категоричен.
- На принцев приказы не распространяются. Послушайте, сударь, я – принц, а принцы не ночуют где попало.
- Принц, я в отчаянии, но у меня приказ короля.
- Король приказал вам прогнать своего брата, словно попрошайку или воришку? Я – граф д'Артуа, сударь. Проклятье! Вы сильно рискуете, заставляя меня мерзнуть под дверьми.

– Монсеньор, – ответил лейтенант, – Бог свидетель, что я готов отдать свою кровь до последней капли за ваше королевское высочество, однако король соизволил лично поручить мне охрану этой двери и велел не открывать ее никому, даже ему самому, после одиннадцати. Поэтому, ваше высочество, я покорнейше прошу меня извинить, но я солдат, и, если бы на вашем месте, за этой дверью, замерзала сама ее величество королева, я ответил бы ей то же, что имел несчастье ответить вам.

Сказав это, офицер почтительно пожелал доброй ночи и неспешно вернулся на свой пост.

Что же касается солдата, то он стоял, вжавшись в дверь, и боялся вздохнуть; сердце его колотилось столь сильно, что граф д'Артуа, прислонившись к двери с другой стороны, мог сосчитать его удары.

– Мы пропали! – сказала королева деверю и взяла его за руку.

Тот не отвечал.

– Там знают, что вы вышли? – наконец спросил он.

– Увы, понятия не имею, – ответила королева.

– Возможно, сестра, король отдал приказ, имея в виду меня. Он знает, что я выхожу по вечерам и порою возвращаюсь поздно. Наверное, графиня д'Артуа что-то проведала и пожаловалась его величеству – отсюда этот достойный тирана приказ.

– Ах, нет, брат мой, нет! Благодарю вас от всего сердца за деликатность, с какою вы стараетесь меня утешить. Полно вам, это все из-за меня, точнее, против меня.

– Но это невозможно, сестра, король с таким почтением...

– А я тем временем стою под дверью, и завтра из-за совершенно невинного дела разразится ужасный скандал. В окружении короля у меня есть враг, я это знаю.

– У вас есть враг в окружении короля, сестрица? Возможно. В таком случае мне пришла в голову одна мысль.

– Мысль? Ну говорите же!

– Мысль, которая заставит вашего врага выглядеть глупее осла, которого тянут за недоуздок.

– О, достаточно, если вы поможете нам выйти из этого нелепого положения, о большем я не прошу.

– Надеюсь, что помогу. Нет, я не глупее, чем он, даже при всей его учености.

– Кто – он?

– Да граф Прованский, черт его побери!

– Ах, так, значит, вы согласны, что он – мой враг?

– А разве он не враг всего, что молодо, всего, что прекрасно, всего, что способно... на то, на что он сам не способен?

– Брат мой, вам известно об этом приказе что-то определенное?

– Возможно. Однако довольно стоять у этой двери, здесь зверски холодно. Пойдемте со мной, милая сестра.

– Куда же?

– А вот увидите: кое-куда, где по крайней мере тепло. Пойдемте, а по дороге я расскажу вам все, что думаю об этой запертой двери. Ах, господин граф Прованский, мой дорогой и недостойный брат! Давайте руку, сестра, возьмите меня за другую, мадемуазель де Таверне. Идемте, нам направо.

– Так вы говорите, что граф Прованский... – сказала королева.

– Ну так вот. Сегодня вечером, после ужина, король прошел в большой кабинет. Днем он много разговаривал с графом Хагой, но вас не видел.

– В два часа я уехала в Париж.

– Я это знаю. Король, позвольте вам заметить, дорогая сестра, думал о вас не больше, чем о Гарун аль Рашиде и его великом визире Джафаре, и беседовал о географии. Я слушал его с известным нетерпением, так как сам хотел уйти. Ах, простите, причины нашего с вами ухода разные, так что зря я...

– Да продолжайте же, продолжайте.

– Теперь нам налево.

– Но куда вы нас ведете?

– Еще шагов двадцать. Осторожнее, здесь сугроб. Ах, мадемуазель де Таверне, если вы не будете держаться за мою руку, то упадете, предупреждаю вас. Вернемся, однако, к королю. Короче, он думал лишь о широтах и долготах, когда его высочество граф Прованский проговорил: «Я хотел бы засвидетельствовать свое почтение королеве».

– Вот как! – воскликнула Мария Антуанетта.

«Королева ужинает у себя», – ответил король. «А я думал, в Париже», – заметил мой брат. «Нет, она у себя», – спокойно подтвердил король. «Я только что оттуда, меня не приняли», – настаивал граф.

– Тут я увидел, что король нахмурился. Услав нас с братом, он явно стал выяснять, где вы. Сами знаете, что порой на него накатывают приступы ревности. Он, видимо, захотел к вам пройти, его не пустили, и он что-то заподозрил.

– Верно, у госпожи де Мизери был приказ никого не пускать.

– Вот-вот, а чтобы окончательно убедиться в вашем отсутствии, король отдал этот строгий приказ, и мы не смогли войти.

– Признайтесь, граф, что это весьма некрасиво.

– Признаю. Но вот мы и пришли.

– Какой дом!

– Он вам не нравится, сестра?

– Я этого не говорю, напротив, он очарователен. Но как же ваши люди?

– А что такое?

– Вдруг меня увидят.

– Сестра, входите, я уверяю, что никто вас не увидит.

– Даже тот, кто откроет дверь? – осведомилась королева.

– Даже он.

– Невероятно.

– Давайте все-таки попробуем, – со смехом ответил граф.

И он поднял руку, чтобы постучать. Королева остановила его.

– Умоляю вас, брат мой, осторожнее!

Принц изящно оперся другой рукой о резную панель на двери.

Дверь отворилась.

Королева не смогла сдержать испуганного движения.

– Входите же, сестра, умоляю вас, – предложил принц. – Вы же видите, тут никого нет.

Королева взглянула на мадемуазель де Таверне с выражением человека, идущего навстречу опасности, затем переступила порог с очаровательной женской ужимкой, как бы говорившей: «Господи, благослови!»

Дверь закрылась за нею без единого звука.

Королева очутилась в оштукатуренной передней с цоколем, облицованным мрамором. Она была невелика, но выполнена в прекрасном вкусе: мозаичный пол с изображениями букетов цветов, на мраморных консолях – японские вазы с множеством столь редких в эту пору года роз, которые осыпали свои благоуханные лепестки.

Приятное тепло и еще более приятный аромат так завладели чувствами дам, что, войдя в переднюю, они почти забыли не только свои страхи, но и колебания.

– Ну и чудно, наконец-то мы обрели пристанище, – заявила королева, – и надо признать, пристанище довольно удобное. Но не стоит ли вам кое-что сделать, брат мой?

– Что именно?

– Удалить отсюда своих слуг.

– Нет ничего проще.

С этими словами принц дернул за сонетку, висевшую в каннелюре одной из колонн, и хотя колокольчик звякнул всего один раз, отзвуки его таинственным образом зазвенели в глубине лестницы.

Женщины испуганно вскрикнули.

– Неужели вы этак удаляете слуг, брат мой? – осведомилась королева. – Мне казалось, что таким манером их зовут.

– Если я дерну за шнурок еще раз, тогда кто-нибудь придет, но когда я звоню только раз, можете быть спокойны, сестра, никто не явится.

Королева рассмеялась.

– О, я смотрю, вы человек предусмотрительный, – проговорила она.

– Однако, сестра, – продолжал принц, – не можете же вы оставаться в передней! Сделайте одолжение, поднимитесь наверх.

– Придется повиноваться, – заметила королева. – Гений этого дома, кажется, не очень злобен.

Дамы поднялись наверх.

Принц шел впереди.

Лестница была устлана обюссонским ковром, который совершенно заглушал их шаги.

Дойдя до второго этажа, принц дернул за другую сонетку, и королева вместе с мадемуазель де Таверне снова вздрогнула от неожиданности.

Их испуг усугубился, когда они увидели, что дверь второго этажа открывается сама.

– Ей-богу, Андреа, я начинаю дрожать, – призналась королева. – А вы?

– Пока ваше величество идет впереди, я доверчиво следую за вами.

– Но ничего особенного не происходит, сестра моя, – успокоил молодой принц. – Перед вами дверь ваших покоев. Взгляните!

И он указал королеве на прелестную комнатку, которую мы не преминем описать.

Маленькая прихожая с паркетом из розового дерева и обитая розовым же деревом, где стояли две этажерки работы Буля, а потолок был расписан Буше, вела в будуар, обтянутый белым кашемиром, усыпанным цветами, вышитыми лучшими вышивальщицами.

Ковры на стенах были расшиты шелком, причем невероятно мелкими стежками, и с поразительным искусством, благодаря чему гобелены того времени можно сравнить с картинами великих художников.

За будуаром находилась голубая спальня. Кружевные занавески, шелковые турецкие штофы, роскошная кровать в полутемном алькове, огонь, пылающий в белом мраморном камине, дюжина ароматических свечей в канделябрах работы Клодиона²⁹, ширма, покрытая лазурным лаком и расписанная золотыми китайскими узорами, – все эти чудеса открылись взорам дам, когда они вступили в изящную комнату.

Нигде не было видно ни души; везде тепло и светло, но каким образом это достигнуто, угадать было невозможно.

Королева, осторожно прошедшая через будуар, замерла на секунду на пороге спальни.

Принц в весьма учтивых выражениях извинился за то, что нужда заставила доверить сестре не достойные ее секреты.

Королева в ответ слегка улыбнулась, выразив тем самым гораздо больше, чем словами.

²⁹ Клодион (Клод Мишель, 1738–1814) – французский скульптор.

– Сестра, – добавил граф д'Артуа, – это мои холостяцкие покои. Здесь бываю только я, и всегда один.

– Почти всегда, – уточнила королева.

– Нет, всегда.

Ну-ну.

– Вдобавок, – продолжал он, – в будуаре, где вы сейчас стоите, есть диван и глубокое кресло, в которых мне не раз приходилось спать не хуже, чем в постели, когда сон смаривал меня после охоты.

– Теперь я понимаю, – заметила королева, – почему порою беспокоится ее высочество графиня д'Артуа.

– Разумеется, но признайте, сестра, что если она беспокоится и сегодня, то совершенно напрасно.

– Сегодня да, но в другие вечера...

– Сестра, кто не прав один раз, не прав всегда.

– Ладно, оставим это, – проговорила королева и уселась в кресло. – Я страшно устала.

А вы, Андреа?

– О, я буквально падаю с ног от усталости, и если ваше величество позволит...

– Вы и впрямь побледнели, мадемуазель, – сказал граф д'Артуа.

– Конечно, моя дорогая, – воскликнула королева, – садитесь, даже прилягте, если хотите. Ведь господин граф предоставляет нам эти покои, не так ли, Карл?

– В полное распоряжение, ваше величество.

– Одну минутку, принц, еще два слова.

– Что такое?

– Если вы уйдете, как мы сможем вас позвать?

– Я вам буду не нужен, сестра. Устраивайтесь и располагайте всем домом.

– Значит, здесь есть и другие комнаты?

– Ну конечно. Во-первых, есть столовая, которую я советую вам посетить.

– Разумеется, с накрытым столом?

– А как же! Мадемуазель де Таверне, которой это очень необходимо, найдет там крепкий бульон, крылышко какой-нибудь домашней птицы и капельку хереса, а для вас, сестра, там есть печеные фрукты, которые вы так любите.

– И без лакеев?

– Не увидите ни единого.

– Посмотрим. А что потом?

– Потом?

– Да, как мы вернемся во дворец?

– Вернуться туда ночью нечего и думать, поскольку таков приказ. Но утром он перестанет действовать: в шесть часов двери откроются. Вы выйдете отсюда без четверти шесть. В шкафах вы найдете накидки любых цветов и фасонов, если захотите изменить свой облик. Вот и входите во дворец, ступайте к себе в спальню, ложитесь, а об остальном не беспокойтесь.

– А вы?

Что я?

– Что вы-то собираетесь делать?

– Уйду из этого дома.

– Как! Выходит, мы вас выгоняем, бедный братец?

Я не должен проводить ночь под одной крышей с вами, сестра.

– Но вам же тоже необходимо пристанище на ночь, а мы его у вас отняли.

– Ничуть! У меня есть еще три таких же.

Королева расхохоталась.

И он смеет говорить, что госпожа графиня зря беспокоится! Смотрите, я ей все расскажу! – шутливо пригрозила она.

– Тогда я все расскажу королю, – в том же тоне парировал принц.

– Он прав: мы попали к нему в зависимость.

– Совершенно верно. Это унижительно, но что же делать?

– Покориться. Стало быть, вы говорите, что для того, чтобы выйти утром незамеченными, нужно...

– Один раз позвонить в звонок – внизу, у колонны.

– В который? В тот, что справа, или в тот, что слева?

– Это неважно.

– И дверь откроется?

– А потом затворится.

– Сама собой?

– Сама собой.

– Благодарю вас. Спокойной ночи, братец.

– Спокойной ночи, сестрица.

Принц поклонился, Андреа затворила за ним дверь, и он исчез.

7. Альков королевы

На следующий день, а вернее, тем же утром, поскольку наша предыдущая глава закончилась около двух часов пополудни, король Людовик XVI в коротком утреннем камзоле фиолетового цвета, без орденов, ненапудренный, короче, едва встав с постели, постучал в прихожую, ведущую в покои королевы.

Служанка приоткрыла дверь и, узнав короля, воскликнула:

– Государь!

– Королеву! – коротко приказал король.

– Ее величество спит, государь.

Король попробовал отодвинуть женщину с дороги, но та не шелохнулась.

– Да посторонитесь вы или нет? – осведомился король. – Вы же видите, что мне надо пройти.

Порою король позволял себе весьма резкие движения, каковые его враги почитали за грубость.

– Королева изволит отдыхать, – робко попыталась возразить служанка.

– Говорю же вам, пропустите меня! – ответил король и, отодвинув женщину, прошел в прихожую.

Дойдя до дверей спальни, король увидел г-жу де Мизери, первую камеристку королевы, читавшую в этот миг часослов.

Завидев короля, дама встала.

– Государь, – тихо и с глубоким реверансом проговорила она, – ее величество еще не вызывала меня.

– Вот как? – насмешливо заметил король.

– Но, государь, сейчас ведь едва половина седьмого, а ее величество никогда раньше семи не звонит.

– А вы уверены, что королева у себя в постели? Вы уверены, что она еще спит?

Я не могу утверждать, что ее величество спит, но что она еще в постели – уверена.

– В самом деле?

– Да, государь.

Сдерживать себя далее король не мог. Он быстро и с шумом подошел к двери, снабженной позолоченной ручкой.

В спальне королевы было темно, как ночью: плотно закрытые ставни, задернутые занавески и шторы создавали в комнате глубокий мрак.

Ночник, горевший на маленьком столике в дальнем углу спальни, оставлял альков в потемках. Громадные занавески из белого шелка с золотыми лилиями свисали складками перед разобранной постелью.

Король быстрым шагом направился к кровати.

– Ах, госпожа де Мизери, – вскричала королева, – вы так шумите, что разбудили меня!

Ошеломленный король остановился.

– Это не госпожа де Мизери, – пробормотал он.

– А, так это вы, государь, – проговорила Мария Антуанетта, приподнимаясь в постели.

– Доброе утро, сударыня, – выдавил король кисло-сладким тоном.

– Каким попутным ветром занесло вас сюда, государь? – осведомилась королева. – Госпожа де Мизери! Госпожа де Мизери! Отворите же наконец окна.

Женщины вошли и по обычаю, заведенному королевой, тотчас же открыли все окна и двери, чтобы впустить свежий воздух, которым Мария Антуанетта любила наслаждаться при пробуждении.

– Сладко же вы спите, сударыня, – сказал король, усаживаясь подле кровати, которую предварительно окинул внимательным взглядом.

– Да, государь, я зачиталась ночью и если бы ваше величество меня не разбудили, то поспала бы еще.

– А почему вчера вечером вы не принимали, сударыня?

– Кого я не приняла? Вашего брата, графа Прованского? – с тем же присутствием духа спросила королева, предварив тем самым подозрения короля.

– Вот именно, моего брата. Он хотел засвидетельствовать вам свое почтение, а вы оставили его за дверьми.

– И что же?

– Но ему же сказали, что вы отсутствуете.

– Ему так сказали? – небрежно переспросила королева. – Госпожа де Мизери! Госпожа де Мизери!

Первая камеристка появилась в дверях, держа в руках золотой поднос с письмами, адресованными королеве.

– Звали, ваше величество? – спросила она.

– Звала. Вы говорили вчера графу Прованскому, что меня нет во дворце?

Чтобы не проходить перед королем, г-жа де Мизери обошла его и протянула поднос с письмами королеве. Пальцем она прижала письмо, почерк на котором королева сразу узнала.

– Отвечайте королю, госпожа де Мизери, – с тою же небрежностью продолжала Мария Антуанетта. – Скажите его величеству, что вы ответили графу Прованскому, когда он пришел сюда, потому что я это позабыла.

– Государь, – проговорила г-жа де Мизери, пока королева распечатывала письмо, – его высочество граф Прованский явился, чтобы засвидетельствовать свое почтение ее величеству, но я ему ответила, что ее величество не принимает.

– По чьему приказу?

– По приказу королевы.

– Вот оно что, – протянул король.

Тем временем королева распечатала письмо и прочла следующие строки:

«Вы вернулись вчера из Парижа и вошли во дворец в восемь вечера. Лоран вас видел».

Затем все с такой же беззаботностью королева распечатала с полдюжины записок, писем и прошений и разбросала их по перине.

– Ну так что же? – подняв голову, спросила она у короля.

– Благодарю вас, сударыня, – ответил тот первой камеристке.

Г-жа де Мизери удалилась.

– Простите, государь, не проясните ли вы для меня один вопрос? – обратилась королева к супругу.

– Какой вопрос, сударыня?

– Свободна ли я принимать или не принимать графа Прованского?

– О, совершенно свободны, сударыня, но...

– Но его остроумие меня утомляет, что ж поделать? К тому же он меня не любит, впрочем, я плачу ему той же монетой. Я ожидала его неприятного визита и легла в восемь часов, чтобы иметь возможность его не принять. Что вы имеете против этого, государь?

– Ничего, ничего.

– Можно подумать, что вы меня в чем-то подозреваете.

– Но...

– Что – но?

– Но мне казалось, что вы вчера были в Париже.

– В котором часу?

- Когда вы сделали вид, что легли спать.
- Разумеется, я была в Париже. Но разве оттуда нельзя вернуться?
- Можно, можно. Все зависит оттого, в котором часу.
- Ах, так вы хотите знать точное время моего возвращения из Парижа?
- Вот-вот.
- Нет ничего проще, государь.
- И королева позвала:
- Госпожа де Мизери!
- Камеристка снова появилась в спальне.
- Скажите, госпожа де Мизери: в котором часу я вернулась вчера из Парижа? – спросила королева.
- Примерно в восемь, ваше величество.
- Я так не думаю, – возразил король. – Вы, должно быть, ошиблись, госпожа де Мизери, пойдите проверьте.
- Камеристка, прямая и бесстрастная, повернулась к двери.
- Госпожа Дюваль! – позвала она.
- Да, сударыня? – послышался голос.
- В котором часу ее величество вернулась вчера вечером из Парижа?
- Было около восьми, – ответила вторая камеристка.
- Вы, наверное, ошиблись, госпожа Дюваль, – сказала г-жа де Мизери.
- Г-жа Дюваль выглянула из окна прихожей и крикнула.
- Лоран!
- Кто такой этот Лоран? – любопытствовал король.
- Привратник, стоявший у двери, через которую вернулась вчера ее величество.
- Лоран, – продолжала г-жа Дюваль, – в котором часу вернулась вчера ее величество?
- Примерно в восемь, – ответил привратник с террасы.
- Король опустил голову.
- Людовику XVI было стыдно, но он всеми силами пытался не показать вида.
- Однако королева, вместо того чтобы праздновать одержанную победу, лишь холодно осведомилась:
- Что вы хотели бы узнать еще, государь?
- О нет, ничего! – воскликнул король, сжимая руки супруги.
- Однако...
- Извините меня, сударыня, я не знаю, что это взбрело мне в голову. Вы видите мою радость? Она так же велика, как и мое раскаяние. Вы ведь на меня больше не сердитесь, правда? Ну, перестаньте же дуться! Я в отчаянии, слово дворянина!
- Королева выдернула свою руку из ладоней короля.
- Что вы делаете, сударыня? – удивился Людовик.
- Государь, – отчеканила Мария Антуанетта, – королева Франции не лжет!
- И что же? – спросил озадаченный король.
- Я должна вам сказать, что не вернулась вчера в восемь вечера.
- Изумленный король отпрянул.
- Я хочу вам сообщить, – столь же хладнокровно продолжала королева, – что вернулась только в шесть утра.
- Сударыня!..
- И что если бы не господин граф д'Артуа, который предложил мне приют и из жалости поместил у себя в доме, я осталась бы у двери, словно какая-нибудь нищенка.
- Ах, так, значит, вы не вернулись? – мрачно проговорил король. – Выходит, я был прав?

– Государь, прошу извинить, но из сказанного мною вы делаете вывод, как математик, а не как учтивый кавалер.

– В чем же это выражается, сударыня?

– А вот в чем. Чтобы проверить, когда я вернулась, вам нужно было не запирасть двери и отдавать приказ никого не пускать, а просто прийти ко мне и спросить: «В котором часу вы вернулись, сударыня?»

Король неопределенно хмыкнул.

– Сомневаться долее вам уже непозволительно, сударь: ваши лазутчики обмануты или подкуплены, ваши двери взломаны или открыты, ваши сомнения побеждены, ваши подозрения рассеяны. Я видела, как вам было стыдно за то, что вы употребили насилие по отношению к безвинной женщине. Я могла бы торжествовать и далее. Но я нахожу, что ваши действия для короля постыдны, а для дворянина – непристойны, и не могу отказать себе в удовольствии заявить вам об этом.

Король щелчками сбивал пылинки со своего жабо, словно человек, обдумывающий, как ему лучше ответить.

– Что бы вы ни ответили, сударь, – покачив головой, проговорила королева, – вам не удастся оправдать свое поведение по отношению ко мне.

– Напротив, сударыня, мне это сделать нетрудно, – ответил король. – Скажите, разве хоть одна живая душа во дворце знала, что вы не вернулись? Так вот, если б каждый знал, что вы дома, то я не распространил бы на вас мой приказ никого не впускать во дворец. Что же касается распутства господина графа д'Артуа и прочих, то вы же понимаете, что это меня не волнует.

– И что же дальше, государь?

– Ладно, я буду краток. Желая соблюсти приличия по отношению к вам, я был прав, а вы – не правы, поскольку не делаете этого по отношению ко мне. С другой стороны, в своем желании преподать вам тайный урок, который, я уверен, послужит вам на пользу, когда ваше раздражение уляжется, – так вот, в этом желании я тоже прав и не отрекаюсь ни от чего, сделанного мной.

Королева слушала ответ своего августейшего супруга и понемногу успокаивалась. Нет, ее раздражение вовсе не улеглось, однако она желала сохранить силы для борьбы, которая, по ее мнению, не закончилась, а только начиналась.

– Прекрасно! – ответила она. – Значит, вы не считаете нужным извиниться за то, что заставили, словно первую попавшуюся попрошайку, томиться под дверьми собственного дома дочь Марии Терезии³⁰, вашу жену, мать ваших детей? Какое там! По вашему мнению, это – поистине королевская шутка, полная аттической соли, нравоучительный смысл которой лишь увеличивает ее ценность. Значит, вы считаете вполне естественным вынудить королеву Франции провести ночь в доме, где граф д'Артуа принимает девиц из Оперы и легкомысленных придворных дам? Да нет, это все пустяки, король выше подобных безделиц, тем более – король-философ. А вы ведь философ, государь, еще бы! Заметьте, кстати, какую положительную роль сыграл во всем этом граф д'Артуа. Заметьте, что он сослужил мне хорошую службу. Заметьте, что на этот раз я должна возблагодарить небо за то, что мой деверь – человек распутный, потому что его распутство скрыло мой позор, потому что его пороки спасли мою честь.

Король покраснел и заскрипел креслом.

– О, – с горьким смехом продолжала королева, – я знаю, что вы – высоконравственный король! Но подумали ли вы, куда ведет эта ваша нравственность? Вы утверждаете, будто никто не знал, что я не вернулась, верно? И вы сами считали, что я здесь? Скажите, его

³⁰ Мария Терезия (1717–1780) – императрица римско-германская в 1740–1780 гг.

высочество граф Прованский, ваш подстрекатель, он что – тоже так считал? И граф д'Артуа? И мои камеристки, которые сегодня утром по моему приказу солгали вам, тоже так считали? И вместе с ними Лоран, подкупленный графом д'Артуа и мною? Конечно, король всегда прав, но порою может быть права и королева. Хотите, государь, заведем такой обычай: вы будете натравливать на меня шпионов и привратников, а я стану их подкупать? Воля ваша, но не пройдет и месяца – а вы, государь, меня знаете и должны понимать, что я не успокоюсь, – так вот, не пройдет и месяца, как однажды утром мы с вами, как, например, сегодня, соберемся и подведем итог: чем это все обернется для величия трона и уважения к нашему браку.

Слова эти явно произвели сильное действие на того, кому предназначались.

– Вы знаете, – изменившимся голосом проговорил король, – что я всегда искренен и всегда признаю свои заблуждения. Поэтому извольте доказать, сударыня, что вы были правы, когда уехали из Версаля на санях с кем-то из своих приближенных. Эта шальная толпа только компрометирует вас в трудных обстоятельствах, в которых нам приходится жить. Извольте доказать, что вы были правы, исчезнув вместе с ними в Париже, словно маски на балу, и появившись лишь ночью, постыдно поздно, когда даже моя лампа уже погасла и все вокруг спали. Вы упомянули тут об уважении к браку, о величии трона и о своем материнстве. Но разве супруга, королева и мать так поступает?

– Я отвечу вам в нескольких словах, государь, но предупреждаю, что сделаю это с еще большим презрением, нежели прежде, поскольку некоторые пункты вашего обвинения ничего, кроме презрения, не достойны. Я уехала из Версаля на санях, чтобы как можно скорее добраться до Парижа; вместе с мадемуазель де Таверне; репутация у которой при дворе, слава Богу, самая незапятнанная. Я отправилась в Париж, чтобы самой убедиться, что король Франции, отец многочисленного семейства, король-философ, моральный оплот всех людей с чистой совестью, дававший пропитание бедным иностранцам, обогревавший нищих и снискавший любовь народа своей благотворительностью, позволяет умирать с голоду, пребывать в забвении и подвергаться угрозам нищеты и порока человеку его рода, монаршего рода, потомку одного из королей, правивших Францией.

– Я? – в изумлении воскликнул король.

– Я поднялась на какой-то чердак и увидела там правнучку великого государя, сидящую без огня, света и денег. Я дала сто луидоров этой жертве забвения, жертве королевского небрежения. Атак как я задержалась, размышляя о ничтожестве нашего величия – я ведь тоже иногда философствую, – и так как сильно подмораживало, а в подобный мороз лошади идут скверно, особенно лошади наемного экипажа...

– Наемного экипажа? – вскричал король. – Как! Вы возвратились в наемном экипаже?

– Да, государь, на извозчике номер сто семь.

– Ну и ну, – пробормотал король, положив правую ногу на левую и покачивая ею, что было у него признаком крайнего раздражения. – В наемном экипаже!

– Вот именно. Мне повезло, что хоть его-то удалось найти, – ответила королева.

– Сударыня, – перебил король, – вы поступили правильно, вы всегда полны добрых намерений, которые возникают у вас, быть может, слишком легко, однако очень уж вы пылки в своем благородстве.

– Благодарю вас, государь, – с насмешкой в голосе ответила королева.

– Вы же понимаете, – продолжал король, – я не подозреваю вас ни в чем скверном или постыдном, мне лишь не понравился ваш поступок, слишком рискованный для королевы. Вы, как обычно, сделали добро, но, делая добро другим, навредили себе. Вот в чем я вас упрекаю. Теперь я хочу извлечь из забвения потомка королей, хочу озаботиться его судьбой. Я готов; назовите мне имя этого несчастного, и мои благодеяния не заставят себя ждать.

– Я думаю, имя Валуа, государь, достаточно прославлено, чтобы вы смогли его вспомнить.

– Вот оно что! – расхохотался Людовик XVI. – Теперь я знаю, кем вы так озабочены. Речь идет о крошке Валуа, не так ли? О графине... Погодите-ка...

– О графине де Ламотт.

– Правильно, де Ламотт. У нее муж в тяжелой кавалерии, не так ли?

– Да, государь.

– А жена у него – интриганка. О, не сердитесь, ведь она готова перевернуть все вверх дном: донимает министров, изводит моих тетушек, засыпает меня самого прошениями, просьбами, генеалогическими доказательствами.

– Но это лишь говорит о том, государь, что до сих пор все ее обращения оставались втуне.

– Этого я не отрицаю.

– А как на самом деле: она Валуа или нет?

– Думаю, что да.

– Тогда ей нужно дать пенсию. Приличную пенсию для нее, полк для ее мужа, какое-то положение – они в конце концов отпрыски королевского рода.

– Полегче, сударыня, полегче. Какая же вы, право слово, быстрая! Крошка Валуа поведергает у меня достаточно перьев и без вашей помощи, ей палец в рот не клади!

– О, за вас, государь, я не боюсь: перья у вас держатся крепко.

– Приличная пенсия, Господи помилуй! Как это у вас все скоро, сударыня! А вам известно, как сильно нынешняя зима опустошила мою казну? Полк для этого офицеришки, который, не будь дурак, женился на Валуа! А у меня, сударыня, не осталось больше полков даже для тех, кто готов заплатить или заслужил. Положение, достойное королей, их предков, для этих попрошаек? Полноте! Да у нас самих положение хуже, чем у каких-нибудь незнатных богачей. Герцог Орлеанский отправил своих лошадей и мулов в Англию, на продажу, и заколотил две трети своего дома. Я сам отменил свою охоту на волков. Господин де Сен-Жермен заставил меня урезать королевскую гвардию. Мы все, от мала до велика, терпим лишения, дорогая моя.

– Но, государь, не могут же Валуа умирать с голоду!

– Но разве вы не сказали мне сами, что дали ей сто луидоров?

– Это же просто милостыня!

– Зато королевская.

– Тогда дайте и вы ей столько же.

– Воздержусь. Того, что вы дали, хватит для нас двоих.

– Ну, тогда хотя бы небольшую пенсию.

– Никаких пенсий, ничего постоянного. Эти люди и так выклянчат у вас предостаточно, они из породы грызунов. Если у меня возникнет желание дать им что-нибудь, я дам просто так, безо всяких обязательств на будущее. Словом, я дам им, когда у меня появятся лишние деньги. Эта крошка Валуа... Ей-богу, я могу вам порассказать о ней такого... Ваше доброе сердечко попало в западню, моя милая Антуанетта. Я прошу за это у него прощения.

С этими словами Людовик протянул руку королеве, которая, повинувшись первому побуждению, поднесла ее к губам.

Однако она тут же ее оттолкнула и сказала:

– Вы ко мне недостаточно добры. Я на вас сердита.

– Вы на меня сердиты? Но ведь я... я...

– Вот-вот, еще скажите, что вы на меня не сердитесь – вы, заперший передо мною двери Версаля, вы, явившийся ко мне в прихожую в половине седьмого утра, вы, который вломился сюда, яростно вращая глазами!

Король засмеялся.

– Нет, я на вас не сержусь.

– Не сердитесь – и ладно.

– А что вы мне дадите, если я докажу вам, что, даже входя сюда, я уже не сердился?

– Посмотрим сначала на ваши доказательства.

– О, это нетрудно, – отозвался король, – доказательство у меня в кармане.

– Вот как? – с любопытством воскликнула королева, садясь в постели. – Вы хотите что-нибудь мне подарить? О, вы в самом деле весьма любезны, но зарубите себе на носу: я не поверю вам, если вы не представите свое доказательство сейчас же. И никаких уверток! Держу пари, что вы лишь пообещаете что-нибудь!

Услышав такое, король, с доброй улыбкой на устах, принялся шарить по карманам с неторопливостью, которая лишь разжигает вожделение, заставляя ребенка нетерпеливо переступать ногами в ожидании игрушки, зверя – лакомства, а женщину – подарка. Наконец он извлек из кармана красный сафьяновый футляр с выдавленным на крышке великолепным золотым узором.

– Драгоценности? – воскликнула королева. – Ну-ка, посмотрим.

Король положил футляр на постель. Королева поспешно схватила его.

Едва открыв футляр, она вскричала в восторге и восхищении:

– О Боже, как это прекрасно! Как прекрасно!

Король почувствовал, как по его сердцу пробежала радостная дрожь.

– Вы находите? – спросил он.

Ответить королева была не в силах, она задышалась.

Дрожащей рукой она достала из футляра ожерелье из бриллиантов – таких крупных, чистых, искрящихся и так умело подобранных, что ей показалось, будто меж пальцев у нее струится огненный поток.

Ожерелье извивалось, словно змея, вместо чешуек у которой были молнии.

– Великолепно! – обретя наконец дар речи, пролепетала королева. – Великолепно! – повторила она, и глаза ее заблестели: то ли от близости столь чудных бриллиантов, то ли от сознания, что ни у одной в мире женщины нет такого ожерелья.

– Стало быть, вы довольны? – осведомился король.

Я в восторге, государь. Вы меня осчастливили.

– Да полно вам.

– Вы только взгляните на первый ряд: бриллианты в нем с орех.

– В самом деле.

– А как подобраны: один от другого не отличишь! А как умело расположены по величине! В какой удачной пропорции второй отличается размером от первого, третий от второго! Ювелир, выбравший эти бриллианты и сделавший ожерелье, – настоящий художник.

– Их двое.

– Тогда, держу пари, это Бемер и Босанж?

– Угадали.

– Да и то сказать, сделать такое ожерелье могут только они. Как оно прекрасно, государь, как прекрасно!

– Сударыня, – заметил король, – вам придется заплатить за него очень дорого, берегитесь.

– Ах, государь, – прошептала королева.

Лицо ее внезапно помрачнело, голова склонилась на грудь.

Однако это новое выражение появилось у нее на лице столь неожиданно и исчезло столь быстро, что король не успел ничего заметить.

– Доставьте мне удовольствие, – попросил он.

– Какое?

– Позвольте надеть ожерелье вам на шею.

Но королева остановила его.

– Это очень дорого, не так ли? – печально спросила она.

– Еще бы! – с улыбкой ответил король. – Но я же сказал, что вам придется заплатить за него еще дороже, и оно приобретет свою истинную цену только на месте – то есть у вас на шее.

С этими словами король приблизился к королеве, держа ожерелье за концы и собираясь застегнуть его на аграф, тоже сделанный из бриллианта.

– Нет, нет, – возразила королева, – никаких ребячеств. Положите ожерелье обратно в футляр, государь.

И она покачала головой.

– Вы отказываете мне в удовольствии первым увидеть его на вас?

– Господь не простит мне, если я лишу вас этой радости, коль скоро возьму ожерелье, но...

– Но?.. – удивленно переспросил король.

– Но ни вы, ни кто-либо другой, государь, не увидит у меня на шее столь дорогое ожерелье.

– Вы не станете его носить, сударыня?

– Никогда!

– Значит, вы отказываетесь?

– Я отказываюсь повесить себе на шею миллион или даже полтора – ведь, насколько я понимаю, ожерелье стоит миллиона полтора ливров?

– Не отрицаю, – ответил король.

– Я отказываюсь повесить себе на шею полтора миллиона, когда королевская казна пуста, когда король вынужден ограничивать пособия для бедных и говорить им: «Больше денег у меня нет, и да поможет вам Бог!»

– Как! Неужели вы говорите это серьезно?

– Послушайте, государь, господин де Сартин сказал мне как-то, что на полтора миллиона ливров можно построить линейный корабль, а королю Франции линейный корабль гораздо нужнее, чем королеве Франции – ожерелье.

– О! – вне себя от радости воскликнул король, и на глазах у него навернулись слезы. – То, что вы сделали, – возвышенно. Благодарю, благодарю вас!.. Как вы добры, Антуанетта!

И, чтобы достойно завершить свой сердечный и вместе с тем хозяйский порыв, король обнял Марию Антуанетту и крепко поцеловал.

– Как вас будут благословлять во Франции, – воскликнул он, – когда узнают эти ваши слова!

Королева вздохнула.

– Но у вас еще есть время передумать, – живо заметил король. – Вы так горестно вздохнули...

– Нет, государь, это вздох облегчения. Закройте футляр и верните его ювелирам.

– Но я уже договорился об оплате, деньги готовы, что мне теперь с ними делать? Не будьте столь бескорыстной, сударыня.

– Нет, я все хорошо обдумала, государь, мне этого ожерелья решительно не нужно, но мне нужно другое.

– Проклятье! Плакали мои миллион шестьсот тысяч!

– Миллион шестьсот тысяч? Вот оно как! Неужто так дорого?

– Слово вырвалось, сударыня, и я от него не отрекаюсь.

– Успокойтесь: то, о чем я вас прошу, будет стоить гораздо дешевле.

– О чем же вы просите?

– Позвольте мне еще раз съездить в Париж.

– Но это же просто и вовсе не дорого.

– Минутку, минутку.

– Вот черт!

– В Париж, на Вандомскую площадь.

– Проклятье!

– К господину Месмеру.

Король принялся чесать в ухе.

– В конце концов, – проговорил он, – вы отказались от прихоти стоимостью в миллион шестьсот тысяч ливров, поэтому другую прихоть, о которой вы просите, я могу вам позволить. Отправляйтесь к господину Месмеру, но только при одном условии.

– Каком же?

– С вами поедет принцесса крови.

Королева на секунду задумалась.

– Госпожа де Ламбаль вас устроит? – спросила она.

– Пусть будет госпожа де Ламбаль.

– Договорились.

По рукам.

– Благодарю вас.

– А я, – добавил король, – закажу линейный корабль и нареку его «Ожерелье королевы».

Вы будете его крестной, сударыня, а потом я пошлю его Лаперузу.

Король поцеловал жене руку и весело вышел из ее покоев.

8. Утренний выход королевы

Едва король ушел, как королева встала и подошла к окну вдохнуть бодрящего и студеного утреннего воздуха.

День обещал быть ясным и полным той прелести, какую придает порой апрельским дням приближение весны: за ночными заморозками последовало нежное, но вполне ощутимое солнечное тепло, за ночь ветер переменял направление с северного на западное.

Если бы так пошло и дальше, страшная зима 1784 года была бы, можно считать, позади.

И действительно, на розовом горизонте уже вставал сероватый туман. Это под действием солнечных лучей земля испаряла влагу.

В садах деревья мало-помалу освобождались от инея; птички уже садились на ветви, усыпанные нежными набухающими почками.

Апрельские цветы – желтые левкой, склонившиеся было под напором стужи, подобно тем бедным цветам, о которых говорит Данте, начали поднимать свои темные головки с подтаявшего снега, а меж листьями фиалки – толстыми, сильными и крупными – из продолговатого бутона этого таинственного цветка уже показались два овальных лепестка, предвестники цветения и аромата.

Со статуй в аллеях, с прутьев решеток кусочки льда соскальзывали юркими алмазами: это была еще не вода, но уже и не лед.

Все говорило о незримой борьбе весны с холодами и предвещало скорое поражение зимы.

– Если мы хотим воспользоваться льдом, – воскликнула королева, увидев, какая стоит погода, – нам следует поспешить. Не правда ли, госпожа де Мизери? – добавила она, отворачиваясь от окна. – Весна близится.

– Ваше величество, вы уже давно собираетесь покататься по Швейцарскому пруду, – ответила первая камеристка.

– Ну так сегодня же и покатаемся, потому что завтра уже может быть поздно, – решила королева.

– К которому часу прикажете готовить туалет для вашего величества?

– Прямо сейчас. Я съем легкий завтрак и выйду.

– Больше приказов не будет, ваше величество?

– Узнайте, встала ли мадемуазель де Таверне, и скажите ей, что я хочу ее видеть.

– Мадемуазель де Таверне уже в будуаре вашего величества, – доложила камеристка.

– Уже? – удивилась королева, зная лучше, чем кто бы то ни было, когда легла Андреа.

– Она дожидается уже более двадцати минут, государыня.

– Пусть войдет.

Башенные часы в Мраморном дворе начали бить девять, и с первым их ударом Андреа вошла к королеве.

Тщательно одетая – придворные дамы не имели права появляться перед государыней в neglige, – мадемуазель де Таверне, хоть и улыбалась, но выглядела несколько озабоченной.

Королева улыбнулась ей в ответ, и Андреа успокоилась.

– Ступайте, милая Мизери, – проговорила королева, – и пришлите ко мне Леонара и моего портного.

Затем, проследив глазами за г-жой де Мизери и убедившись, что дверь за нею закрылась, королева обратилась к Андреа:

– Все в порядке. Король был очарователен, он смеялся, он был обезоружен.

– Но он знает? – спросила Андреа.

– Вы же знаете, Андреа, что женщина не лжет, если ей не в чем себя упрекнуть и тем более если она – королева Франции.

– Это верно, ваше величество, – зардевшись, ответила Андреа.

– И к тому же, милая Андреа, похоже, мы с вами были не правы.

– Не правы, сударыня? – повторила Андреа. – И, быть может, даже во многом?

– Возможно, но вот первое, в чем мы были не правы: мы выслушали жалобы госпожи де Ламотт, а король ее не любит. А мне, признаться, она понравилась.

– Ваше величество слишком хорошо разбирается в людях, чтобы я смела оспаривать ваши суждения.

– Леонар, – объявила появившаяся в дверях г-жа де Мизери.

Королева устроилась перед туалетом из позолоченного серебра, и прославленный парикмахер приступил к своим обязанностям.

У королевы были роскошные волосы, и она любила, чтобы ими восхищались.

Леонар знал это, и вместо того, чтобы тут же приступить к делу, как поступил бы с любой другой женщиной, он дал королеве время самой полюбоваться ими.

В этот день Мария Антуанетта казалась довольной, даже радостной: она была красива. Оторвавшись от зеркала, она ласково взглянула на Андреа.

– Вообще-то вас следовало бы выбрать, – проговорила королева, – вы так независимы, горды и мудры, что внушаете всем вокруг опасения, словно Минерва.

– Я, государыня? – пролепетала Андреа.

– Да, вы, которая наводит уныние на всех придворных вертопрахов. Ах, Господи, какое счастье для вас, что вы девушка и, главное, что можете находить в этом счастье.

Андреа залилась краской и печально улыбнулась.

– Но я ведь дала обет, – пробормотала она.

– И не отступитесь от него, моя милая весталка? – спросила королева.

– Надеюсь.

– Да, кстати, – воскликнула королева, – я кое о чем вспомнила.

– О чем же, ваше величество?

– О том, что, хоть вы и не замужем, но со вчерашнего дня у вас появился повелитель.

– Повелитель, сударыня?

– Нуда, ваш дорогой братец. Как бишь его, Филипп, кажется?

– Да, государыня, Филипп.

– Он приехал?

– Еще вчера, как ваше величество изволили заметить.

– И вы еще с ним не виделись? Ну и эгоистка же я: потащила вас вчера с собою в Париж. Нет, это непростительно.

– О государыня, – улыбнулась Андреа, – я прощаю вам от всего сердца, и Филипп тоже.

– Это точно?

– Ну, разумеется.

– Вы говорите за себя?

– За себя и за него.

– Как он поживает?

– Все такой же красивый и добрый, государыня.

– Сколько ему теперь лет?

– Тридцать два.

– Бедный Филипп! Вам известно, что я знакома с ним уже четырнадцать лет и из них десять мы не виделись?

– Когда ваше величество изволит его принять, он будет счастлив уверить вас, что разлука никоим образом не ослабила чувства почтения и преданности, которые он питает к королеве.

– А могу я увидеть его сейчас?

– Если ваше величество позволит, он через четверть часа будет у ваших ног.

– Конечно, позволяю и даже хочу этого.

Едва королева произнесла последнее слово, как кто-то быстро и с шумом вошел, вернее, ворвался в туалетную и, встав на ковер, принялся разглядывать свое лукавое, смеющееся лицо в том же зеркале, в которое с улыбкой смотрелась Мария Антуанетта.

– Братец д'Артуа, – проговорила королева, – как вы меня напугали!

– Добрый день, ваше величество, – поздоровался молодой принц. – Как ваше величество изволили провести ночь?

– Благодарю, братец, скверно.

– А утро?

Прекрасно.

– Это самое главное. Я только что сомневался, что все прошло успешно, поскольку встретил короля, который подарил меня восхитительной улыбкой. Вот что значит доверие!

Королева расхохоталась. Граф д'Артуа, не знавший, в чем дело, тоже рассмеялся, но по другой причине.

– Думаю, что я все же очень легкомыслен, – заявил он, – так как не расспросил мадемуазель де Таверне о том, что она намерена сегодня делать.

Королева перевела взгляд на зеркало, благодаря которому могла видеть все, что происходит в комнате.

Леонар как раз закончил работу, и она, скинув пеньюар из индийского муслина, облачилась в утреннее платье. Дверь отворилась.

– Погодите-ка, – обратилась она к графу д'Артуа, – вы хотели справиться насчет Андреа? Пожалуйста.

В будуар вошла Андреа, держа за руку смуглого мужчину с печатью благородства и печали в черных глазах: у него была суровая наружность солдата и умное лицо, напоминающее чем-то портреты кисти Куапеля³¹ или Гейнсборо³².

Филипп де Таверне был одет в темно-серый камзол с серебряной вышивкой, однако серый цвет казался черным, а серебро – сталью: белый галстук и светлое жабо, резко выделяющиеся на темном фоне одежды, а также пудра на волосах подчеркивали мужественные черты Филиппа и его смуглоту.

Он приблизился, не выпуская из одной руки руку сестры, в другой изящно держа шляпу.

– Ваше величество, – сказала Андреа, присев в почтительном реверансе, – вот мой брат. Филипп отвесил серьезный неторопливый поклон.

Когда он поднял голову, королева все еще гляделась в зеркало. Правда, она видела при этом происходящее не хуже, чем если бы смотрела прямо в лицо Филиппу.

– Добрый день, господин де Таверне, – проговорила королева.

С этими словами она повернулась.

Она сияла тою королевской красотой, которая приводила в смущение друзей монаршей власти и обожателей женщин, толпившихся вокруг ее трона, она была величественно прекрасна и – да простит нам читатель подобную инверсию! – прекрасно величественна.

³¹ Куапель, Антуан (1661–1722) – французский художник, главный живописец Людовика XV.

³² Гейнсборо, Томас (1727–1788) – английский портретист и пейзажист.

Увидев, что она улыбается, ощутив на себе ясный взгляд ее гордых и вместе с тем мягких глаз, Филипп побледнел; по всему его облику было видно, что он очень взволнован.

– Кажется, господин де Таверне, – продолжала королева, – вы впервые наносите нам визит. Благодарю.

– Ваше величество изволили забыть, что это я должен благодарить, – ответил Филипп.

– Сколько лет, – сказала королева, – сколько времени прошло с тех пор, как мы с вами виделись в последний раз, – лучшего времени жизни, увы!

– Для меня – да, сударыня, но не для вашего величества: для вас все дни прекрасны.

– Значит, вам так понравилась Америка, господин де Таверне, что вы предпочли остаться там, когда все вернулись?

– Сударыня, – ответил Филипп, – господину де Лафайету, когда он покидал Новый Свет, понадобился надежный офицер, на которого он мог бы возложить командование вспомогательными войсками. Господин де Лафайет предложил мою кандидатуру генералу Вашингтону, и тот изволил назначить меня на эту должность.

– Кажется, – продолжала королева, – из Нового Света, о котором вы говорите, мы вернулись героями?

– Ваше величество, разумеется, имели в виду не меня, – улыбнувшись, ответил Филипп.

– А почему бы и нет? – осведомилась королева и, повернувшись к графу д'Артуа, заметила: – Взгляните-ка, братец, какой бравый и воинственный вид у господина де Таверне.

Филипп, увидев, что ему дают случай представиться графу д'Артуа, с которым он не был знаком, шагнул вперед, испрашивая тем самым у принца позволения поздороваться с ним.

Граф сделал знак рукой, и Филипп поклонился.

– Какой прекрасный офицер и благородный дворянин! – воскликнул молодой принц. – Счастлив с вами познакомиться. Что вы намереваетесь делать во Франции?

Филипп взглянул на сестру и проговорил:

– Ваше высочество, интересы моей сестры для меня выше моих собственных: что она захочет, то я и стану делать.

– Но есть ведь еще, если не ошибаюсь, и господин де Таверне-отец? – спросил принц.

– Да, ваше высочество, наш отец, к счастью, еще жив, – ответил Филипп.

– Но это неважно, – с живостью вмешалась королева. – Предпочитаю, чтобы Андреа была под покровительством брата, а он – под вашим, граф. Вы ведь возьмете господина де Таверне под свое крыло, не так ли?

Граф д'Артуа в знак согласия кивнул.

– Знаете, граф, – продолжала королева, – нас с ним связывают весьма тесные узы.

– Весьма тесные узы, сестрица? О, расскажите, прошу вас.

– Господин де Таверне был первым французом, которого я увидела по прибытии во Францию, а я искренне обещала себе сделать счастливым первого француза, которого встречу.

Филипп почувствовал, как лицо его заливается краской. Он кусал губы, чтобы остаться невозмутимым.

Андреа взглянула на него и опустила голову.

Марию Антуанетту удивил взгляд, которым обменялись брат с сестрою, но откуда ей было догадаться, сколько скрытого горя таилось в этом взгляде!

Мария Антуанетта ничего не знала о событиях, которые были предметом первой части этой истории.

Явную печаль, которую королева заметила во взгляде Филиппа, она приписала иной причине. В 1774 году в дофину влюбилось столько людей, что почему бы и г-ну де Таверне

было не подвергнуться этому охватившему французов поветрию страсти к дочери Марии Терезии?

Никаких причин считать подобное предположение невероятным не было, это подтверждало и зеркало, отразившее прекрасную королеву и супругу, бывшую когда-то очаровательной девушкой.

Поэтому Мария Антуанетта и отнесла вздох Филиппа на счет какого-нибудь признания в этом роде, сделанного братом сестре. Королева улыбнулась брату и обласкала сестру самым любезным взглядом: она не вполне догадалась обо всем, но и не совсем ошиблась, а в подобном невинном кокетстве нет вреда. Королева всегда оставалась женщиной и гордилась тем, что вызывала любовь. Некоторые люди всегда стремятся завоевать симпатии окружающих, причем это не самые лишенные благородства люди на свете.

Но увы! Придет миг, бедная королева, когда эту улыбку, за которую тебя упрекают те, кто любит, ты будешь вотще слать тем, кто тебя разлюбит.

Пока королева советовалась с Андреа относительно отделки охотничьего наряда, граф д'Артуа подошел к Филиппу.

– А что, – полюбопытствовал он, – господин Вашингтон и вправду дельный генерал?

– Это великий человек, ваше высочество.

– А как там показали себя французы?

– Так, что англичанам пришлось несладко.

– Ну, ладно. Вы поборник новых идей, мой дорогой господин Филипп де Таверне, но скажите, приходилось ли вам задумываться над одной вещью?

– Какой, ваше высочество? Должен признаться, что там, на траве военных лагерей, среди саванн и на берегах Великих озер, у меня было время поразмыслить много над чем.

– Задумывались ли вы над тем, что, ведя в Америке войну, вы вели ее не против индейцев или англичан?

– Тогда против кого же, ваше высочество?

– Против самих себя.

– Да, ваше высочество, не стану лгать, это вполне вероятно.

– Так вы признаете?..

– Я признаю, что у события, благодаря которому была спасена монархия, могут быть скверные последствия.

– Да, и притом смертельные для тех, кто по счастливой случайности уцелел.

– Совершенно верно, ваше высочество.

– Потому-то я, не в пример прочим, полагаю, что победы господина Вашингтона и маркиза де Лафайета не такая уж удача. Я утверждаю это из эгоизма, но – уж поверьте! – не только из собственного эгоизма.

– Понимаю, ваше высочество.

– А знаете, почему я стану поддерживать вас изо всех сил?

– Какова бы ни была причина этого, я чрезвычайно признателен вашему королевскому высочеству.

– А потому, дорогой мой господин де Таверне, что вы не из тех, кому трубят славу на каждом перекрестке, вы честно несли свою службу, но фанфары вас не привлекают. В Париже вас не знают, поэтому я вас и люблю, но только... ах, господин де Таверне, но только я эгоист, понимаете ли.

Принц с улыбкой поцеловал королеву руку, поклонился Андреа приветливо и с большим почтением, нежели обычно кланялся дамам, отворил дверь и исчез.

Королева, резко прервав разговор, который вела с Андреа, повернулась к Филиппу и спросила:

– Вы уже виделись с отцом, сударь?

– Идя сюда, я встретился с ним у вас в прихожей – сестра предупредила его.

– Но почему же вы не повидались с ним раньше?

– Я послал к нему своего слугу, сударыня, с моими скудными пожитками, но господин де Таверне отправил мальчишку назад и передал через него, чтобы я сначала явился к королю или к вашему величеству.

– И вы послушались?

– С радостью, государыня: таким образом я смог обнять сестру.

– Какая чудная погода! – вдруг радостно вскричала королева. – Госпожа де Мизери, завтра лед растает, велите сейчас же закладывать сани.

Первая камеристка вышла, чтобы сделать необходимые распоряжения.

– И мой шоколад сюда! – крикнула ей вдогонку королева.

– Ваше величество не будут завтракать? – спросила г-жа де Мизери. – Ох, а вчера ваше величество не поужинали.

– Вот тут вы ошибаетесь, моя дорогая Мизери, вчера мы отужинали, спросите у мадемуазель де Таверне.

– И превосходно, – подтвердила Андреа.

– Но это не помешает мне выпить шоколад, – добавила королева. – Скорее, скорее, милая Мизери, я хочу на солнце: на Швейцарском пруду должно быть много народу.

– Ваше величество решили покататься на коньках? – спросил Филипп.

– Ах, вы будете смеяться над нами, господин американец, – воскликнула королева. – Вы же преодолевали громадные озера, в которых больше лье, чем в нашем пруду шагов.

– Сударыня, – отозвался Филипп, – здесь холод и расстояния вас забавляют, а там они убивают.

– А, вот и шоколад. Андреа, возьмите чашечку тоже.

Андреа зарделась от удовольствия и поклонилась.

– Вот видите, господин де Таверне, я все та же, этикет внушает мне такой же ужас, как и прежде. А вы, господин Филипп, изменились с тех пор?

Эти слова проникли в самое сердце молодого человека: своими сожалениями женщины часто ранят, словно кинжалом, тех, кому они небезразличны.

– Нет, государыня, – отрывисто ответил он, – я не изменился, по крайней мере в душе.

– Ну, раз душа у вас осталась та же, – игриво сказала королева, – а была она доброй, мы вознаградим вас за это по-своему. Госпожа де Мизери, чашку для господина де Таверне.

– О ваше величество, – взволнованно воскликнул Филипп, – это такая честь для бедного известного солдата вроде меня...

– Вы – старый друг, и все тут, – ответила королева. – Сегодня в голову мне ударили все ароматы юности, сегодня я свободна, счастлива, горда и сумасбродна!.. Сегодняшний день напомнил о моих первых проделках в милом Трианоне, о наших с Андреа шалостях. Ах, мои розы, земляника, вербена, мои птицы, которых я старалась запомнить, гуляя по саду, мои милые садовники, чьи добрые лица всегда означали появление нового цветка или вкусного плода, господин де Жюсье и этот оригинал Руссо, которого уже нет в живых! Сегодня... Говорю вам, сегодняшний день сводит меня с ума! Но что с вами, Андреа, почему вы так покраснели? А что с вами, господин Филипп, вы так бледны?

На лицах брата и сестры и в самом деле отразилась боль, причиненная жестокими воспоминаниями.

Однако с первыми же словами королевы они призвали на помощь все свое мужество.

– Я обожгла себе нёбо, – ответила Андреа, – простите меня, государыня.

– А я, государыня, – объяснил Филипп, – никакие могу привыкнуть к мысли, что ваше величество оказали мне честь, словно знатному сеньору.

– Ну полно, полно, – перебила Мария Антуанетта, сама наливая шоколад в чашку Филиппа, – вы же солдат, и, следовательно, к огню вам не привыкать. Проявите поэтому доблесть и обжигайтесь шоколадом, мне ждать некогда.

И королева расхохоталась. Однако Филипп воспринял все совершенно серьезно, словно деревенский житель, с тою лишь разницей, что он сделал из героизма то, что тот сделал бы от смущения.

Это не укрылось от взгляда королевы, и она захохотала пуще прежнего.

– У вас замечательный характер, – заметила она.

С этими словами королева встала.

Горничные тут же подали ей премилую шляпку, горностаевую накидку и перчатки.

Столь же проворно был завершен и туалет Андреа.

Филипп взял шляпу под мышку и последовал за дамами.

– Господин де Таверне, я не хочу, чтобы вы уходили, – заявила королева, – и из политических соображений намерена похитить вас, нашего американца. Станьте с правой стороны, господин де Таверне.

Филипп послушно сделал то, что ему велели. Андреа заняла место слева от королевы.

Когда они стали спускаться по главной лестнице, когда барабаны загрели поход, когда звуки рожков королевского конвоя и стук берущегося на караул оружия прокатились по дворцу вплоть до вестибюлей, вся эта королевская пышность, это всеобщее почтение и преклонение, которое встречало королеву, а заодно и Таверне, короче, весь этот триумф окружил голову и без того смущенного Филиппа.

Пот, как при лихорадке, выступил у него на лбу, шаг молодого человека стал нетвердым. И если бы не ледяной вихрь, остудивший его глаза и губы, он, несомненно, потерял бы сознание.

Для гордого сердца Филиппа, прошедшего столько мрачных и печальных дней в изгнании, такой возврат к радостям жизни был слишком внезапным.

Когда королева, блистая красотой, проходила по залам, а перед нею склонялись головы и поднималось вверх оружие, среди придворных можно было заметить невысокого старичка, который был столь озабочен, что позабыл об этикете.

Он стоял с высоко поднятой головой, устремив взор на королеву и Таверне, вместо того чтобы согнуться в поклоне и опустить глаза.

Королева скрылась, и старичок, нарушив стройную шеренгу придворных, пробился вперед и побежал настолько быстро, насколько позволяли ему затянутые в белые лосины ножки семидесятилетнего человека.

9. Швейцарский пруд

Кто не знает этот прямоугольный водоем, сине-зеленый и переливчатый летом, белый и неровный зимой, который до сих пор носит название Швейцарского пруда?

Аллеи, обсаженные липами, которые радостно протягивают солнцу свои коричневатые ветви, окаймляют берега пруда; в аллеях этих полно гуляющих всех возрастов и рангов, пришедших полюбоваться на сани и конькобежцев.

Туалеты дам представляют собою пеструю смесь несколько церемонной роскоши старого двора и несколько прихотливой непринужденности новой моды.

Высокие прически, накидки, оттеняющие молодые лица, матерчатые в большинстве своем шапочки, меховые плащи и шелковые платья с громадными воланами причудливо сочетаются с красными камзолами, небесно-голубыми рединготами, желтыми ливреями и длинными белыми сюртуками.

Синие и красные ливреи лакеев просвечивают сквозь эту толпу, словно васильки и маки на волнующемся поле ржи или клевера.

Порою в толпе раздаются восхищенные возгласы. Это отчаянный конькобежец Сен-Жорж выписал столь безукоризненный круг, что никакой геометр не нашел бы в нем заметного изъяна.

Если берега пруда сплошь усеяны зрителями, не ощущающими холода в толпе, и выглядят издали, как разноцветный ковер, над которым в морозном воздухе клубится пар от дыхания множества людей, то сам пруд, похожий на толстое ледяное зеркало, выглядит более разнообразно и живо.

Там, по льду, летят сани, запряженные тремя здоровенными собаками на манер русской тройки.

Псы, одетые в бархатные попоны с гербами и с развевающимися плюмажами на головах, напоминают чудовищных животных, сошедших с бесовских фантазий Калло³³ или колдовских наваждений Гойи.

Их кучер, г-н де Лозен, непринужденно свесившись набок с саней, устланных тигровой шкурой, пытается отдышаться, но тщетно: ветер бьет ему прямо в лицо.

Тут и там видны неторопливо едущие сани – они ищут уединения. Дама в маске, которую она надела явно для того, чтобы предохранить себя от стужи, садится в одни из таких саней, а красивый конькобежец в широком бархатном плаще с петлицами, отороченными золотом, нагнулся к задку саней и толкает их, стараясь разогнать побыстрее.

Дама в маске и конькобежец в бархатном плаще обмениваются чуть слышными словами, но кто станет осуждать их за это тайное свидание под сводом небес, на виду у всего Версаля?

Другие не слышат, что они говорят, но это и не важно – главное, они их видят, а тем двоим не важно, что их видят, – главное, их никто не слышит. Несомненно, они живут среди всех этих людей своею жизнью, проносятся сквозь толпу, словно две перелетные птицы. Куда спешат они? В тот неведомый мир, который пытается найти любой, называя его счастьем.

Внезапно среди скользящих по льду сильфов возникает движение, поднимается суматоха.

Это на берегу Швейцарского пруда появилась королева, и каждый, узнав ее, готовится уступить ей место, но она показывает рукой, чтобы все продолжали развлекаться.

³³ Калло, Жак (1592–1635) – французский график, автор причудливых, фантастических офортов.

Раздается крик: «Да здравствует королева!» – и конькобежцы, и сани, словно повинуюсь единому порыву, окружают место, где остановилась августейшая особа.

К ней приковано всеобщее внимание.

Мужчины с помощью хитроумных маневров начинают приближаться к королеве, женщины почтительно и скромно оправляют свои наряды, и всякий старается затесаться в кучку дворян и офицеров высоких рангов, которые подходят приветствовать ее величество.

Но один из участников этого представления выделяется своим странным поведением: вместо того чтобы подойти к королеве, он, узнав ее туалет и окружение, оставляет сани и бросается в поперечную аллею, где и исчезает вместе со своей свитой.

Граф д'Артуа, относящийся к числу самых изящных и искусных конькобежцев, в числе первых преодолел расстояние, отделявшее его от невестки, и, наклонившись, чтобы поцеловать ей руку, негромко заметил:

– Видите, как мой братец, граф Прованский, вас избегает?

С этими словами он указал на его королевское высочество, который быстрыми шагами огибал пруд, направляясь к своей карете.

– Он не желает выслушивать мои упреки, – ответила королева.

– О, что касается упреков, то они должны относиться, скорее, ко мне. Он боится вас вовсе не из-за них.

– Ну, значит, ему совестно, – весело предположила королева.

– Дело и не в этом, сестрица.

– Так в чем же?

– Сейчас объясню. Он только что узнал, что сегодня вечером приезжает славный победитель господин де Сюфрен³⁴, и желает, чтобы вы оставались в неведении относительно столь важной новости.

Королева огляделась и заметила несколько любопытствующих, чье почтение к ней не простиралось настолько, чтобы заставить их отойти за пределы слышимости.

– Господин де Таверне, – попросила она, – будьте так любезны, займитесь моими санками, прошу вас. И если ваш отец здесь, обнимите его, я отпускаю вас на четверть часа.

Молодой человек поклонился и начал пробиваться сквозь толпу, чтобы выполнить распоряжение королевы.

Толпа тоже все поняла – порою она обладает превосходным инстинктом – и отступила назад, так что королева и граф д'Артуа смогли говорить свободнее.

– Братец, объясните мне, – попросила королева, – какая графу Прованскому польза от того, что я не буду знать о приезде господина де Сюфрена?

– О сестрица, возможно ли, чтобы вы, женщина, королева и его враг, не разгадали бы тотчас же этого коварного политического хода? Господин де Сюфрен приезжает, но никому при дворе об этом не известно. Господин де Сюфрен – герой индийских морей и имеет поэтому право на пышный прием в Версале. Итак, господин де Сюфрен приезжает; король об этом не знает и по неведению, а следственно, невольно ничего не предпринимает; вы, сестрица, – тоже. Граф же Прованский, зная о его прибытии, принимает мореплавателя, улыбается ему, обласкивает его, сочиняет для него четверостишия и таким образом, вертась вокруг героя Индии, становится героем Франции.

– Теперь ясно, – проговорила королева.

– Еще бы, черт возьми! – заметил граф.

– Вы забыли лишь об одном, мой милый сплетник.

– О чем же?

³⁴ Сюфрен, Пьер Андре (прозванный «байи» – здесь: кавалер большого креста Мальтийского ордена) (1726–1788) – французский адмирал, неоднократный победитель англичан.

- Откуда вы узнали о столь тонких планах нашего брата и деверя?
 - Откуда, откуда – да оттуда, откуда я узнаю обо всем. Это просто: заметив, что граф Прованский старается вызнать все, что я делаю, я стал платить людям, чтобы они сообщали мне обо всем, что делает он. Это бесполезно и для меня, и для вас, сестрица.
 - Благодарю за союзничество, братец, но что же король?
 - Он предупрежден.
 - Вами?
 - Отнюдь: морским министром, которого я к нему послал. Вы же понимаете, что все это меня не касается: я слишком вздорен, распутен и глуп, чтобы заниматься столь важными материями.
 - А морской министр тоже не знал о прибытии господина де Сюффрена во Францию?
 - Господи, сестрица, будучи четырнадцать лет дофиной, а потом королевой Франции, вы должны были узнать министров достаточно хорошо, чтобы понять: эти господа всегда не в курсе самых важных событий. Я предупредил его, и он в восторге.
 - Я думаю!
 - Вы же понимаете, милая сестрица, что теперь этот человек будет признателен мне всю жизнь, а в его признательности я очень нуждаюсь.
 - Почему?
 - Чтобы он дал мне в долг.
 - Вечно он все испортит! – рассмеялась королева.
 - Сестрица, – с серьезным видом сказал граф д'Артуа, – вам скоро понадобятся деньги, слово сына короля Франции! Я готов отдать вам половину суммы, которую добуду.
 - Ох, братец, осторожней! – воскликнула Мария Антуанетта. – Сейчас я ни в чем не нуждаюсь.
 - Проклятье! Лучше не тяните с согласием на мое предложение.
 - Почему же?
 - Потому что, если вы будете медлить, я не смогу сдержать обещание.
 - Что ж, в таком случае я тоже постараюсь вызнать какую-нибудь государственную тайну.
 - Смотрите, сестрица, вы замерзли, у вас щеки побелели, – предупредил принц.
 - А вот и господин де Таверне с моими санками.
 - Так я вам больше не нужен, сестрица?
 - Нет.
 - В таком случае прогоните меня, прошу вас.
 - Зачем? Уж не думаете ли вы, что чем-нибудь меня стесняете?
 - О нет, напротив, это мне нужна свобода.
 - Тогда прощайте.
 - До свидания, милая сестрица.
 - Когда?
 - Сегодня вечером.
 - А что намечается на вечер?
 - Пока ничего, но будет намечено.
 - А что будет намечено?
 - На королевскую игру соберется весь свет.
 - Это почему же?
 - Потому что сегодня вечером министр приведет господина де Сюффрена.
 - Прекрасно, значит, до вечера.
- Молодой принц откланялся со свойственной ему милой учтивостью и скрылся в толпе.

Когда Филипп де Таверне отошел от королевы и занялся ее санями, его отец не спускал с него глаз.

Но вскоре его настороженный взгляд вернулся к королеве. Оживленная беседа Марии Антуанетты с деверем вселяла в него известное беспокойство, так как нарушила ее непри-
нужденный разговор с его сыном.

Поэтому, когда Филипп, закончив готовить сани к отъезду и желая выполнить наказ королевы, подошел к отцу, которого не видел десять лет, чтобы его обнять, старик лишь дружески махнул ему рукой и проговорил:

– Потом, потом. Когда королева тебя отпустит, тогда и поговорим.

Филипп ушел, и барон с удовольствием увидел, что граф д'Артуа откланивается.

Королева села в сани, посадила рядом с собою Андреа, но, завидя двух рослых гайдук-
ков, приготовившихся толкать ледовый экипаж, сказала:

– Нет, нет, так я не хочу. Вы умеете кататься на коньках, господин де Таверне?

– Умел когда-то, государыня, – ответил Филипп.

– Дайте кавалеру коньки, – приказала королева и, повернувшись к нему, добавила: – Не знаю почему, но мне кажется, что вы катаетесь не хуже Сен-Жоржа.

– В свое время, – заметила Андреа, – Филипп катался весьма недурно.

– А теперь не имеете соперников, не так ли, господин де Таверне?

– Коль скоро ваше величество так в меня верит, я буду стараться изо всех сил.

Когда Филипп произносил эти слова, у него на ногах уже были остро наточенные коньки.

Он встал за санями, толкнул их одной рукой, и катание началось.

Спектакль был действительно достоин внимания.

Сен-Жорж, король гимнастов, изящный мулат, бывший в ту пору в большой моде, человек, не имевший равных во всем, что касалось физических упражнений, угадал соперника в молодом человеке, который осмелился проехать по льду мимо него.

Он тут же принялся раскатывать вокруг королевских санок с такими почтительными и полными очарования поклонами, что ни один придворный не смог бы выглядеть столь же обворожительно даже на версальском паркете. Он описывал вокруг саней быстрые без-
укоризненные круги, один за другим, так что поворачивал всякий раз прямо перед санями; после этого они его обгоняли, но он делал очередной мощный толчок и по плавной дуге на-
верстывал упущенное расстояние.

Повторить подобный маневр был никто не в силах, все следили за Сен-Жоржем, не скрывая восхищения и даже изумления.

Однако Филипп не удержался и отважно вступил в предложенную ему игру: он так разогнал сани, что Сен-Жорж дважды завершил свой круг не впереди, а позади них. Сани мчались с такой быстротой, что слышались крики испуга, и Филипп обратился к королеве:

– Если ваше величество желает, я остановлюсь или хотя бы поеду медленнее.

– Нет, нет! – воскликнула королева с той пылкостью, которую вкладывала как в работу, так и в развлечения. – Мне не страшно, можете еще быстрее, если угодно.

– О, тем лучше, благодарю за позволение, государыня. Я держу вас крепко, положитесь на меня.

И он вновь схватившись сильной рукой за спинку саней, толкнул их столь мощно, что они задрожали.

Казалось, он вот-вот поднимет сани на вытянутой руке. Но тут Филипп пустил в ход вторую руку, что считал до этого излишним, и в его стальной хватке сани стали походить на детскую игрушку.

Теперь он пересекал каждый круг Сен-Жоржа еще более широким кругом. Сани дви-
гались, словно ловкий человек круто поворачивая то туда, то сюда, как будто были постав-

лены на такие же коньки, какими Сен-Жорж бороздил лед. Несмотря на большой вес и размеры, сани королевы скользили на полозьях, как живые, они летали и кружились не хуже заправского танцора.

Сен-Жорж, выписывавший свои кривые более изящно и точно, вскоре забеспокоился. Он катался уже почти час: Филипп заметив, что соперник весь покрыт испариной и ноги у него начинают дрожать, решил победить Сен-Жоржа за счет своей выносливости.

Он сменил тактику: отказавшись от поворотов, заставлявших его всякий раз приподнимать сани, он изо всех сил пустил их по прямой.

Сани полетели стрелою.

Сен-Жорж одним размашистым шагом уже почти настиг его, однако Филипп улучил миг и, оттолкнувшись несколько раз подряд, послал сани по еще нетронутому льду с такой стремительностью, что соперник остался позади.

Сен-Жорж бросился догонять, но Филипп, искусно скользя на носках коньков, собрал все силы, поистине геркулесовым рывком развернул сани и покатил в обратном направлении, тогда как Сен-Жорж, которому не удалось повторить сей неожиданный маневр, проехал по инерции дальше и остался далеко позади.

Возгласы всеобщего одобрения заставили Филиппа покраснеть от смущения.

Однако к его удивлению, королева, похлопав в ладоши, повернулась к нему и, задыхаясь от восторга, воскликнула:

– Победа господин де Таверне, победа уже ваша! Теперь помилосердствуйте, а то вы меня убьете!

10. Искуситель

Услышав этот приказ или, вернее, просьбу королевы, Филипп напряг мускулы ног, и сани резко встали, словно арабский скакун в песках пустыни.

– А теперь отдохните, – сказала королева, на дрожащих ногах вылезая из саней. – Никогда бы не поверила, что можно так захмелеть от скорости, я чуть не сошла с ума.

Не в силах сдержать трепета, она оперлась на руку Филиппа. Удивленный ропот, донесшийся со стороны раззолоченной пестрой толпы, дал ей понять, что она вновь погрешила против этикета; в глазах завистников и рабов прегрешение это было огромным.

Что же до Филиппа, то он, потрясенный столь неслыханной честью, испытывал больший трепет и стыд, чем если бы государыня выбрала его при всем народе.

Он опустил глаза, сердце его, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Сильное волнение – из-за быстрой езды, разумеется, – овладело и королевой. Она тут же отдернула руку, оперлась о плечо мадемуазель де Таверне и заявила, что хочет сесть.

Ей подали складной стул.

– Извините меня, господин де Таверне, – обратилась она к Филиппу, после чего порывисто воскликнула: – Господи, какое несчастье постоянно находиться среди любопытных... и дураков, – добавила она совсем тихо.

Дворяне и придворные дамы, окружив королеву, пожирали глазами Филиппа, который, чтобы скрыть смущение, принялся отвязывать коньки.

Сняв их, он отошел в сторону и уступил место придворным. Королева несколько минут сидела задумавшись, потом подняла голову и проговорила:

– Нет, если сидеть без движения, недолго и замерзнуть. Нужно покататься еще.

С этими словами она снова села в сани.

Филипп ждал приказа, но тщетно.

Тогда к саням подскочили десятка два дворян.

– Нет, господа, благодарю вас. Меня повезут гайдуки.

Когда слуга заняли свои места, королева приказала:

– Потихоньку, только потихоньку.

И, закрыв глаза, отдалась своим мыслям.

Сани неспешно удалились, сопровождаемые толпой алчущих, любопытных и завистников.

Оставшись один, Филипп утер пот со лба.

Он принялся искать взглядом Сен-Жоржа, чтобы утешить его каким-нибудь искренним комплиментом.

Но тот, получив записку от герцога Орлеанского, своего покровителя, покинул поле битвы.

Слегка опечаленный, усталый и несколько напуганный происшедшим, Филипп стоял и провожал взглядом удаляющиеся сани, но вдруг почувствовал, что кто-то тронул его за рукав.

Он обернулся и увидел отца.

Маленький старичок, весь сморщенный, словно персонаж Гофмана, и закутанный в меха, словно самоед, толкнул сына локтем, чтобы не вынимать рук из муфты, которая висела у него на шее.

Взгляд его, блесевший то ли от холода, то ли от радости, показался Филиппу горящим.

– Не хотите ли обнять меня, сын мой? – осведомился он.

Старик произнес эти слова тоном, каким отец греческого атлета мог бы поблагодарить сына за одержанную на арене победу.

– От всего сердца, дорогой отец! – ответил Филипп.

Однако было слышно, что выражение, с каким были сказаны эти слова, никак не соответствует их содержанию.

– Но полно, полно. А теперь, когда мы обнялись, пойдете, и поскорее.

И старичок поспешил вперед.

– Куда вы меня ведете, сударь? – спросил Филипп.

– Туда – куда ж еще, черт возьми!

– Туда?

– Нуда, поближе к королеве.

– О нет, отец, благодарю вас.

– Как это нет? Что значит благодарю? Вы с ума сошли? Видали его – он не хочет подойти к королеве!

– Нет-нет, это невозможно, и не помышляйте об этом, дорогой отец.

– Что значит невозможно? Невозможно подойти к королеве, которая вас ждет?

– Меня? Ждет?

– Ну разумеется, ждет и даже жаждет.

– Королева меня жаждет?

И молодой человек пристально посмотрел на барона.

– Ей-богу, отец, мне кажется, вы забываетесь, – холодно проговорил он.

– Удивительный человек, честное слово! – воскликнул старик, выпрямившись и топнув ногою. – Ну вот что, Филипп, доставьте мне удовольствие и напомните, откуда вы приехали.

– Сударь, – печально ответил Филипп, – одного я никак не возьму в толк, и это меня весьма тревожит.

– Что?

– То ли вы смеетесь надо мною, то ли...

– Толи?..

– То ли, простите, сходите с ума.

Старик схватил сына за руку столь резко и сильно, что тот поморщился от боли.

– Послушайте, господин Филипп, – проговорил старик. – Америка очень далеко от Франции, это мне известно...

– Да, отец, очень далеко, – подтвердил Филипп. – Но я не понимаю, что вы хотите этим сказать. Объясните, прошу вас.

– Это страна, где нет ни короля, ни королевы.

– Ни подданных.

– Очень хорошо: ни подданных, господин философ. Я этого не отрицаю, но этот вопрос меня не интересует, он мне совершенно безразличен. Но мне не безразлично, меня беспокоит и даже унижает кое-что, чего я тоже никак не возьму в толк.

– Что же это, отец? Как бы там ни было, я полагаю, что мы с вами толкуем о разных вещах.

– Я никак не пойму, глупец вы или нет, сын мой. Для такого молодца, как вы, это совершенно непозволительно. Взгляните, да взгляните же вон туда!

– Смотрю, сударь.

– Видите? Королева обернулась – и это уже в третий раз. Да, сударь, королева обернулась три – нет, постойте! – уже четыре раза. Кого она ищет, как вы думаете, господин глупец, господин пуританин, господин из Америки?

И старичок закусил, но не зубами, а деснами, серую замшевую перчатку, которая сидела у него на руке как влитая.

– Сударь, даже если она кого-то ищет, что само по себе сомнительно, что дает вам право утверждать, будто она ищет меня?

– Господи! – воскликнул старик и снова топнул ногой. – Он говорит: «Даже если»! Да в этом человеке нет ни капли моей крови, никакой он не Таверне!

– У меня действительно не ваша кровь, – согласился Филипп и, возведя глаза к небу, шепотом добавил: – И слава Богу.

– Сударь, – не унимался старик, – говорю вам: королеве нужны вы, королева ищет вас.

– У вас неплохое зрение, отец, – сухо парировал Филипп.

– Послушай, – начал старик уже мягче, пытаясь сдержать раздражение. – Послушай, позволь, я тебе все объясню. Я понимаю, у тебя есть свои причины, зато у меня есть опыт. Скажи, милый мой Филипп, мужчина ты или нет?

Филипп молча пожал плечами.

Поняв, что ответа ему не дожидаться, старик скорее из чувства презрения, чем по необходимости, решил взглянуть сыну в глаза и увидел полную достоинства, непроницаемую сдержанность и необоримую волю, так, увы, ярко горевшие в них.

подавив в себе неудовольствие, барон ласково провел муфтой по красному кончику своего носа и сладко, словно Орфей на Фессалийских скалах, пропел:

– Филипп, друг мой, ну послушай же меня.

– Последние четверть часа я, кажется, только это и делаю, – ответил молодой человек.

«О, – подумал старик, – я свалю тебя с высоты твоего величия, господин американец. И у тебя есть слабая сторона, колосс, дай только мне вцепиться в нее моими старыми когтями, и ты увидишь».

После этого он спросил:

– Неужели ты ничего не заметил?

– А что я должен был заметить?

– Ну раз не заметил, это делает честь твоей наивности.

– Да говорите же, сударь.

– Все очень просто. Ты вернулся из Америки, куда уехал в то время, когда здесь был один король и ни одной королевы, если не считать таковой госпожу Дюбарри, не очень-то достойную этого титула. Теперь ты возвратился, увидел королеву и считаешь, что ее нужно чтить.

– Естественно.

– Бедное дитя! – заметил старик, пытаясь с помощью муфты скрыть душивший его смех.

– Как! – удивился Филипп. – Вы, сударь, недовольны тем, что я чту королевскую власть, – это вы-то, Таверне де Мезон-Руж, один из знатнейших дворян Франции?

– погоди, я говорю не о королевской власти, а о королеве.

– Но разве тут есть разница?

– Проклятье! Что такое королевская власть, милый мой? Это корона, и прикасаться к ней нельзя, черт возьми! А что такое королева? Это женщина. А женщина – это совсем другое дело, к ней можно и прикоснуться.

– Прикоснуться? – побагровев от гнева и негодования, воскликнул Филипп и сделал столь величественный жест, что у любой женщины он вызвал бы приязнь, а у любой королевы – даже восхищение.

– Ты так не считаешь? – с бесстыдной улыбкой свирепо прошипел барон. – Что ж, полюбуйтесь у господина де Куаньи, или у господина де Лозена, или у господина де Водрейля³⁵.

³⁵ Вельможи из окружения Марии Антуанетты: Франсуа де Франкетот, маркиз де Куаньи (1737–1821); герцог де Лозен (Арман Луи де Гонто, герцог де Бирон) (1743–1793); Жозеф Франсуа де Поль, граф де Водрейль (1740–1817).

– Замолчите! Замолчите, отец! – глухо отозвался Филипп. – Я не могу трижды проткнуть вас шпагой за это тройное кощунство, но, клянусь вам, я проткну себя, немедленно и безжалостно.

Таверне отступил назад, сделал пируэт, какие любил выделять тридцатилетний Ришелье, и, помахав в воздухе муфтой, проговорил:

– Ну и глуп же этот парень! Рысак оказался ослом, орел – гусем, петух – каплуном. Спокойной ночи, ты меня порадовал. Я-то думал, что по старости могу претендовать лишь на роль Кассандра, а я, оказывается, Валер, Адонис, Аполлон³⁶.

И старик снова крутанулся на каблуках. Филипп помрачнел и остановил отца на середине пируэта.

– Вы сказали все это в шутку, не правда ли, отец? – заговорил он. – Ведь столь благородный дворянин, как вы, не станет распространять клевету, измышленную врагами не только о женщине и о королеве, но и о самой королевской власти.

– Он еще сомневается! Вот тупица! – вскричал барон.

– Стало быть, вы сказали бы это и перед лицом Господа?

– Так оно и есть.

– Господа, к которому вас приближает каждый прожитый день?

Филипп продолжил разговор, только что прерванный им самим с таким презрением, – со стороны барона это был успех, и старик подошел к сыну.

– Мне кажется, – заметил он, – что я еще хоть немного, но дворянин, сударь, и поэтому не лгу... иногда.

Это «иногда» было смехотворно, но Филипп не засмеялся.

– Значит, вы полагаете, у королевы есть любовники? – осведомился он.

– Это не новость.

– Те, кого вы назвали?

– Есть и другие. Откуда мне знать? Расспросите в городе и при дворе. Нужно вернуться из Америки, чтобы не знать, о чем все говорят.

– Кто говорит? Гнусные памфлетисты?

– Не причисляете ли вы и меня, случаем, к газетчикам?

– Нет, и очень плохо, что такие люди, как вы, повторяют подобные низости, которые без этого сами растаяли бы без следа, словно ядовитые испарения, затмевающие порою яркое солнце. А вы и вам подобные, повторяя клевету, продлеваете срок ее жизни. О, сударь, будьте же благочестивы, не повторяйте подобные мерзости!

– И тем не менее я стою на своем.

– Но почему же? – топнув ногой, вскричал молодой человек.

– Да потому, – отвечал старик, схватив сына за руку и глядя ему в лицо с демонической усмешкой, – что хочу доказать тебе, что я был прав, когда говорил: «Филипп, королева обращается, Филипп, королева ищет, Филипп, королева жаждет, беги же, Филипп, королева ждет!»

– Силы небесные! – закрыв лицо руками, вскричал Филипп, – замолчите, отец, вы сводите меня с ума!

– Ей-богу, Филипп, я тебя не понимаю, – отозвался старик. – Разве любить – это преступление? Это просто-напросто значит иметь сердце, а разве в глазах этой женщины, в ее голосе, в ее поведении не чувствуется, какое у нее сердце? Говорю тебе, она любит, любит, но ведь ты – философ, пуританин, квакер, ты – человек из Америки и никого не любишь. Что

³⁶ Кассандр – персонаж итальянской комедии масок, глупый и болтливый старикашка; Валер, Адонис, Аполлон – здесь: молодой красавец.

ж, пусть она смотрит, оборачивается, ждет; оскорбляй же ее, презирай, отталкивай, Филипп, то есть Иосиф де Таверне!³⁷

С убийственной иронией произнес эти слова и видя произведенный ими эффект, старик счел за нужное удалиться, словно искуситель, впервые намекнувший человеку на возможность совершить преступление.

Филипп остался один. Сердце его сжималось, в голове царил сумбур. Он даже не заметил, что уже полчаса не двигается с места и что королева, сделав круг по льду пруда, вернулась, смотрит на него и кричит, окруженная кортежем:

– Вы хорошо отдохнули, господин де Таверне? Идите же сюда, только вы умеете катать королеву по-королевски. Посторонитесь, господа.

Ничего не замечая вокруг, потрясенный и хмельной от радости Филипп подбежал к ней.

Он положил ладони на спинку саней и почувствовал, что пылает: королева беспечно откинулась назад, и волосы ее прикоснулись к пальцам офицера.

³⁷ Библейский персонаж Иосиф, будучи продан в Египет в дом одного из вельмож фараона, отверг ухаживания его жены.

11. «Сюфрен»

Вопреки обычаям двора Людовик XVI и граф д'Артуа хранили полное молчание.

Никто не знал, в котором часу и как должен прибыть г-н де Сюфрен.

На вечер король назначил игру.

В семь вечера он вышел вместе со всей августейшей семьей. Королева появилась, держа за руку свою старшую, семилетнюю дочь.

Собрание было многолюдным и блестящим.

Пока шли приготовления и все занимали места, граф д'Артуа тихонько подошел к королеве и сказал:

– Сестрица, посмотрите хорошенько вокруг.

– Ну, смотрю.

– И что вы видите?

Королева обвела глазами зал, вглядываясь в скопления придворных, проникая взором в незаполненные его места: всюду друзья, всюду люди, готовые служить, и среди них Андреа с братом.

– Вижу приятные лица, главным образом – друзей.

– Не смотрите на тех, кто здесь, сестрица, взгляните-ка лучше, кого нет.

– Вот это верно! – вскричала королева.

Граф д'Артуа рассмеялся.

– Опять его нет, – продолжала королева. – Неужто он так и будет от меня бегать?

– Нет, – ответил граф д'Артуа, – просто шутка продолжается. Наш братец отправился встречать байи де Сюфрена к заставе.

– Если так, то я не понимаю, чему вы смеетесь, братец мой.

– Не понимаете?

– Конечно, нет. Ведь если наш братец ждет байи де Сюфрена у заставы, значит, он хитрее нас: он увидит его первым и, следовательно, поздравит с возвращением раньше всех.

– Да полно вам, сестрица, – улыбнувшись, ответил молодой принц. – Слишком уж вы низкого мнения о нашей с вами дипломатии. Граф Прованский отправился встречать командора к заставе Фонтенбло, это верно, однако наш человек поджидает его на почтовой станции в Вильжюифе.

– Да ну?

– И в результате, – продолжал граф д'Артуа, – наш сеньор так и будет торчать в одиночестве у заставы, а господин де Сюфрен по приказу короля минует Париж и направится напрямик в Версаль, где поджидаем его мы.

– Прекрасно придумано!

– Неплохо, я собою доволен. Можете играть спокойно, сестрица.

В зале для игры собралось человек сто самых высокопоставленных особ: Конде, Пантьевр, де ла Гремуйль, принцессы крови.

Однако то, что граф д'Артуа рассмешил королеву, заметил один король и, чтобы показать себя тоже участником заговора, послал им полный скрытого значения взгляд.

Как мы уже говорили, новость о прибытии командора де Сюфрена осталась в тайне, и тем не менее над головами собравшихся витало что-то вроде предчувствия.

Каждый ощущал, что нечто тайное вскоре станет явным, что вот-вот обнаружится какая-то новость. Предвкушение чего-то захватило всех обитателей этого мирка, где любое малейшее событие приобретало значительность, стоило только властелину неодобрительно нахмуриться или растянуть губы в улыбке.

Король, имевший обыкновение делать ставку не более одного шестиливрового эю, чтобы умерить азарт принцев и придворных вельмож, не обратил внимания на то, что на этот раз выложил на стол все золото, которое у него было при себе.

Заметив это, королева решила отвлечь внимание присутствующих и с напускным жаром принялась за игру.

Филипп, тоже приглашенный к столу и сидевший напротив сестры, полностью отдался во власть небывалого, ошеломляющего ощущения, которое вызвала в нем эта неожиданная милость.

Тем не менее он все время мысленно возвращался к словам отца. Филипп спрашивал себя: быть может, отец, на памяти которого было несколько фаворитов, лучше него разбирается во временах и нравах?

Он недоумевал: а вдруг его пуританство, следствие чуть ли не религиозного обожания, – просто нелепость, которую он вывез из дальних стран?

Неужто королева, такая поэтичная, прекрасная и добрая к нему, – просто бездушная кокетка, желающая лишь присовокупить к своим воспоминаниям еще одну разбуженную ею страсть и напоминающая тем самым энтомолога, что помещает под стекло еще одно насекомое или бабочку, ничуть не заботясь о муках создания, сердце которого проткнуто булавкой.

А между тем королеву никак нельзя было отнести к женщинам заурядным или пошлым. Взгляд ее всегда что-либо означает, она никогда не бросает его, не оценив предварительно его силу.

«Куаньи, Водрейль, – размышлял Филипп, – любят королеву и любимы ею. Ну почему же, почему клевета эта столь мрачна, почему ни единый луч света не промелькнет в пучине, что зовется женским сердцем, пучине еще более глубокой от того, что это сердце королевы?»

На все лады повторяя про себя эти два имени, Филипп взглянул на дальний конец стола, где по капризу случая сидели рядом гг. де Куаньи и де Водрейль, казавшиеся беззаботными, если уже не забывчивыми, и не смотревшие в сторону королевы.

Глядя на них, молодой человек решил: невозможно, чтобы эти люди любили и пребывали в таком спокойствии, невозможно, чтобы они были любимы и вместе с тем столь забывчивы. О, если королева полюбит его, он обезумеет от счастья, а если после этого забудет – он покончит с собой от отчаяния.

С гг. де Куаньи и де Водрейля Филипп перевел взгляд на Марию Антуанетту.

Все еще витая в облаках, он вопрошал ее ясный лоб, властный рот, величественный взор; наслаждаясь красотой женщины, он пытался проникнуть в тайну королевы.

«О нет, это клевета, клевета, – думал он. – Это лишь неясные слухи, поддерживаемые корыстолюбцами, ненавистниками или интриганами!»

Филипп все еще предавался подобным размышлениям, когда часы в кордегардии пробили без четверти восемь. В ту же секунду послышался громкий шум.

В зале раздались чьи-то торопливые шаги. Приклады ружей ударили в пол. Гомон голосов, проникший сквозь приоткрытую дверь, привлек внимание короля, который обернулся, чтобы лучше слышать, и сделал знак королеве.

Та поняла и немедленно объявила, что игра закончена.

Игроки, собирая лежавшие перед ними монеты, пытались разгадать намерения королевы.

Мария Антуанетта направилась в большой зал для приемов. Король последовал за нею.

Адъютант г-на де Кастри, морского министра, подошел к королю и что-то шепнул ему на ухо.

– Прекрасно, – ответил тот, – ступайте. Затем повернулся к королеве и добавил:

– Все идет как надо.

Собравшиеся обменивались вопросительными взглядами, недоумевая, что означают эти слова.

Внезапно в зал вошел маршал де Кастри и громко обратился к королю:

– Ваше величество, не соблаговолите ли вы принять господина байи де Сюффрена, бывшего из Тулона?

Когда прозвучало это имя, радостно и торжественно произнесенное в полный голос, зал загудел.

– Конечно, сударь, – ответил король, – с радостью.

Г-н де Кастри вышел.

Собравшиеся как один подались вперед, к двери, за которой скрылся г-н де Кастри.

Чтобы объяснить, почему г-н де Сюффрен пользовался у французов такой симпатией, почему король, королева и принцы крови стремились встретить его первыми, достаточно будет нескольких слов. Имя Сюффрена принадлежит всей Франции, так же как имена Тюренна, Катина и Жана Барта³⁸.

За время войны с Англией, вернее, за ее последний период, предшествовавший заключению мира, г-н командор де Сюффрен одержал победу в семи крупных морских сражениях, взял Тринкомали³⁹ и Гваделор⁴⁰, укрепил французские владения, очистил от англичан моря и убедил набоба Хайдара Али⁴¹ в том, что Франция – первая держава в Европе. С профессией моряка он сочетал дипломатию тонкого и честного негодянта, отвагу и тактическое учение солдата с ловкостью мудрого администратора. Смелый, неутомимый и гордый, когда речь шла о французском флаге, он так измучил англичан на суше и на море, что этим надменным мореплавателям ни разу не удалось завершить дело победой или напасть на Сюффрена, когда лев показывал зубы.

После баталии – а в них Сюффрен не щадил жизни не хуже любого матроса – он всегда был полон человечности, благородства и сочувствия. Это был тип подлинного моряка, несколько позабытый после Жана Барта и Дюге-Труэна⁴² и вновь нашедший свое воплощение в Сюффрене.

Мы не беремся описать суматоху и энтузиазм, которые вызвало его появление в Версале среди дворян, присутствовавших на приеме.

Сюффрен был пятидесятишестилетний низенький толстяк с огненным взглядом, благородными и приятными манерами, проворный, несмотря на тучность, и величественный, несмотря на мягкость, он гордо нес свою прическу, вернее, пышную гриву: как человек, привычный ко всякого рода неудобствам, он нашел способ как следует одеться и причесаться еще в почтовой карете.

На нем был голубой, шитый золотом кафтан, красный камзол и голубые штаны. Его могучий подбородок покоился на воротнике военного покроя, словно пьедестал для его громадной головы.

Едва он появился в кордегардии, кто-то тут же доложил об этом г-ну де Кастри, нетерпеливо расхаживавшему взад и вперед, и тот выкрикнул:

– Господин де Сюффрен!

³⁸ Тюренн, Анри де Латур д'Овернь (1611–1675) – виконт, маршал Франции, одержавший множество побед. Катина, Никола де (1637–1712) – маршал Франции, известный военачальник. Барт, Жан (1651–1702) – французский моряк, корсар, оказавший Франции значительные услуги в борьбе с Голландией.

³⁹ Город на о. Цейлон.

⁴⁰ Форт под городом Мадрас в Индии.

⁴¹ Хайдар Али (1722–1782) – правитель индийского княжества Майсур, организатор сопротивления английским завоевателям в Южной Индии.

⁴² Дюге-Труэн, Рене (1673–1736) – прославленный французский моряк и корсар, пользовавшийся любовью офицеров и матросов.

Схватив мушкетоны, караул выстроился, словно для встречи короля; когда же байи прошел, солдаты образовали позади него эскорт в виде колонны по четыре.

Сюфрен пожал руку г-ну де Кастри и потянулся вперед, желая его поцеловать.

Но морской министр легонько оттолкнул героя.

– Нет, нет, сударь, – проговорил он, – я не хочу лишать удовольствия поцеловать вас первым кое-кого, кто достоин этого более, чем я.

И он повел г-на де Сюфрена прямо к Людовику XVI.

– Господин байи! – просияв, воскликнул король. Моряк увидел его, и Людовик продолжал: – Добро пожаловать в Версаль! Вы принесли сюда славу, принесли все, что герои дарят своим современникам. О будущем я не говорю, оно принадлежит вам. Поцелуйте меня, господин байи!

Г-н Сюфрен преклонил было колени, но король поднял его и расцеловал столь сердечно, что по собравшимся пробежала дрожь радости и триумфа.

Забыв на секунду о короле, все разразились приветственными кликами.

Король повернулся к королеве.

– Сударыня, – проговорил он, – это господин де Сюфрен, победитель при Тринкемали и Гваделоре, бич наших соседей-англичан, мой собственный Жан Барт.

– Сударь, – обратилась к моряку королева, – расхваливать вас я не стану. Знайте лишь одно: всякий раз, что вы стреляли из пушек во славу Франции, сердце мое замирало от восхищения и признательности.

Едва королева договорила, как подошел граф д'Артуа со своим сыном, герцогом Ангулемским.

– Сын мой, – сказал он, – вы видите перед собой героя. Посмотрите хорошенько, нынче это большая редкость.

– Ваше высочество, – ответил отцу юный принц, – только недавно я читал о великих людях у Плутарха, но ни одного из них не видел. Благодарю вас за то, что вы показали мне господина де Сюфрена.

По шепоту, пробежавшему вокруг, мальчик мог понять, что слова его запомнятся надолго.

Король взял г-на де Сюфрена под руку и собрался отвести к себе в кабинет, чтобы побеседовать о маршрутах его путешествий.

Однако г-н де Сюфрен оказал почтительное сопротивление.

– Государь, – попросил он, – вы ко мне так добры, что, быть может, позвольте...

– О, у вас есть просьба, господин де Сюфрен? – воскликнул король.

– Государь, один из моих офицеров совершил столь серьезный дисциплинарный проступок, что, по моему мнению, только ваше величество может быть ему судьей.

– Надеюсь, господин де Сюфрен, – заметил король, – что ваша первая просьба будет о снисхождении, а не о наказании.

– Я так ему и сказал, ваше величество, но судить вам.

– Я слушаю.

– В последнем сражении офицер, о котором я имел честь говорить вашему величеству, находился на «Строгом».

– Ах, это то самое судно, что спустило флаг? – нахмурившись, осведомился король.

– Государь, командир «Строгого» действительно спустил флаг, – поклонившись, ответил г-н де Сюфрен, – и сэр Хьюз, английский адмирал, уже послал шлюпку, чтобы захватить приз, однако лейтенант, командовавший батареями на нижней палубе, заметив, что огонь прекратился, и получив приказ не стрелять, поднялся на верхнюю палубу и увидел, что флаг спущен и командир готов к сдаче корабля. Прошу меня извинить, государь, но при виде этой картины его французская кровь вскипела. Он взял лежавший неподалеку флаг, схватил моло-

ток и, приказав возобновить огонь, прибил флаг под вымпелом. Благодаря этому, государь, «Строгий» был сохранен для вашего величества.

– Прекрасный поступок! – воскликнул король.

– Очень смело! – поддержала королева.

– Да, государь, да, сударыня, но это – серьезное нарушение дисциплины. Командир отдал приказ, и лейтенант обязан был повиноваться. Я прошу вас простить этого офицера, государь, тем более что он – мой племянник.

– Ваш племянник! – воскликнул король. – Но вы мне об этом не говорили.

– Вам, государь, не говорил, но имел честь доложить господину морскому министру и попросил его ничего не сообщать вашему величеству, пока я не добьюсь помилования для виновного.

– Согласен, согласен, – вскричал король. – И заранее обещаю свое покровительство любому нарушителю дисциплины, который будет таким образом спасать честь короля и Франции. Но вы должны представить мне этого офицера, господин байи.

– Он здесь, – ответил г-н де Сюфрен, – и раз ваше величество позволяет...

Он обернулся и приказал:

– Подойдите сюда, господин де Шарни.

Королева вздрогнула. Это имя вызвало у нее в памяти воспоминание слишком недавнее, чтобы оно могло стереться из памяти.

От группы людей, сопровождавших г-на де Сюфрена, отделился молодой офицер и предстал перед королем.

Королева, в восторге от прекрасного поступка молодого офицера, хотела было подойти к нему сама.

Но, услышав его имя, увидев, кого г-н де Сюфрен представляет королю, она остановилась, побледнела и что-то пробормотала.

Мадемуазель де Таверне тоже побледнела и с беспокойством взглянула на королеву.

Что же касается г-на де Шарни, то он, ничего не замечая, ни на кого не глядя, с выражением почтения на лице поклонился королю, который протянул ему руку для поцелуя. Затем, держась скромно и даже трепетно под взорами собравшихся, он вернулся в кружок офицеров, которые бросились к нему с шумными поздравлениями и объятиями.

В последовавшие после этого несколько секунд всеобщего молчания и растроганности король сиял, королева нерешительно улыбалась, г-н де Шарни стоял, потупя взор, а Филипп, от которого не укрылось волнение королевы, всем своим видом выражал тревогу и недоумение.

– Пойдемте же, господин де Сюфрен, – проговорил наконец король, – пойдемте побеседуем. Я умираю от желания послушать ваши рассказы и доказать, что я много думал о вас.

– Вы столь добры, государь...

– О, вы увидите мои карты, господин байи, увидите, с какою тщательностью я наносил на них каждый этап вашей экспедиции, предвиденный или угаданный мною. Пойдемте же.

Однако сделав вместе с г-ном де Сюфреном несколько шагов, король внезапно повернулся к королеве.

– Кстати, сударыня, – сказал он, – как вам известно, я заказал стопушечный корабль и теперь изменил свое мнение относительно его названия. Вместо того чтобы назвать его, как мы с вами решили, не лучше ли...

Мария Антуанетта, уже пришедшая в себя, схватила мысль короля на лету.

– Ну, разумеется, – ответила она, – мы назовем его «Сюфрен», и я вместе с господином байи окрещу его.

И тут вырвались наружу сдерживаемые доселе крики:

– Да здравствует король! Да здравствует королева!

– И да здравствует «Сюфрен»! – исключительно тонко добавил король: в его присутствии никто не мог воскликнуть: «Да здравствует господин Сюфрен!» – тогда как даже самым ревностным блюстителем этикета ничто не мешало кричать: «Да здравствует корабль его величества!»

– Да здравствует «Сюфрен»! – с энтузиазмом подхватили собравшиеся.

Король знаком поблагодарил всех за то, что его мысль была столь хорошо понята, и увлек байи за собой.

12. Г-н де Шарни

Как только король ушел, все присутствовавшие в зале принцы и принцессы столпились вокруг королевы.

Уходя, байи де Сюфрен знаком велел племяннику подождать, и тот, выразив поклоном свое согласие, остался стоять там, где мы его видели.

Королева, уже не раз обменивавшаяся с Андреа многозначительным взглядом, не теряла молодого человека из виду и, глядя на него, всякий раз мысленно повторяла:

«Это он, нечего и сомневаться».

У мадемуазель де Таверне был такой вид, что у королевы пропали последние сомнения. Девушка как будто хотела сказать:

«О Боже, государыня, это он, конечно, он!»

Как мы уже говорили, Филипп заметил озабоченность королевы; он если и не понимал истинную причину, то по крайней мере смутно о чем-то догадывался.

Тот, кто любит, никогда не заблуждается относительно выражения лица того, кого он любит.

Филипп догадался, что королеву взволновало какое-то странное таинственное происшествие, непонятное для всех, за исключением ее самой и Андреа. А королева вправду растерялась и пыталась скрыться за своим веером – это она-то, способная заставить кого угодно опустить взгляд.

Пока молодой человек терялся в догадках, не зная, чему следует приписать подобную озабоченность ее величества, пока он вглядывался в лица гг. де Куаньи и де Водрейля, чтобы удостовериться, что они не имеют никакого отношения к тайне, а непринужденно беседуют с графом Хагой, явившимся с визитом в Версаль, в гостиную, где все в этот миг находились, вошел человек в роскошной кардинальской мантии, за которым следовала кучка офицеров и прелатов.

Завидя его с другого конца зала, королева тотчас же отвернулась, даже не давая себе труда скрыть, что брови ее сошлись к переносице: в вошедшем она узнала г-на Луи де Рогана.

Не обращая ни на кого внимания, прелат пересек зал, приблизился к королеве и склонился перед нею в поклоне – скорее как светский человек, здоровающийся с женщиной, нежели как подданный, приветствующий королеву.

Затем он сделал ее величеству галантный комплимент, но та, едва повернув голову, процедила несколько вежливых ледяных слов и продолжала беседу с г-жой де Ламбаль и г-жой де Полиньяк.

Принц Луи, казалось, не заметил скверного приема, оказанного ему королевой. Еще раз поклонившись, он неторопливо повернулся и с изяществом истого придворного обратился к принцессам, теткам короля, беседа с которыми длилась долго, поскольку по принципу маятника, принятому при дворе, здесь он был принят столь же благожелательно, сколь холодно у королевы.

Кардинал Луи де Роган был представительным мужчиной в расцвете сил, с благородными манерами и мягким, умным лицом. Его тонко очерченный рот выражал осмотрительность, руки были прекрасны; слегка полысевшая голова выдавала в нем или сластолюбца, или ученого, однако на самом деле принц де Роган был и тем, и другим одновременно.

Это был любимец женщин, предпочитавших, чтобы за ними ухаживали изящно и без лишнего шума; о его щедрости ходили легенды. Ему же, однако, удалось убедить всех, что при миллионе шестистах тысячах ливров дохода он – бедняк.

Король любил его за ученость, королева же, напротив, ненавидела.

Истинные причины этой ненависти до конца известны не были, но поговаривали о них двояко.

Во-первых, будучи послом в Вене, принц Луи якобы написал королю Людовику XV несколько весьма ироничных писем, касавшихся Марии Терезии, чего Мария Антуанетта не могла ему простить.

Второй, более вероятной и по-человечески более объяснимой причиной ее ненависти было то, что посол написал, опять-таки Людовику XV, письмо по поводу бракосочетания юной эрцгерцогини и дофина, содержащее некоторые подробности, весьма неприятные для самолюбия новобрачной, которая в ту пору была очень тоща, причем король прочел это письмо вслух на одном из ужинов у г-жи Дюбарри.

Понятно, что подобные нападки задели Марию Антуанетту за живое, и она, будучи не в состоянии публично признать себя их мишенью, решила рано или поздно отомстить их автору.

Под всем этим имелась, разумеется, и политическая подоплека.

В свое время г-н де Роган сменил в венском посольстве г-на де Бретейля.

Г-н де Бретейль, слишком слабый для того, чтобы бороться с принцем в открытую, прибегнул к средству, зовущемуся в дипломатии ловкостью. Он достал копии, а может быть, даже оригиналы писем прелата, бывшего в то время послом, и обратился к дофине, которая, взвесив действительную пользу, приносимую этим дипломатом, и некоторую его враждебность по отношению к австрийской императорской фамилии, стала на сторону г-на де Бретейля и решила в один прекрасный день погубить принца де Рогана.

Среди придворных ходили глухие слухи об этой ненависти, что делало положение кардинала весьма щекотливым.

Потому-то при встречах королева всякий раз оказывала ему ледяной прием, который мы только что попытались описать.

Однако независимо от того, истинным или напускным было выказываемое им пренебрежение к Марии Антуанетте, кардинал, повинувшись какому-то непреодолимому чувству, в действительности все прощал своей врагине и не упускал ни малейшей возможности приблизиться к ней, а средств у него для это хватало: принц Луи де Роган был первым придворным духовником.

Он никогда не жаловался и никому ничего не рассказывал. Узкий кружок друзей, среди которых выделялся немецкий офицер барон фон Планта, служил ему утешением после королевских немилостей, а придворные дамы, в своей суровости к кардиналу не вполне следовавшие примеру королевы, похвастаться столь счастливым результатом, увы, не могли.

Итак, кардинал скользнул, словно тень, по веселой картине, развернувшейся в воображении королевы, поэтому, едва он ушел, как Мария Антуанетта успокоилась и обратилась к принцессе де Ламбаль:

– Вы знаете, мне кажется, что поступок этого молодого офицера, племянника господина байи, – один из самых замечательных в этой войне. Как, кстати, его зовут?

– По-моему, господин де Шарни, – ответила принцесса.

С этими словами она повернулась к Андреа и осведомилась:

– Не так ли, мадемуазель де Таверне?

– Да, ваша светлость, Шарни, – ответила Андреа.

– Нужно, – продолжала королева, – чтобы господин де Шарни сам рассказал нам этот эпизод, не упуская ни малейшей подробности. Пусть его найдут. Он еще здесь?

Один из офицеров поспешил к дверям, чтобы выполнить поручение королевы.

В тот же миг она огляделась и, заметив Филиппа, со свойственным ей нетерпением проговорила:

– Господин де Таверне, пойдите же, посмотрите, где он.

Поиски оказались несложными.

Секунду спустя появился г-н де Шарни, шедший между посланцами королевы.

Окружавшие королеву придворные расступились, и она смогла внимательно разглядеть молодого человека, для чего раньше ей не представлялось случая.

Лет двадцати семи – двадцати восьми, он был строен, широкоплеч, с изящными ступнями. Его тонкое, мягкое лицо выражало необычайную внутреннюю силу всякий раз, как он начинал пристально всматриваться во что-то большими голубыми глазами.

Для человека, только что вернувшегося с войны в Индии, он был поразительно белокож – в такой же степени, в какой Филипп был смугл; над галстуком виднелась сильная, прекрасной формы шея, еще более белая, нежели сам галстук.

Подойдя к кучке придворных, среди которых стояла королева, он ничем не выдал, что знаком с мадемуазель де Таверне или с самой Марией Антуанеттой.

Учтиво отвечая на расспросы окружавших его офицеров, он, казалось, совершенно забыл, что с ним только что говорил король, а королева смотрит на него.

Мария Антуанетта, тонко чувствующая все, что касалось движений человеческой души, не могла не заметить его вежливость и сдержанность.

Г-ну де Шарни хотелось скрыть свое удивление при виде дамы из экипажа не только от других. Он искренне желал сделать все возможное, чтобы она не догадалась, что ее узнали.

Поэтому г-н де Шарни поднял свой естественный и в меру скромный взгляд лишь тогда, когда королева сама обратилась к нему.

– Господин де Шарни, – проговорила она, – эти дамы испытывают желание – вполне объяснимое, поскольку я тоже его разделяю, – как можно подробнее узнать о вашем приключении на корабле. Расскажите, прошу вас.

– Государыня, – в наступившей тишине ответил молодой моряк, – я умоляю ваше величество, и не из скромности, а из человечности, не настаивать на рассказе о том, что сделал я как лейтенант «Строгого». Десяток офицеров, моих товарищей, намеревались сделать то же самое, я лишь опередил их – вот и вся моя заслуга. Что же касается подробностей, которым придавал значение его величество – нет, государыня, они ни к чему, и вы поймете это вашим великодушным королевским сердцем.

Дело в том, что бывший командир «Строгого», смелый офицер, в тот день просто потерял голову. Увы, государыня, вы, должно быть, слышали, что даже самые отважные не всегда бывают на высоте положения. Ему нужно было всего десять минут, чтобы взять себя в руки, наша решимость не сдаваться дала ему эту передышку, и к нему вернулась отвага. С этого момента он был смелее нас всех, вот почему я и умоляю ваше величество не переоценивать моих заслуг и не губить тем самым несчастного, который целыми днями терзается из-за своей минутной слабости.

– Хорошо, хорошо, – сказала королева, тронутая и обрадованная благосклонным ропотом, который вызвали слова молодого офицера у слушателей, – насколько я могу судить, вы порядочный человек, господин де Шарни.

При этих словах офицер поднял голову, и юношеский румянец окрасил его лицо. Взгляд молодого человека с некоторым испугом скользнул с королевы на Андреа. Он опасался этой благородной и столь отважной в своем благородстве женщины.

И действительно, для господина де Шарни испытания еще не закончились.

– Да будет вам всем известно, – продолжала королева, – что господин де Шарни, этот недавно прибывший к нам молодой и никому не знакомый офицер, был хорошо нам знаком и раньше и заслуживает внимания и восхищения всякой женщины.

Все поняли, что королева собирается рассказать какую-то историю, из которой можно будет либо почерпнуть сведения о небольшом скандале, либо узнать небольшой секрет. Круг около королевы сомкнулся, все, затаив дыхание, приготовились слушать.

– Вообразите себе, сударыни, – начала королева, – что, оказывается, господин де Шарни столь же снисходителен к дамам, сколь безжалостен к англичанам. Мне рассказали о нем одну историю, которая, говорю прямо, делает ему честь в моих глазах.

– О, сударыня!.. – пролепетал молодой офицер.

Слова королевы, сказанные в присутствии того, кого они касались, имели своей целью усугубить любопытство аудитории.

По собравшимся пробежала дрожь нетерпения.

Шарни, чей лоб покрылся испариной, готов был отдать год жизни за то, чтобы снова очутиться в Индии.

– Вот как было дело, – продолжала королева. – Две знакомые мне дамы опаздывали домой, и в этот миг путь им преградила толпа. Они подвергались серьезной опасности. В это время случайно или, вернее, к счастью мимо проходил господин де Шарни. Он раздвинул толпу и, не зная, кто эти дамы, поскольку выяснить это было трудно, взял их под свою защиту и отвез довольно далеко... кажется, лье за десять от Парижа.

– О, ваше величество преувеличивает, – возразил, смеясь, Шарни, успокоенный оборотом, который принял рассказ.

– Ладно, пусть пять лье, и не будем больше об этом, – внезапно вмешался в разговор граф д'Артуа.

– Не возражаю, брат мой, – согласилась королева. – Но самое приятное заключается в том, что господин де Шарни даже не пытался узнать, как зовут дам, которым он оказал услугу, а просто высадил их там, где они указали, и уехал, ни разу не обернувшись, так что они воспользовались его защитой безо всякого для себя беспокойства.

Послышались возгласы восхищения, десятка два дам в один голос осыпали Шарни комплиментами.

– Прекрасно, не правда ли? – заключила королева. – Рыцарь Круглого Стола не смог бы поступить благороднее.

– Восхитительно! – хором воскликнули присутствующие.

– Господин де Шарни, – снова заговорила королева, – король, без сомнения, отблагодарит господина де Сюффрена, вашего дядюшку, а я со своей стороны хотела бы что-нибудь сделать для племянника этого великого человека.

И она протянула ему руку.

Пока Шарни, побледневший от радости, прижимал ее к губам, Филипп, побледневший от горя, спрятался за широкой занавеской гостиной.

Но тут голос графа д'Артуа прервал эту сцену, столь любопытную для наблюдателя.

– О, брат мой, граф Прованский, – громко проговорил он, – входите же, входите! Какую сцену вы пропустили – прием господина де Сюффрена. Этот миг не забудет ни одно французское сердце! Но какого дьявола вы опоздали – это вы-то, такой любитель точности?

Граф Прованский, поджав губы, рассеянно приветствовал королеву и отделался от брата какой-то пустой фразой.

Затем он вполголоса спросил у г-на де Фавра, капитана его охраны:

– Каким образом он оказался в Версале?

– Эх, ваше высочество, – ответил тот, – я уже целый час ничего не могу понять.

13. Сто луидоров королевы

Теперь, когда мы познакомили наших читателей с главными персонажами этой истории или же просто напомнили о них, теперь, когда мы провели читателей и в домик графа д'Артуа, и во дворец Людовика XIV в Версале, теперь мы возвратимся в дом на улице Сен-Клод, на пятый этаж которого приходила инкогнито королева Франции в сопровождении Андреа де Таверне.

Как только королева ушла, г-жа де Ламотт принялась, как нам известно, радостно считать и пересчитывать сто луидоров, так волшебным образом свалившихся на нее с неба.

На столе лежали пятьдесят хороших двойных луидоров, по сорок восемь ливров в каждом; поблескивая в свете ламп, они, казалось, своим аристократизмом унижали эту убогую лачугу.

Полюбовавшись на деньги, г-жа де Ламотт решила, что их должен увидеть еще кто-нибудь. Само по себе обладание ими было для нее ничто, если оно ни в ком не возбуждало зависть.

Ей давно уже претило, что горничная – свидетельница ее нищеты, и теперь ей захотелось сделать ее свидетельницей своего неожиданного богатства.

И вот, направив свет лампы так, что золото заблестело во всей своей красе, она окликнула г-жу Клотильду, сидевшую в прихожей:

– Клотильда!

Горничная вошла в комнату.

– Подойдите и взгляните сюда, – приказала г-жа де Ламотт.

– О, сударыня! – всплеснув руками и вытянув шею, воскликнула старуха.

– Вы, кажется, беспокоились о своем жалованье? – осведомилась графиня.

– Что вы, сударыня, у меня и в мыслях такого не было. Господи, я просто спрашивала у вас, госпожа графиня, когда вы сможете мне заплатить. Ничего удивительного, ведь я не получаю от вас денег уже три месяца.

– Как вы считаете, теперь у меня есть из чего вам заплатить?

– Господи Иисусе! Имей я столько денег, я считала бы себя обеспеченной на всю жизнь!

Г-жа де Ламотт пожала плечами и с нескрываемым презрением посмотрела на старуху.

– К счастью, – сказала она, – кое-кто еще помнит имя, которое я ношу. А вот те, кому следовало бы об этом помнить, забыли.

– На что же вы истратите такую кучу денег? – спросила г-жа Клотильда.

– На все!

– По-моему, сударыня, самое главное – это прежде всего как следует устроить мне кухню. Раз у вас теперь есть деньги, вы ведь дадите обед, верно?

– Тс-с! – прислушалась г-жа де Ламотт. – Кто-то стучит!

– Вы ошибаетесь, сударыня, – шадя по обыкновению свои ноги, возразила старуха.

– А я говорю – стучат.

– Уверяю вас, сударыня...

– Пойдите посмотрите.

– Но я ничего не слышала.

– Вот-вот, как в прошлый раз: тогда вы тоже ничего не слышали. Что ж, по-вашему, эти дамы удалились, не входя сюда?

Сей довод подействовал на г-жу Клотильду, и она направилась к двери.

– А теперь слышите? – вскричала г-жа де Ламотт.

– И верно, – согласилась старуха. – Иду, иду.

Г-жа де Ламотт поспешно сгребла со стола монеты и бросила их в ящик.

Закрывая его, она пробормотала:

– Неужто провидение посылает мне еще сотню луидоров? Слова эти были произнесены с такой алчностью и вместе с тем столь скептически, что даже Вольтер улыбнулся бы, их услышав.

Тем временем дверь на лестницу отворилась, и в первой комнатухе послышались мужские шаги.

Г-жа Клотильда обменялась с мужчиной несколькими фразами, но о чем шла речь, графиня не расслышала.

Затем дверь затворилась, шаги на лестнице затихли, и старуха вернулась в комнату с письмом в руке.

– Прошу вас, – проговорила она, протягивая его хозяйке. Графиня внимательно рассмотрела почерк на конверте, сам конверт и печать, после чего подняла голову и спросила:

– Это был слуга?

– Да, сударыня.

– В какой ливрее?

– Ливреи на нем не было.

– Значит, обычный серокафтанник?

– Да.

– Этот герб уже попадался мне на глаза, – еще раз взглянув на печать, заметила г-жа де Ламотт.

Затем, поднеся печать к свету, она продолжала:

– Девять золотых ромбов на красном поле... У кого же такой герб?

Порывшись несколько секунд в памяти, графиня наконец сдалась.

– Посмотрим-ка, что в письме, – пробормотала она. Осторожно, чтобы не повредить печать, она вскрыла конверт и прочла:

«Сударыня, особа, к которой вы обращались, может увидаться с вами завтра вечером, если вы сообразоволяете отпереть ей дверь».

– И это все?

Графиня снова напрягла память.

– Писала-то я многим, – проронила она. – Но все-таки кому же? Да всем на свете. Интересно, кто это мне ответил: мужчина или женщина? По почерку не узнать... нет... истинно секретарский почерк. Слог? Слог покровителя – вялый и старомодный.

Она повторила:

– «Особа, к которой вы обращались»... Этими словами меня хотят унижить. Писала явно женщина.

Графиня принялась читать дальше:

– «...может увидаться с вами завтра вечером, если вы сообразоволяете отпереть ей дверь». Женщина написала бы: «Будет ждать вас завтра вечером». Нет, это мужчина. Но лучше бы это была какая-нибудь из прежних знатных дам... Подписи нет... Но у кого же на гербе девять золотых ромбов на красном поле? Ах! – внезапно воскликнула она. – Да что это я, совсем спятила? Это же герб Роганов, черт возьми! Нуда, я писала господину де Гемене⁴³ и господину де Рогану, и один из них мне ответил. Все ясно... Однако гербовый щит не поделен на четыре поля, значит, письмо от кардинала... Ах, этот кардинал де Роган! Этот рыцарь, дамский угодник и честолюбец придет к госпоже де Ламотт, если та отперет ему дверь! Прекрасно, он может не беспокоиться, дверь будет отперта... Когда это? Ах, да, завтра вечером.

И графиня размечталась.

⁴³ Де Гемене – ветвь рода Роганов.

– Даму-благотворительницу с ее сотней луидоров милостыни можно принять и в убогой комнатухе. Она может мерзнуть на моем ледяном полу и мучиться на моих стульях, жестких, словно решетка святого Лаврентия⁴⁴, только что без огня. Но князь церкви, завсегдатай будуаров, покоритель сердец? Нет, нет, раз ко мне приходит подобный благотворитель, нужно здешнее убожество превратить в роскошь, да в такую, какую и не у всякого богача отыщешь.

Затем, повернувшись к горничной, как раз закончившей стелить постель, она приказала:

– Завтра, госпожа Клотильда, не забудьте разбудить меня пораньше.

И графиня сделала старухе знак удалиться – по-видимому, для того, чтобы та не мешала ей размышлять.

Г-жа Клотильда раздула огонь, совсем уже было погасший под слоем пепла, от чего комната стала еще более неприглядной, закрыла за собой дверь и удалилась в пристройку, где помещалась ее постель.

А Жанна де Валуа, вместо того чтобы спать, всю ночь строила планы. Она что-то записывала карандашом при свете ночника и лишь около трех утра, вполне уверенная в завтрашнем дне, позволила себе погрузиться в сон, из которого г-жа Клотильда, спавшая не намного больше своей хозяйки, послушно вырвала ее на рассвете.

К восьми утра графиня завершила свой туалет, надев изящное шелковое платье и со вкусом причесавшись.

Обувшись, как знатная дама и в то же время как хорошенькая женщина, наведя на левой щеке мушку и надев на запястье вышитую сумочку, она послала за креслом на колесиках туда, где обычно ожидает транспорт этого рода, то есть на улицу Понт-о-Шу.

Она предпочла бы портшез, но за ним нужно было идти слишком далеко.

Здоровенный овернец, подкативший к дому кресло, получил приказ доставить графиню на Королевскую площадь, где под южной аркадой, в первом этаже заброшенного особняка, помещался сьер Фенгре, мебельщик и обойщик, продававший и сдававший внаем по сходной цене подержанную мебель.

Овернец резво покатил кресло с улицы Сен-Клод к Королевской площади.

Минут через десять графиня высадилась у магазина сьера Фенгре, где, не переставая восхищаться, принялась выбирать мебель среди хаоса, который мы попробуем описать.

Представьте себе помещение футов пятидесяти длиной, тридцати шириной и семнадцати высотой, стены которого увешаны коврами времен правления Генриха IV и Людовика XIII, с потолка среди множества прочих вещей свисают жирандоли XVII века, соседствующие с чучелами ящериц, и церковные паникадила – рядом с чучелами летучих рыб.

На полу лежат груды ковров и циновок, стоят шкафы на четырехугольных ножках, украшенные витыми колоннами, дубовые резные буфеты, консоли времен Людовика XV на золоченых лапах, диваны, обитые розовой камкой или плюшем; канапе, поместительные кожаные кресла, какие любил Сюлли⁴⁵, шкафчики черного дерева с резными филенками, обрамленными медными полуваликами; столы работы Буля со столешницами, покрытыми эмалью или фарфором; доски для триктрака, разукрашенные туалеты; комоды с маркетри, изображающими музыкальные инструменты и цветы.

Кровати из розового дерева или дубовые, на постаментах и под балдахинами, занавеси из самых разных тканей, любых фасонов и расцветок, струящиеся, переплетающиеся, гармонизирующие друг с другом или режущие глаз в полутьме магазина.

⁴⁴ Христианского мученика св. Лаврентия (III в.) казнили, привязав к железной решетке, под которой находились раскаленные угли.

⁴⁵ Сюлли, Максимилиен де Бетюн, барон Рони (1560–1641) – с 1606 г. герцог де Сюлли, приближенный Генриха IV, министр финансов.

Клавесины, спинеты, арфы, систры на небольшом столике; большая собака из розовой в цветочек материи с эмалевыми глазами.

Всякого рода белье, платья, бархатные камзолы; стальные, серебряные и перламутровые эфесы шпаг.

Канделябры, старинные портреты, гризайли, гравюры в рамках, разнообразные подделки под Берне⁴⁶, бывшего в ту пору в моде, – того самого Берне, которому столь любезно и тонко сказала как-то королева:

– Право, господин Берне, во Франции никто, кроме вас, не умеет делать погоду дождливой или ясной.

⁴⁶ Берне, Клод Жозеф (1714–1789) – французский живописец-маринист.

14. Сьер Фенгре

Все это великолепие прельщало взоры и, соответственно, смущало умы владельцев весьма скромных состояний, заходивших в магазин сьера Фенгре на Королевской площади.

Все товары здесь были не новыми, о чем честно возвещала вывеска, но, находясь вместе, выгодно оттеняли друг друга и в итоге стоили гораздо больше, нежели могли того желать самые гордые из покупателей.

Г-жа де Ламотт, попав в эту сокровищницу, сразу поняла, чего ей не хватает на улице Сен-Клод.

Ей не хватало гостиной, чтобы поставить туда диван и кресла.

Столовой, чтобы разместить в ней буфеты, горки и поставцы.

Будуара для кретоновых занавесок, маленьких одноногих столиков и ширм.

Но главное, чего ей недоставало, будь даже у нее гостиная, столовая и будуар, – это денег, чтобы купить мебель для новой квартиры.

Однако с парижскими мебельщиками можно было договориться во все времена, и нам не доводилось слышать, чтобы молодая хорошенькая женщина умерла на пороге двери, которую так и не смогла заставить себя открыть.

В Париже то, что не покупают, берут внаем; именно жители меблированных комнат ввели в обиход поговорку: «Узреть – значит иметь».

Г-жа де Ламотт, в надежде взять мебель внаем и приняв для этого необходимые меры, принялась разглядывать гарнитур, обитый желтым шелком и с золочеными ручками, который ей сразу пришелся по душе. Она была брюнеткой.

Однако разместить на пятом этаже дома на улице Сен-Клод этот гарнитур из шести предметов было просто невысказано.

Для него следовало снять четвертый этаж, куда входили прихожая, столовая, небольшая гостиная и спальня.

Она полагала, что милостыню от кардиналов можно принимать лишь на четвертом этаже, а от благотворительного общества – на пятом; то есть, находясь в роскоши, – от тех, кто делает это напоказ, а находясь в нищете, – от людей с предрассудками, не любящими давать тем, кто в этом нуждается.

Приняв такое решение, графиня обратила взор в темный угол магазина – туда, где находилось главное великолепие: хрусталь, позолота и стекло.

Там, держа в руке колпак, с нетерпеливой и несколько насмешливой улыбкой на лице стоял парижский буржуа и крутил на сомкнутых указательных пальцах ключ.

Этот достойный надзиратель за подержанными вещами был никто иной, как г-н Фенгре, которому приказчики уже доложили о визите красивой дамы, приехавшей в кресле.

Сами приказчики трудились во дворе; одеты они были в облегающее короткое платье из грубой шерсти и камлота и довольно веселенькие чулки. Они с помощью совсем уж старой мебели реставрировали не такую старую или, другими словами, потрошили старые диваны, кресла и подушки, чтобы добытым конским волосом и пером набить их преемников.

Один чесал конский волос, щедро смешивал его с паклей и заталкивал все это в ремонтируемую мебель.

Другой мыл хорошо сохранившиеся кресла.

Третий гладил куски материи, вымытые ароматическим мылом.

Вот таким манером и делалась прекрасная мебель, которой так восхищалась г-жа де Ламотт.

Г-н Фенгре, заметив, что его клиентка может обратить внимание на действия приказчиков и сделать из них неблагоприятные для него выводы, затворил застекленную дверь, выходящую во двор, чтобы пыль не попала в глаза г-же...

– Госпоже?... – и он умолк.

Это был вопрос.

– Госпоже графине де Ламотт-Валуа, – беззаботно ответила графиня.

Услыхав столь звучное имя, г-н Фенгре разнял указательные пальцы, сунул ключ в карман и подошел поближе.

– О, – проговорил он, – вы, сударыня, ничего здесь для себя не найдете. У меня есть кое-что получше: новехонькое, красивое, чудесное. Хотя вы и оказались на Королевской площади, сударыня, вам не следует думать, что в магазине Фенгре нет мебели, которая может сравниться с той, какой располагает королевский мебельщик. Оставьте все это, сударыня, прошу вас, и давайте пройдем в другой магазин.

Жанна зарделась.

Все, что она здесь увидела, показалось ей столь прекрасным, что она даже не мечтала добыть себе хоть что-нибудь.

Вне всякого сомнения польщенная благоприятным мнением о ней г-на Фенгре, она даже невольно испугалась, что он, быть может, несколько ошибся.

Она выбрала себя за гордыню и пожалела, что не представилась простою горожанкой.

Однако быстрый ум умеет извлечь выгоду даже из собственной оплошности.

– Нет, сударь, – возразила она, – новая мебель мне не нужна.

– Сударыня, по-видимому, желает обставить квартиру кому-нибудь из друзей?

– Вот именно, сударь, квартиру друга. Вы же понимаете, что для квартиры друга...

– Безусловно. Выбирайте, сударыня, – ответил Фенгре, хитрый, как любой парижский торговец, которому самолюбие отнюдь не мешает продавать подержанные вещи наряду с новыми, если на них тоже можно неплохо заработать.

– Ну, к примеру, этот гарнитур с золотыми ручками, – проговорила графиня.

– Но он невелик, сударыня, в нем только десять предметов.

– Комната тоже невелика, – отозвалась графиня.

– Он совсем новый, сами видите, сударыня.

– Новый... для нашего случая.

– Разумеется, – рассмеялся г-н Фенгре. – Но как бы там ни было, он стоит восемьсот ливров.

Цена заставила графиню вздрогнуть: ну разве возможно признать, что наследница рода Валуа довольствуется подержанной мебелью, но не может заплатить за нее восемьсот ливров.

Она решила сделать вид, что у нее скверное настроение.

– Но я не собираюсь ничего покупать, сударь! – воскликнула она. – Откуда вы взяли, что я хочу купить это старье? Речь идет о том, чтобы взять что-нибудь внаем, и к тому же...

Фенгре поморщился: посетительница постепенно теряла для него интерес. Она не собиралась покупать новую или даже подержанную мебель, а хотела лишь взять внаем.

– Значит, вы желаете этот гарнитур с золотыми ручками, – вымолвил он, – Вы возьмете его на год?

– Нет, на месяц. Мне нужно обставить квартиру для человека, приехавшего из провинции.

– На месяц будет стоить сто ливров, – сообщил г-н Фенгре.

– Вы, должно быть, шутить изволите, сударь? Ведь если так, то через восемь месяцев мебель уже станет моей.

– Согласен, госпожа графиня.

– И что же?

– Ну, раз она станет вашей, стало быть, не будет уже моею, и мне придется ее ремонтировать, освежать – ведь все это стоит денег.

Г-жа де Ламотт задумалась.

«Сто ливров в месяц – это слишком много, – размышляла она. – Однако будем рассуждать: или через месяц это окажется для меня дорого и я верну мебель, оставив о себе у мебельщика выгодное мнение, или через месяц я смогу заказать новую мебель. Я рассчитывала истратить пятьсот-шестьсот ливров. Не будем мелочиться из-за какой-то сотни экю».

– Я беру этот гарнитур с золотыми ручками для гостиной и подходящие к нему занавески, – наконец заявила она.

– Слушаюсь, сударыня.

– А ковры?

– Вот, прошу вас.

– А что вы предложите мне для другой комнаты?

– Пожалуйста: зеленые банкетки, дубовый шкаф, стол с гнутыми ножками и зеленые камчатые занавески.

– Хорошо. А для спальни?

– Эту широкую, удобную кровать с прекрасным бельем, вот это бархатное стеганое одеяло, шитое розовым и серебром, вот эти голубые занавески и каминный прибор – несколько в готическом стиле, но зато с богатой позолотой.

– Что в будуар?

– Вот кружева из Мехельна, извольте взглянуть, сударыня. А вот комод с изящным маркетри, такая же шифоньерка, обитый гобеленом диван, стулья с той же обивкой, красивый каминный прибор из спальни госпожи де Помпадур в Шуази.

– И сколько за все это?

– На месяц?

– Да.

– Четыреста ливров.

– Послушайте, сьер Фенгре, не принимайте меня, пожалуйста, за какую-нибудь гризетку. Знатным людям, вроде меня, так просто пыль в глаза не пустишь. Сами подумайте: четыреста ливров в месяц – это четыре тысячи восемьсот ливров в год, а за такие деньги я могу обставить целый особняк.

Г-н Фенгре почесал в ухе.

– Вы отбиваете у меня охоту приходить к вам на Королевскую площадь.

– Я в отчаянии, сударыня.

– Так докажите это. Завею эту мебель я хочу дать вам сто экю, не больше.

Эти слова Жанна произнесла столь властно, что мебельщик снова подумал о будущем.

– Согласен, сударыня, – уступил он.

– И при одном условии, сьер Фенгре.

– Каком же, сударыня?

– Все должно быть привезено и расставлено в квартире, которую я вам укажу, к трем часам пополудни.

– Но уже десять, сударыня! Послушайте – как раз бьет десять.

– Ну, так да или нет?

– Куда нужно везти, сударыня?

– На удину Сен-Клод, на Болоте.

– Это что в двух шагах отсюда?

– Совершенно верно.

Мебельщик отворил дверь во двор и крикнул:

– Сильвен! Ландри! Реми!

Трое приказчиков подбежали, довольные поводом прервать работу и поглазеть на красивую даму.

– Беритесь-ка за носилки и тележки, судари мои! Реми, грузите гарнитур с золотыми ручками. Вы, Сильвен, прихожую на тележку, а вы, Ландри, – малый осторожный, поэтому повезете спальню... Теперь благоволите заплатить, сударыня, а я напишу расписку.

– Вот шесть двойных луидоров, – сказала графиня, – и один простой. С вас еще сдача.

– Прошу вас: два шестиливровых экю, сударыня.

– Которые я отдам одному из этих господ, если дело будет сделано как надо, – отозвалась графиня.

После этого, сообщив свой адрес, она снова села в кресло на колесиках.

Через час она уже сняла четвертый этаж, а через два гостиная, прихожая и спальня были полностью обставлены.

Минут через десять шесть ливров переключевали к гг. Ландри, Реми и Сильвену.

Когда во вновь обставленной квартире были вымыты окна и разожжен огонь, Жанна занялась своим туалетом и часа два наслаждалась, ступая по пушистым коврам, греясь в тепле среди завешенных штофом стен и вдыхая аромат нескольких гвоздик, купавших свои стебли в японской вазе, а головки – в нагретом воздухе комнаты.

Г-н Фенгре не забыл ни о позолоченных бра со свечами, ни о люстрах, висевших по обеим сторонам окна и снабженных стеклянными подвесками, которые в сиянии восковых свечей переливались всеми цветами радуги.

Камин, свечи, благоуханные розы... Жанна использовала все, что могла, для украшения рая, предназначенного ею для приема его высокопреосвященства.

Она позаботилась даже о том, чтобы через кокетливо приоткрытую дверь спальни виднелось приятное красноватое пламя в камине, отблески которого выхватывали из темноты ножки кресел, деревянную спинку кровати и подставку для дров г-жи де Помпадур в виде химер, на коей покоились когда-то очаровательные ножки маркизы.

Однако этим кокетство Жанны не ограничилось.

Если огонь в камине освещал ее таинственную комнату, а ароматы говорили о присутствии в ней женщины, то сама женщина обладала породой, красотой, умом и вкусом, достойным его высокопреосвященства.

Жанна оделась с изысканностью, которая явно озадачила бы г-на де Ламотта, ее отсутствующего супруга. Но она чувствовала себя достойной квартиры и мебели, взятой внаем у сьера Фенгре.

Жанна перекусила, но слегка, чтобы сохранить ясность мысли и интересную бледность, после чего пришла в спальню и расположилась в глубоком кресле, стоявшем у камина.

С книгой в руках, положив ноги в домашних туфлях на скамеечку, она ждала, прислушиваясь одновременно и к тиканью часов, и к отдаленному шуму карет, изредка нарушавшему спокойствие пустынного Болота.

Она ждала. Часы прозвонили девять, затем десять и одиннадцать.

Никто не появлялся ни в карете, ни пешком.

Одиннадцать! Для галантного прелата – самое время, укрепив свою потребность в милосердии ужином в ближайшем предместье, приехать на улицу Сен-Клод и порадоваться, что такой дешевой ценою он может проявить человеколюбие и благочестие.

На церкви Жен-мироносиц заунывно пробило полночь.

Ни прелата, ни кареты; свечи догорали, и некоторые из них уже покрыли своим прозрачным воском чашечки подсвечников из позолоченной меди.

Поленья, которые время от времени со вздохом подбрасывались в камин, превратились сначала в угли, потом в золу. В обеих комнатах сделалось душно, словно в Африке.

Сидевшая наготове старуха-служанка ворчала, оплакивая свой чепец с кокетливыми лентами: когда она клевала носом перед свечой в прихожей, ленты эти серьезно пострадали – какая от пламени, какая от растопленного воска.

В половине первого Жанна в ярости вскочила с кресла, которое на протяжении вечера покидала неоднократно, чтобы отворить окно и бросить взгляд в глубину улицы.

Однако в квартале царила безмятежность, как до сотворения мира.

Жанна разделась, отказалась поужинать и отправила старуху прочь, поскольку ее расспросы уже начали ей докучать.

Оставшись одна среди шелковых драпировок, она отдернула красивый полог и улеглась в свою превосходную постель, но, несмотря на все это, заснула не скорее, чем накануне: в прошлую ночь надежда рождала в ней беззаботность.

Между тем, привыкнув стойко справляться с ударами судьбы, Жанна отыскивала оправдания для кардинала.

Прежде всего он был главным раздавателем милостыни и имел поэтому тысячу всяких непростых дел, куда более важных, чем визит на улицу Сен-Клод.

А потом, он ведь не был знаком с крошкой Валуа – оправдание для Жанны весьма утешительное. Вот если г-н де Роган нарушит слово после первого визита, тогда она, разумеется, будет безутешна.

Однако эта придуманная Жанной причина нуждалась в подтверждении своей справедливости.

Не долго думая, Жанна, одетая в белый пеньюар, соскочила с кровати, зажгла в ночнике свечи и принялась разглядывать себя в зеркале.

После тщательного осмотра она улыбнулась, задула свечи и снова легла. Оправдание было вполне веским.

15. Кардинал де Роган

На следующее утро Жанна, отнюдь не упав духом, начала приводить в порядок себя и свою квартиру.

Зеркало сказала ей, что г-н де Роган явится, как бы мало он ни был о ней наслышан.

И вот, когда пробило семь и в гостиной уже ярко пылал камин, на улицу Сен-Клод въехала карета.

Жанна не успела даже почувствовать нетерпение и еще ни разу не подбегала к окну.

Из кареты вылез мужчина, укутанный в толстый редингот, затем двери дома за ним затворились, и карета отъехала в соседний переулок дожидаться возвращения хозяина.

Вскоре послышался звонок. Сердце г-жи Ламотт оглушительно застучало.

Однако, не желая поддаться безрассудному чувству, Жанна приказала сердцу умолкнуть, поправила на столе вышитую скатерть, на клавесине – ноты новой арии, а на каминной полке – газету.

Спустя несколько секунд появилась г-жа Клотильда и объявила:

– Человек, который позавчера вам писал.

– Проси, – отозвалась Жанна.

Красивый мужчина в чуть поскрипывающих башмаках, разодетый в шелк и бархат, с высоко поднятой головой и казавшийся в маленькой комнате чуть не десяти локтей росту, легким шагом вошел к гостиную. Жанна поднялась ему навстречу. Ее неприятно поразило то обстоятельство, что он пожелал сохранить инкогнито.

Поэтому, решив воспользоваться преимуществом решившейся на что-то женщины, она спросила, присев в реверансе, более уместном не для протезе, но для покровительницы:

– С кем имею честь говорить?

Принц бросил взгляд на дверь гостиной, за которой скрылась старуха, и ответил:

– Я — кардинал де Роган.

На это г-жа де Ламотт, заставив себя зардеться и изобразить смирение и конфуз, сделала глубокий реверанс, словно находилась перед королем.

Затем, вместо того чтобы сесть на стул, как того требовал этикет, она придвинула кресло и преспокойно опустилась в него.

Кардинал, увидев, что церемониться здесь ни к чему, положил шляпу на стол и, встретив взгляд Жанны, осведомился:

– Так это верно, мадемуазель?

– Сударыня, – поправила Жанна.

– Прошу прощения, я позабыл. Так это верно, сударыня?

– Мой муж – граф де Ламотт, ваше высокопреосвященство.

– Прекрасно, сударыня, он, кажется, королевский гвардеец?

– Да, монсеньор.

– А вы, сударыня, урожденная Валуа.

– Совершенно верно, монсеньор. Валуа.

– Славное имя! – положив ногу на ногу, заметил кардинал. – Но теперь оно редко, род этот угас.

Жанна угадала сомнения де Рогана.

– Все не угас, монсеньор, – возразила она. – Его ношу я, а также мой брат, барон де Валуа.

– Это признано?

– Ни в каком признании нет необходимости, монсеньор. Богат мой брат или беден, он все равно останется тем, кем родился, – бароном де Валуа.

– Расскажите о себе поподробнее, сударыня, вы пробудили во мне любопытство. Обожаю геральдику!

Просто и небрежно Жанна рассказала кардиналу все, что уже известно читателям.

Кардинал слушал, не сводя с нее взгляда.

Он не трудился скрывать свои впечатления. Да и к чему: кардинал не верил в то, что Жанна знатна, он просто разглядывал хорошенькую, но бедную женщину.

Жанна, замечавшая все, догадалась, насколько низко расценивает ее будущий покровитель.

– Выходит, – небрежно проговорил г-н де Роган, – вы и в самом деле претерпели множество несчастий?

– Я не жалуюсь, монсеньор.

– В сущности, ваши трудности были мне расписаны в слишком черных красках.

Кардинал обвел взглядом комнату.

– Жилье у вас удобное и вполне прилично обставлено.

– Для гризетки – несомненно, – сухо ответила Жанна, горя желанием поскорее приступить к делу. – В этом вы правы, монсеньор.

Кардинал заерзал в кресле.

– Как! – воскликнул он. – И вы утверждаете, что это – меблировка для комнаты гризетки?

– Не думаю, монсеньор, что вы назовете ее достойной принцессы, – отчеканила Жанна.

– А вы и есть принцесса, – заметил кардинал с тою неуловимой иронией, какая, не делая их слова оскорбительными, свойственна лишь очень умным или знатным людям.

– Я — урожденная Валуа, монсеньор, так же, как вы – Роган. Это все, что я могу сказать, – ответила Жанна.

Эти слова были произнесены с таким спокойным величием человека, оскорбленного в своем горе, с таким достоинством женщины, которая считает, что ее недооценивают, прозвучали столь естественно и в то же время благородно, что принц не почувствовал обиды, но как мужчина смутился.

– Сударыня, – проговорил он, – я совершенно забыл, что мне следовало начать с извинений. Я писал, что приеду вчера, но был занят в Версале на приеме в честь господина де Сюффрена. Поэтому мне и пришлось отказать себе в удовольствии посетить вас.

– Ваше высокопреосвященство и так оказали мне большую честь, вспомнив обо мне сегодня. Господин граф де Ламотт, мой муж, будет весьма сожалеть о своем изгнании, где его удерживает нищета, что лишило его возможности насладиться обществом столь прославленной особы.

Слово «муж» привлекло внимание кардинала.

– Так вы живете одна, сударыня? – поинтересовался он.

– Совершенно одна, монсеньор.

– Это, должно быть, приятно для молодой и хорошенькой женщины.

– Эго, монсеньор, естественно для женщины, которая чувствует себя не на месте нигде, кроме света, недоступного ей из-за ее бедности.

Кардинал прикусил язык.

– Кажется, – заговорил он снова, – знатоки по части генеалогии не ставят под сомнение вашу родословную?

– А что толку? – презрительно откликнулась Жанна, очаровательно потряхнув завитыми и напудренными локонами на висках.

Кардинал пододвинул свое кресло – словно для того, чтобы его ноги оказались поближе к огню.

– Сударыня, – сказал он, – я хотел да и теперь хочу знать, чем бы я мог быть вам полезен.

- Ничем, монсеньор.
- Как это ничем?
- Ваше высокопреосвященство и так слишком ко мне добры.
- Давайте же говорить откровенно.
- Я и так откровенна дальше некуда, монсеньор.
- Но вы ведь только что жаловались, – возразил кардинал и обвел глазами комнату, словно желая напомнить Жанне ее слова насчет меблировки комнаты для гризетки.
- Совершенно верно, жаловалась.
- Так как же, сударыня?
- Я вижу, ваше высокопреосвященство желает подать мне милостыню, не так ли?
- Но сударыня!..
- Так оно и есть. Раньше я брала милостыню, но теперь не стану.
- Что вы хотите этим сказать?
- Ваше высокопреосвященство, я унижалась слишком долго, у меня нет более сил.
- Сударыня, вы употребили не то слово. Когда человек в несчастье, это вовсе не позорно...
- С моим-то именем? Послушайте, а вы стали бы просить милостыню, вы, господин де Роган?
- Обо мне речи нет, – смущенно и вместе с тем высокомерно отозвался кардинал.
- Ваше высокопреосвященство, мне известны лишь два способа просить милостыню: в карете или на паперти, в золоте и бархате или в рубище. Еще недавно я и не ожидала, что вы окажете мне честь своим визитом, я считала, что обо мне все забыли.
- Ах, так вы знали, что это я вам написал? – спросил кардинал.
- Я же видела ваш герб на печати, которою было запечатано письмо, что вы соблаговолили мне написать.
- И между тем вы сделали вид, что не узнали меня.
- Это потому, что вы не соизволили приказать, чтобы о вас доложили как следует.
- Что ж, ваша гордость мне по душе, – признался кардинал, вглядываясь в бойкие глаза и надменное лицо Жанны.
- Я говорила о том, – продолжала та, – что еще до встречи с вами приняла решение отказаться от жалких завес, под которыми прячется моя нищета, которые прикрывают наготу моего имени, и, одевшись в рубище, идти, подобно всем нищим христианам, просить подаяние и рассчитывать уже не на свою гордость, а на милосердие прохожих.
- Неужели у вас уже нет средств к существованию, сударыня?
- Жанна промолчала.
- У вас ведь есть где-то земля, ее можно заложить. Или семейные драгоценности – вот эти, к примеру?
- И кардинал указал на шкатулку, которую молодая женщина вертела в своих нежных белых пальцах.
- Эти? – переспросила она.
- Весьма оригинальная вещица, честное слово. Вы позволите? – взяв в руки шкатулку, кардинал с изумлением воскликнул: – О, да тут портрет?
- А вам известен его оригинал? – осведомилась Жанна.
- Но это же Мария Терезия.
- Мария Терезия?
- Да, императрица Австрийская.
- Не может быть! – воскликнула Жанна. – Вы в этом уверены, сударь?
- Вместо ответа кардинал принялся разглядывать коробочку.
- Откуда она у вас? – поинтересовался он.

- От одной дамы, которая была тут позавчера.
- Здесь, у вас?
- Да, у меня.
- От дамы, говорите?

Кардинал с новым вниманием взглянул на шкатулку.

- Точнее, ваше высокопреосвященство, дам было две, – поправились графиня.
- И одна из них оставила вам эту коробочку? – недоверчиво спросил де Роган.
- Нет, мне ее никто не давал.
- Тогда каким же образом она очутилась у вас в руках?
- Дама забыла эту коробочку здесь.

Кардинал задумался, да так глубоко, что заинтригованная графиня де Валуа решила, что ей следует быть начеку.

Наконец кардинал поднял голову и, внимательно глядя на графиню, проговорил:

– А как имя этой дамы? Простите, что задаю вам этот вопрос; мне самому неловко, словно я какой-нибудь судья.

- Действительно, монсеньор, вопрос странный, – заметила г-жа де Ламотт.
- Нескромный – быть может, но странный...
- Странный, повторяю вам. Знай я имя дамы, оставившей здесь эту шкатулку...
- Ну-ну?

– Я уже отослала бы ее обратно. Дама, естественно, дорожит этой вещью, а мне не хотелось бы платить ей неблагодарностью за ее любезный визит, заставляя ждать целых два дня.

– Так вы ее не знаете...

– Нет, мне известно лишь одно: она – одна из руководительниц благотворительного общества.

– В Париже?

– Нет, в Версале.

– В Версале? Руководительница благотворительного общества?

– Ваше высокопреосвященство! Я ничего не имею против женщин, которые оказывают помощь, не унижая человека, и одна из этих дам-благотворительниц, узнав о моем положении, уходя, оставила у меня на камине сотню луидоров.

– Сотню луидоров? – воскликнул кардинал, но, заметив, что Жанна недовольно поморщилась, и не желая ее обидеть, добавил: – Простите, сударыня, меня не удивляет, что вам дали такую сумму, вы заслуживаете всяческого внимания людей, занимающихся благотворительностью, а ваше положение просто повелевает им прийти к вам на помощь. Меня лишь удивило, что вы назвали эту даму руководительницей благотворительного общества – ведь они, как правило, оказывают вспомоществование в меньших размерах. Не могли бы вы описать мне эту даму, графиня?

– Это непросто, – ответила Жанна, чтобы сильнее разжечь любопытство собеседника.

– Почему непросто? Ведь она же была здесь?

– Быть-то была, но, по-видимому, не хотела, чтобы ее узнали, и прятала лицо под большим капюшоном. К тому же она была вся закутана в меха. Впрочем...

Графиня сделала вид, будто пытается что-то вспомнить.

– Впрочем? – подхватил кардинал.

– Кажется, я заметила... Но не могу сказать наверное, ваше высокопреосвященство.

– Что вы заметили?

– Голубые глаза.

– А рот?

– Небольшой, но губы несколько пухлые, особенно нижняя.

- Она была высока или же среднего роста?
- Среднего роста.
- Руки?
- Безупречные.
- Шея?
- Длинная и худая.
- Лицо?
- Суровое и благородное.
- Выговор?
- Она говорила с легким акцентом. Но вы, похоже, знаете, кто это, монсеньор?
- Откуда, графиня? – с живостью возразил прелат.
- Я чувствую это по тому, как вы меня расспрашиваете, и даже по расположению, которое испытывают друг к другу люди, занимающиеся благотворительностью.
- Нет, сударыня, я не знаю, кто это.
- Но у вас, наверное, есть какие-нибудь предположения?
- Откуда же им взяться?
- Вас мог навести на мысль портрет.
- Ах, да, – мгновенно отозвался кардинал, боясь, что может дать пищу для подозрений, – конечно, портрет...
- Так что же говорит вам портрет, ваше высокопреосвященство?
- Мне кажется, что это портрет...
- Императрицы Марии Терезии, не так ли?
- Похоже, что так.
- И вы думаете?..
- Я думаю, что вам нанесла визит какая-то немецкая дама – быть может, из тех, что основали богадельню...
- В Версале?
- Да, сударыня, в Версале.
- И кардинал умолк.

Однако было заметно, что он все еще сомневается: присутствие в доме графини этой шкатулки лишь усугубило его недоверчивость.

Но вот чего Жанна никак не могла понять и чему тщетно искала объяснений: у принца явно была какая-то задняя мысль, причем для нее невыгодная. Она не ошибалась: кардинал подозревал, что ему расставили ловушку.

В самом деле, любой мог знать об интересе, который он питал к делам королевы, – такие слухи ходили среди придворных и ни для кого уже не были секретом; мы рассказывали, сколько стараний употребляли враги кардинала, чтобы поддерживать враждебность между королевой и ее главным раздавателем милостыни.

Как могла эта коробочка, которой королева часто пользовалась и которую он столько раз видел у нее в руках, оказаться у этой нищенки Жанны?

Неужто королева и вправду посетила ее убогое жилье?

А если так, то узнала ее Жанна или нет? Быть может, графиня по какой-то причине скрывает оказанную ей честь?

Прелат пребывал в сомнении.

Он начал сомневаться еще накануне. Имя Валуа заставило его насторожиться, и не зря: оказывается, речь шла не просто о бедной нищенке, а о принцессе, которую поддерживает королева, сама принося ей вспомоществование.

Неужели благотворительность Марии Антуанетты простирается до таких пределов?

Пока кардинал размышлял таким образом, Жанна, которая наблюдала за ним и видела, какие чувства его обуревают, терзалась страшными муками. И действительно: для людей с нечистой совестью нет горшей муки, чем видеть сомнения человека, которого они стараются убедить в своей правдивости.

Молчание тяготило обоих собеседников. Первым его нарушил кардинал:

– А вы обратили внимание на даму, сопровождавшую вашу благодетельницу? Можете описать, как она выглядит?

– Ее я рассмотрела прекрасно, – ответила графиня. – Она высока, хороша собой, с решительным выражением лица, прекрасной кожей и округлыми формами.

– А первая дама никак к ней не обращалась?

– Один раз, но только по имени.

– И что же это за имя?

– Андреа.

– Андреа! – вздрогнув, воскликнул кардинал.

И это его движение тоже не ускользнуло от внимания графини де Ламотт.

Теперь кардиналу стало ясно, как себя держать: имя Андреа рассеяло все его сомнения.

Третьего дня он узнал, что королева ездила в Париж вместе с мадемуазель де Таверне. По Версалию прошел слух о ее опоздании, закрытых дверях и какой-то супружеской ссоре между августейшими супругами.

Кардинал перевел дух.

На улице Сен-Клод не было ни ловушки, ни заговора. Г-жа де Ламотт теперь показалась ему хорошенькой и чистой, словно ангел.

Тем не менее следовало подвергнуть ее еще одному испытанию. Принц был большой дипломат.

– Графиня, – сказал он, – меня, признаюсь, больше всего удивляет одно обстоятельство.

– Какое, монсеньор?

– Меня удивляет, что вы, с вашим происхождением и титулом, не обратились к королю.

– К королю?

– Нуда.

– Ваше высокопреосвященство, я посылая ему прошения раз двадцать.

– Безуспешно?

– Увы.

– Но ваши письма должны были дойти и до принцев царствующего дома. К примеру, герцог Орлеанский – человек весьма сострадательный и к тому же часто любит делать то, чего не делает король.

– Я обращалась к его высочеству герцогу Орлеанскому, но все без толку.

– Без толку? Это меня удивляет.

– Воля ваша, но если человек беден и никто не может замолвить за него словечко, все его прошения пропадают без следа в прихожей принцев.

– Но есть еще граф д'Артуа. Беспутные люди порой поступают даже достойнее, чем те, кто занимается благотворительностью.

– Его высочество граф д'Артуа поступил так же, как его высочество герцог Орлеанский и его величество король Франции.

– Но есть, наконец, тетушки короля. Уж они-то – или я сильно в них ошибаюсь – должны были ответить вам положительно.

– Нет, монсеньор.

– Нет, я не могу поверить, что и у принцессы Елизаветы, сестры короля, бесчувственное сердце.

– Вы правы, монсеньор. Когда я обратилась к ее королевскому высочеству, она пообещала меня принять, однако, не знаю уж почему, но, приняв моего мужа, она не соизволила сказать мне хоть что-то, а я ведь несколько раз нарочно попадалась ей на глаза.

– Как странно, ей-богу! – пробормотал кардинал. И вдруг, словно эта мысль только что пришла ему в голову, он воскликнул:

– Господи, мы же с вами совсем забыли!

– О чем?

– Об особе, к которой вам следовало обратиться в первую очередь.

– К кому же я должна была обратиться?

– К той, что повсюду расточает свои милости и никому не отказывает в помощи – к королеве!

– К королеве?

– Нуда, к королеве. Вы ее видели?

– Ни разу в жизни, – простосердечно ответила Жанна.

– Как! Вы не посылали прошения королеве?

– Никогда.

И не пытались добиться аудиенции?

– Пыталась, но у меня ничего не вышло.

– Вам следовало хотя бы как-нибудь попасться ей на глаза, чтобы она вас заметила и позвала ко двору. Это верный способ.

– Я никогда не пыталась им воспользоваться.

– Ей-богу, сударыня, вы говорите нечто невероятное.

– Просто я была в Версале только два раза в жизни и виделась там лишь с доктором Луи, лечившим моего бедного отца в Отель – Дьё, и с господином бароном де Таверне, которому меня рекомендовали.

– И что же сказал вам господин де Таверне? Он вполне мог устроить вам встречу с королевой.

– Он сказал мне, что я растяпа.

– То есть?

– Он заявил, что отстаивать перед королем свой титул все равно, что набиваться к нему в родственники, а бедных родственников никто не любит.

– В таком случае барон – эгоист и грубиян, – проронил принц.

Затем, вспомнив о визите Андреа к графине, он подумал: «Занятно: отец выставляет просительницу вон, а королева приводит к ней его дочь. Из этого что-нибудь да выйдет».

– Слово дворянина, – воскликнул он вслух, – я счастлив познакомиться с очаровательной просительницей, женщиной благороднейшего происхождения, которая в жизни не видела ни короля, ни королеву.

– Разве что на портретах, – улыбнувшись, заметила Жанна.

– Обещаю, – продолжал кардинал, убедившийся в том, что графиня действительно искренна и ни о чем не подозревает, – что если понадобится, я сам повезу вас в Версаль и сделаю так, чтобы перед вами раскрылись все двери.

– О, ваше высокопреосвященство, как вы добры! – вне себя от радости вскричала г-жа де Ламотт.

Кардинал пододвинулся к ней поближе.

– Немыслимо, – сказал он, – чтобы через короткое время все на свете не приняли в вас участия.

– Увы, монсеньор, – очаровательным вздохом отозвалась графиня, – неужели вы искренне в это верите?

– Несомненно.

– По-моему, вы мне льстите, монсеньор.

С этими словами г-жа де Ламотт пристально посмотрела на кардинала.

Столь разительная и скорая перемена удивила графиню, тем более что минут десять назад кардинал обращался с ней с поистине королевской небрежностью.

Взгляд Жанны, выпущенный, словно стрела из лука, то ли угодил де Рогану прямо в сердце, то ли просто затронул его чувственность. Во взгляде этом таилось пламя честолюбия или желания, но в любом случае пламя.

Знарок женщин, г-н де Роган вынужден был признать, что ему редко приходилось встречать столь обольстительные взоры.

«Силы небесные! – подумал он как истый придворный дипломат. – Это или нечто невероятное, или большая удача: я повстречал порядочную женщину с внешностью обманщицы, нищую, но протеже всемогущей покровительницы!»

– Ваше высокопреосвященство, – прервала его размышления сирена, – вы порою замолкаете, и это меня, простите, настораживает.

– Что же именно вас настораживает, графиня? – полюбопытствовал кардинал.

– А вот что, монсеньор: люди вроде вас могут позволить себе неучтивость по отношению к женщинам двух сортов.

– Боже, что у вас на уме, графиня? Право слово, вы меня пугаете.

И кардинал взял г-жу де Ламотт за руку.

– Да, к женщинам двух сортов – я это сказала и повторю еще раз, – настаивала графиня.

– Каких же?

– Либо к женщинам, которых слишком любят, либо к женщинам, к которым относятся с недостаточным уважением.

– Графиня, графиня, вы вгоняете меня в краску. Я позволил себе неучтивость по отношению к вам?

– Еще бы!

– Не надо так говорить, это ужасно!

– Но ваше высокопреосвященство, в самом деле: слишком любить меня вы не можете, а повода меня не уважать я, кажется, пока не дала.

Кардинал снова взял Жанну за руку.

– Ах, графиня, вы говорите со мною так, словно за что-то сердитесь.

– Нет, монсеньор, моего гнева вы пока не заслуживаете.

– И никогда не заслужу, сударыня, начиная с этого дня, когда я имел счастье вас увидеть и познакомиться с вами.

«Ах, хорошо бы взглянуть сейчас в зеркало!» – подумала графиня.

– И с этого дня, – продолжал кардинал, – я не оставлю вас своими заботами.

– Ах, полно вам, монсеньор! – сказала Жанна, однако свою руку из ладоней кардинала не вынула.

– Что вы хотите этим сказать?

– Не говорите мне о своем покровительстве.

– Боже сохрани, чтобы я когда-нибудь произнес слово «покровительство»! О сударыня, унижен буду я, а не вы.

– В таком случае, господин кардинал, давайте условимся об одной вещи, которая мне чрезвычайно польстит.

– Коли так, непременно условимся, сударыня.

– Давайте условимся, ваше высокопреосвященство, что вы нанесли визит вежливости графине де Ламотт-Валуа, и не более того.

– Но тогда и не менее, – галантно ответил кардинал. Он поднес пальцы Жанны к губам и запечатлел на них довольно долгий поцелуй. Графиня убрала руку.

– Ах, эта вежливость! – произнес кардинал со вкусом и отменной серьезностью.

Жанна снова протянула ему руку, которую на сей раз прелат поцеловал с большим почтением.

– Вот так-то лучше, ваше высокопреосвященство.

Кардинал поклонился.

– Сознать, что я, – продолжала графиня, – занимаю местечко, пусть даже самое крошечное, в уме столь выдающегося и занятого человека, как вы, – клянусь вам, одна эта мысль будет служить мне утешением целый год.

– Год? Но это так мало, графиня. Будем надеяться, что дольше.

– Что ж, я не говорю «нет», господин кардинал, – с улыбкой отвечала Жанна.

Обращение «господин кардинал» было фамильярностью, которую г-жа де Ламотт допустила уже второй раз. Прелат, человек весьма гордый и ранимый, мог бы удивиться этому, однако дело уже зашло столь далеко, что он не только не удивился, но даже порадовался обмолвке как обещанию со стороны графини.

– Ах, доверьтесь же мне! – воскликнул он, пододвигаясь еще ближе. – Вот так будет лучше.

– Я вам верю, ибо чувствую, что ваше высокопреосвященство...

– А только что вы назвали меня «господин кардинал», графиня.

– Простите, ваше высокопреосвященство, придворный этикет мне незнаком. Я говорю, что верю вам, ибо вы можете понять мой отважный и дерзкий ум и чистое сердце. Несмотря на то, что я так страдала от нужды, столько боролась со злобными недругами, ваше высокопреосвященство способны увидеть по моим речам все, что во мне достойно уважения. А к остальному, надеюсь, ваше высокопреосвященство будете снисходительны.

– Итак, мы друзья, сударыня. Договорились?

– Мне очень бы этого хотелось.

Кардинал встал и подошел к г-же де Ламотт, но поскольку руки его для простой поведи были разведены слишком широко, легкая и гибкая графиня ускользнула из их кольца.

– Дружба втроем! – проговорила она с неподражаемой смесью насмешки и невинности.

– Втроем?

– Ну разумеется. Неужели вы забыли, что где-то на свете есть бедный кавалерист, которого зовут граф де Ламотт?

– О сударыня, что за прискорбное воспоминание!

– Но я должна говорить вам о нем, поскольку сами вы этого делать не станете.

– Знаете, почему я не говорю о нем, графиня?

– Ну, скажите.

– Он сам станет напоминать о себе: о чужих мужьях не забывают, уж поверьте.

– Но ведь он будет напоминать лишь о себе?

– А люди будут говорить о вас, о нас.

– Каким образом?

– Скажут, к примеру: господин де Ламотт радуется или же огорчается, что господин кардинал де Роган три, четыре, пять раз в неделю приезжает к госпоже де Ламотт на улицу Сен-Клод.

– Да будет вам, господин кардинал! Три, четыре, пять раз в неделю?

– Дружба есть дружба, сударыня. Я сказал пять раз? Я ошибся. Я хотел сказать шесть или даже семь, не считая еще одного дня в високосный год.

Жанна рассмеялась.

Кардинал отметил, что она в первый раз изволила обратить внимание на его шутку, и почувствовал себя польщенным.

– Но вы сможете сделать так, чтобы разговоров не было? – спросила графиня. – Вы же понимаете, это невозможно.

– Смогу, – ответил де Роган.

– А как?

– О, это совсем нетрудно. Плохо ли, хорошо ли, но народ в Париже меня знает.

– Конечно, знает, притом хорошо, ваше высокопреосвященство.

– А вас, увы, нет.

– Ну так что ж?

– А теперь давайте поставим вопрос иначе.

– Иначе? То есть...

– Ну, смотрите. Если, к примеру...

– Продолжайте.

– Если из дому будете выходить вы, а не я?

– Чтобы я пришла к вам в особняк, монсеньор?

– К министру же вы пойдете?

– Министр – не мужчина, монсеньор.

– Вы просто восхитительны. Но речь идет не о моем особняке, у меня есть дом.

– Точнее, домик?

– Вовсе нет, дом, предназначенный для вас.

– Дом? Для меня? – воскликнула графиня. – И где же он? Мне о нем ничего не известно.

Кардинал, который было снова сел, поднялся с кресла.

– Завтра в десять утра вы получите адрес.

Графиня зарделась, и кардинал учтиво взял ее за руку. На этот раз поцелуй оказался почтительным, нежным и дерзким в одно и то же время.

Церемонию прощания собеседники завершили улыбкой, предвещающей скорую близость.

– Посветите его высокопреосвященству! – крикнула графиня.

Появилась старуха со свечой.

Прелат ушел.

«Кажется, первый шаг в свет недурен», – подумала Жанна.

«Ну – ну, – влезая в карету, думал кардинал, – я сделал сразу два дела. Эта женщина слишком умна, чтобы вести себя с королевой так же, как вела себя со мной».

16. Месмер и Сен-Мартен⁴⁷

Были времена, когда весь Париж, свободный от каких бы то ни было дел, предавался сплошному досугу, увлекаясь вопросами, которые в наши дни составляют монополию богатей, считающихся никчемными, да ученых, считающихся бездельниками.

В 1784 году, до коего мы с вами добрались, моднейшим вопросом, повсюду витавшим в воздухе и, словно облако среди горных вершин, застревавшим в хоть сколько-нибудь образованных и возвышенных умах, был месмеризм – наука загадочная и почти не разъясненная ее создателями, которые, не испытывая потребности сделать свое детище достоянием народа с самого момента его рождения, позволили этой науке взять имя человека, так сказать, аристократический титул, вместо того чтобы назвать ее каким-нибудь ученым греческим словом, коими нынче скромные и застенчивые ученые вводят в обиход научные понятия.

Да и к чему в 1784 году было демократизировать науку? Разве народ, которым правили уже более полутора веков, не спрашивая его мнения⁴⁸, жаловался на что-либо в своем государстве? Отнюдь. Народ лишь представлял собою плодоносную пашню, дававшую урожай, тучную ниву, которую в положенный срок жали. Но хозяином этой пашни был король, а жнецами – знать.

Нынче все стало по-иному: Франция, похожая на громадные песочные часы, в течение девяти столетий отмеривала время монархии, а могучая власть Господа их переворачивала; теперь же часы эти будут отмеривать время народа.

В 1784 году имя человека еще служило рекомендацией. Сегодня же – напротив: успех определяется именем вещей.

Однако давайте оставим «сегодня» и бросим взгляд в день вчерашний. Ну что такое полвека с точки зрения вечности? Это даже меньше, чем отрезок времени, разделяющий вчера и сегодня.

Итак, доктор Месмер находился в то время в Париже, как мы узнали от самой Марии Антуанетты, когда она просила у короля разрешения нанести ему визит. Да будет нам позволено теперь сказать несколько слов о докторе Месмере, имя которого, знакомое нынче лишь немногим посвященным, не сходило в описываемую нами пору у людей с языка.

В 1777 году доктор Месмер привез из Германии, этой страны туманных грез, науку, над которой, так сказать, собрались тучи и блистали молнии. В свете этих молний ученый видел лишь тучи, образовавшие у него над головою мрачный свод, тогда как обыватель замечал лишь сами молнии.

Месмер дебютировал в Германии работой о воздействии планет на людей. Он пытался доказать, что небесные тела благодаря силам их взаимного притяжения оказывают воздействие на живые существа, и в особенности на их нервную систему, через посредство мельчайших флюидов, наполняющих вселенную. Однако эта его первая теория была довольно абстрактна. Чтобы ее уразуметь, следовало иметь представление о работах Галилея и Ньютона. Она представляла собою смесь астрономии с астрологическими бреднями и не могла быть понята не только простыми людьми, но и аристократами, которые, чтобы ее постичь, должны были бы организовать научное общество. Месмер бросил эту идею и занялся магнитами.

⁴⁷ Месмер, Фридрих Антон (1733–1815) – немецкий ученый, автор теории животного магнетизма. Сен-Мартен (по прозвищу Неведомый философ, 1743–1803) – французский писатель и философ мистического направления.

⁴⁸ Имеется в виду правление династии Бурбонов (с 1589 г.), ни разу не собиравших Генеральные штаты (сословный парламент) до 1789 г.

В то время магниты изучались весьма интенсивно, свойства притяжения и отталкивания делали их похожими на человеческие существа, поскольку как бы наделяли неживые минералы двумя главнейшими человеческими страстями – любовью и ненавистью. Поэтому магнитам и приписывали необычайные целебные свойства. И вот Месмер ввел магниты в свою первую теорию и попытался посмотреть, что из этого получится.

К несчастью, приехав в Вену, Месмер обнаружил, что у него уже есть соперник. Некий ученый по фамилии Галль⁴⁹ заявил, что Месмер похитил у него разработанный им метод. Тогда Месмер как человек изобретательный заявил в свой черед, что магнитами он заниматься больше не будет, так как они совершенно бесполезны, и отныне станет лечить с помощью не вещественного, а животного магнетизма.

В слове этом, прозвучавшем из его уст как новое, никакого открытия, в сущности, не заключалось: магнетизм был известен еще в древности, использовался в египетских ритуалах, а также греческими предсказателями, и его традиции тянулись в средние века, когда кое-что из этой науки применяли чародеи XIII, XIV и XV веков. Многие из них сгинули в пламени костров и стали мучениками этого странного вероучения.

Юрбен Грандье⁵⁰ был не кем иным, как магнетизером.

Месмер слышал немало разговоров о чудесах магнетизма. Жозеф Бальзамо, герой одной из наших книг, оставил следы своего пребывания в Германии, в частности в Страсбурге. Месмер принялся по крупицам собирать сведения об этой науке, разбросанные повсюду, точно огоньки, блуждающие ночью над берегом пруда, и создал в конце концов цельную теорию, которую назвал месмеризмом.

После этого он послал тезисы своего учения в Парижскую Академию наук, Лондонское Королевское общество и Берлинскую Академию. Две первые корпорации не ответили ему вовсе, а последняя обозвала сумасшедшим.

Тогда Месмер вспомнил некоего греческого философа, который отрицал движение и которого его противник посрамил, пройдя на его глазах несколько шагов. Он прибыл во Францию, принял от доктора Сторка и окулиста Венцеля семнадцатилетнюю девушку, страдающую заболеванием печени и темной водой⁵¹ и после трехмесячного лечения болезнь была побеждена – слепая прозрела.

Это исцеление убедило многих, и среди них врача по имени Делон: из противника он превратился в апостола.

Начиная с этого времени слава Месмера стала расти; Академия высказалась против новоявленного целителя, однако двор его поддержал. Министерство начало переговоры с Месмером, предлагая ему облагодетельствовать человечество, открыв секрет своей науки. Месмер назначил свою цену. Поторговавшись, г-н де Бретейль⁵² от имени короля посулил ему пожизненную пенсию в размере 20 000 ливров и, кроме того, 10000 ливров за то, что он обучит своему искусству трех человек, выбранных правительством. Однако Месмер, возмущенный скаредностью короля, отказался, взяв с собою нескольких больных, уехал на воды в Спа.

Но тут Месмер получил неожиданный удар. Делон, его ученик Делон, владевший секретом, который Месмер отказался продать за 30 000, открыл общедоступный кабинет, где стал лечить с помощью месмеризма.

⁴⁹ Галль, Франц Йозеф (1758–1826) – австрийский врач и ученый, занимавшийся физиологией человеческого мозга, создатель френологии.

⁵⁰ Грандье, Юрбен (1590–1634) – священник из Лудена, который был заживо сожжен по обвинению в том, что подвергал местных монахинь дьявольскому влиянию.

⁵¹ Болезнь, род слепоты.

⁵² Бретейль, Луи-Опост (1730–1807) – барон, дипломат, министр при Людовике XVI.

Узнав эту страшную новость, Месмер стал кричать, что его обокрали, обжулили; он едва не сошел с ума. Но одному из взятых им с собою больных, г-ну де Бергасу, пришла в голову счастливая мысль отдать способ знаменитого профессора в руки своеобразного товарищества на вере. Он организовал комитет из ста человек с капиталом в 340 000 ливров, поставив условие, что Месмер раскроет пайщикам свой секрет. Месмер сообщил им все, что они просили, забрал деньги и вернулся в Париж.

Момент оказался благоприятным. В жизни народов случаются минуты, предшествующие серьезным преобразованиям, когда вся нация как бы останавливается перед неведомой преградой, колеблется, чувствуя, что дошла до края пропасти, хотя ее и не видит.

Во Франции как раз настала такая минута: внешне страна выглядела спокойной, но дух ее пребывал в смятении, люди как бы застыли в своем призрачном счастье, предвидя его скорый конец; так, человек, дойдя до края леса и увидав, что он редет, угадывает близость опушки. Спокойствие, в котором не было ничего прочного и реального, утомляло; люди искали сильных впечатлений и встречали любые новшества с распростертыми объятиями. Все стали слишком легкомысленны, чтобы интересоваться, как прежде, вопросами управления государством или молинизма⁵³, и ссорились по поводу музыки, принимая сторону Глюка или Пиччини⁵⁴, страстно обсуждали «Энциклопедию»⁵⁵ и мемуары Бомарше.

Появление новой оперы занимало большее число умов, нежели мирный договор с Англией и признание республики Соединенных Штатов. Это было время, когда мыслящие люди, познавшие благодаря философам истину, а значит, и разочарование, устали от прозрения, позволяющего проникнуть в суть вещей, и шаг за шагом пытались преодолеть границы реального мира, чтобы вступить в мир грез и фантазий.

И действительно, если можно считать доказанным, что лишь ясные и понятные истины быстро становятся достоянием масс, не менее неоспоримо и то, что тайны обладают для всех людей могущественной притягательной силой. Вот и народ Франции неодолимо влекла к себе странная загадка месмерических флюидов, которые, по мнению адептов, возвращали больным здоровье, безумным – разум и делали из мудрецов безумцев.

Везде только и слышалось имя Месмера. Что он сделал? На ком теперь произвел свою чудесную операцию? Какому знатному вельможе вернул зрение или силу? Какой даме, изнуренной бессонными ночами, проведенными за игрой, привел в порядок расстроенные нервы? Какой молоденькой девушке открыл будущее, введя ее в магнетический транс?

Будущее! Великое слово всех времен, великая загадка для всех умов, разрешение всех проблем! Да и то сказать – какое тогда было настоящее?

Королевская власть без великолепия, дворянство без влияния, страна без торговли, народ без прав, общество без уверенности.

От королевской семьи, в тревоге и одиночестве восседающей на троне, до семьи простолыдина, чуть не умирающей с голоду в какой-нибудь трущобе, – везде нищета, бесславие и страх.

Позабыть о других и думать лишь о себе, почерпнуть из нового, странного, неведомого источника уверенность в долгой жизни без недугов, вырвать хоть что-нибудь у скупого неба – разве это не предмет чаяний, причем вполне объяснимых, любого человека, которому Месмер приоткрывал завесу будущего?

⁵³ Теологическое учение испанского иезуита Луиса Молина (1535–1600).

⁵⁴ Глюк, Кристоф Виллибальд (1714–1787) – композитор, работавший в Милане, Вене и Париже, реформатор оперы в духе классицизма. Пиччини, Никколо (1728–1800) – итальянский композитор, представитель неаполитанской оперной школы. С именами Глюка и Пиччини связана борьба сторонников старых (Глюк) и новых оперных традиций.

⁵⁵ «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» – 35-томный труд, созданный в 1751–1780 гг. французскими просветителями во главе с Д. Дидро.

Вольтер умер, и во Франции не стало слышно взрывов веселья, остался разве что смех Бомарше, еще более горький, чем у его учителя. Умер Руссо, и во Франции не осталось больше религиозных философов. Руссо пытался поддержать Бога, но после его смерти никто более на это не отважился из страха оказаться раздавленным невыносимой тяжестью.

Когда-то французы серьезно занимались войной. Короли поддерживали в своих подданных национальный героизм, но теперь единственной войной, которую вела Франция, была американская, и к тому же король лично никак в ней не участвовал. Французы сражались за какое-то неведомое понятие, которое американцы называли независимостью – словом, весьма абстрактно понимаемым французами как свобода.

Да и эта далекая война, что велась, в сущности, другим народом и в другом мире, только что закончилась.

По зрелом размышлении людям казалось, что стоит и впрямь интересоваться лучше Месмером, этим немецким врачом, который уже второй раз привел Францию в волнение, нежели лордом Корнуолом⁵⁶ или же г-ном Вашингтоном – они ведь так далеко, что их, скорее всего, никто никогда и не увидит.

А Месмер был рядом: его можно увидеть, можно прикоснуться к нему и – самое могучее желание трех четвертей Парижа – ощутить его прикосновение.

И вот этот человек, которого со дня его появления в Париже никто не поддерживал, даже королева, всегда охотно помогавшая своим соотечественникам, и который, если бы не предательство доктора Делона, так и пребывал бы в неизвестности, – этот человек поистине царил в умах всего города, оставив далеко позади короля, с которым он никогда не разговаривал, г-на де Лафайета⁵⁷, с которым еще не разговаривал, и г-на Неккера⁵⁸, с которым уже не разговаривал.

И как если бы уходящий век поставил своей задачей дать каждому уму то, к чему он склонен, сердцу – то к чему оно лежит, и телу – то, что ему требуется, лицом к лицу с материалистом Месмером встал спиритуалист Сен-Мартен, чье учение призвано было утешить тех, кому претил позитивизм немецкого врача.

Представьте себе атеиста с вероучением более добрым, чем сама религия, республиканца, преисполненного учтивого почтения к королям, дворянина, принадлежащего к привилегированным классам, но при этом нежно любящего народ, представьте, наконец, как этот человек, наделенный даром железной логики и пленительного красноречия, нападает на все существующие религии, которые называет безрассудными лишь по той причине, что они все подразумевают наличие Бога.

Вообразите Эпикура в белом пудреном парике, расшитом кафтане, блестящем камзоле, коротких атласных штанах, шелковых чулках и красных башмаках, Эпикура, не только опрокидывающего богов, в которых он не верит, но и сотрясающего правительства, которые считает культами, так как те никогда не могут согласиться друг с другом и почти всегда приводят человечество к несчастьям.

Он выступал против социального законодательства, ставя его под сомнение следующим тезисом: оно одинаково наказывает несхожие преступления, карает следствия, не разобравшись в причинах.

Теперь вообразите, что этот искуситель, называвший себя Неведомым философом, с целью объединить людей разного образа мыслей собрал воедино все, что можно найти привлекательного в обещаниях духовного рая, и вместо утверждения о равенстве всех людей,

⁵⁶ Корнуол, Чарльз (1738–1805) – английский генерал, разбитый американцами при Йорктауне (1781 г.)

⁵⁷ Лафайет, Мари Жозеф (1757–1834) – маркиз, французский политический деятель, участник Войны за независимость в Северной Америке.

⁵⁸ Неккер, Жак (1732–1804) – французский министр финансов в 1771–1781 и 1788–1790 гг.

что само по себе нелепость, изобрел формулу, которая, казалось, вертелась на языке даже у тех, кто ее отрицал: «Все мыслящие люди – короли!»

А теперь представьте, что подобного рода нравственный принцип внезапно стал достоянием общества без надежд и руководителей, общества, напоминающего архипелаг, воды которого изобилуют подводными рифами, то бишь всевозможными идеями. И если вы вспомните, что в те времена женщины были нежны и безрассудны, мужчины жаждали власти, почестей и удовольствий, что короли позволили своим коронам покачнуться и на них впервые остановился любопытный и угрожающий взгляд кого-то, таящегося во мраке, – если вы вспомните все это, то вряд ли удивитесь количеству приверженцев, которых снискала себе доктрина, гласившая:

«Выберите среди вас душу, превосходящую другие в любви, милосердии, в могучем желании любить и приносить счастье. Когда же такой человек будет найден, склонитесь перед ним, смиритесь, унижите себя, признайте себя существами низшими по сравнению с ним, чтобы дать пространство для неограниченной власти его души, миссия которой – восстановить в вас главный нравственный принцип, то есть равенство в страданиях, поскольку в силу своих способностей и окружения вы сейчас неравны».

Добавьте к этому, что неведомый философ окружил себя тайной и предпочитал глубокий мрак вдали от всяческих соглядатаев и прихлебателей для мирного обсуждения своей великой социальной теории, способной стать политикой всего мира.

– Слушайте меня, – говорил он, – верные друзья, преданные сердца, слушайте и постарайтесь понять, а возможно, даже не слушайте, потому что, если вам интересно и у вас есть желание меня понять, это удастся с большим трудом – ведь я не раскрываю своих тайн тем, кто сам не пытается приподнять над ними завесу.

– Я говорю вещи, которые, кажется, вовсе не хочу сказать, потому-то часто и складывается впечатление, что я хочу сказать вовсе не то, что говорю.

И Сен-Мартен был прав: его вправду окружали молчаливые, угрюмые и ревностные защитники его идей, непонятная религиозная мистика которых была непроницаема для постороннего взора.

Вот так, трудясь во славу души и материи, мечтая уничтожить Бога и религию Христа, эти двое разделили по убеждениям всех мыслящих людей, все избранные натуры Франции на два лагеря.

Вокруг ванны Месмера, откуда струилось благополучие, объединилась вся чувственность и изящный материализм вырождающейся нации, тогда как вокруг книги заблуждений и истин собрались натуры набожные, милосердные, любящие и жаждущие, вкусив химер, просветлиться.

А если учесть, что за пределами этих привилегированных сфер кипели и бурлили самые разные идеи, что слухи, вырвавшись наружу, превращались в раскаты грома, подобно отдаленным зарницам, превращающимся в молнии, нетрудно будет понять неопределенное состояние, в котором находились низшие слои общества, то есть буржуазия и народ, которых позже назовут третьим сословием: они угадывали только, что речь идет об их судьбах, и в своем нетерпении и смирении горели, словно новые Прометеи, желанием похитить священный огонь и с его помощью вдохнуть жизнь в мир, который будет принадлежать им и в котором они сами будут вершить свою судьбу.

Заговоры под видом бесед, союзы под видом кружков, общественные партии под видом кадрилей, другими словами, гражданская война и анархия – вот чем казалось все это человеку думающему, который еще не прозревал другой жизни для общества.

Увы! Сегодня, когда все покровы уже сорваны, когда нация Прометеев уж раз десять была опалена похищенным ею самою огнем, скажите: что мог предвидеть мыслящий чело-

век в конце этого странного XVIII века? Или разрушение мира, или нечто похожее на то, что произошло между смертью Цезаря и восшествием на престол Августа.

Август отделил мир языческий от мира христианского, так же как Наполеон отделил мир феодальный от мира демократического.

Впрочем, довольно занимать читателя этим отступлением, которое, должно быть, показалось ему несколько затянутым, однако, ей-же-ей, трудно осветить нужную нам эпоху, не касаясь столь серьезных и жизненно важных вопросов.

Но попытку мы все же сделали. Это похоже на попытку ребенка, соскабливающего ноготком ржавчину с постамента античной статуи, чтобы прочесть на три четверти стершуюся надпись.

Вернемся же к тому, что видно на первый взгляд. Продолжая описывать действительность, мы сказали бы слишком много для романиста и слишком мало для историка.

17. Ванна

Картина, которую мы попытались нарисовать в предыдущей главе, картина тех времен и личностей, занимающих умы общества, поможет читателю понять, почему публичные исцеления Месмера производили на парижан столь неотразимое впечатление.

Потому-то король Людовик XVI, если не из любопытства, то, по крайней мере, из уважения к новинке, поднявшей столько шума в славном городе Париже, разрешил королеве – при условии, как мы помним, что августейшую посетительницу будет сопровождать принцесса, – съездить посмотреть разок на то, что все уже видели.

Это произошло через два дня после того, как г-н кардинал де Роган нанес визит г-же де Ламотт.

Погода улучшилась: наступила оттепель. Целая армия метельщиков, гордых и довольных тем, что могут наконец покончить с зимой, с усердием солдат, копающих траншею, сгребала в канавы остатки грязного снега, превращавшегося на глазах в черные ручьи.

На синем прозрачном небе начали загораться первые звезды, когда г-жа де Ламотт, изящно одетая и производившая впечатление женщины состоятельной, приехав в экипаже, который г-жа Клотильда постаралась выбрать поновее, остановилась на Вандомской площади, перед величественным домом с ярко освещенными окнами по фасаду.

Это был дом доктора Месмера.

Кроме экипажа г-жи де Ламотт, перед зданием стояло множество других экипажей и портшезов, а также топталось несколько сотен зевак, ожидавших выхода излеченных и прибытия тех, кому еще предстояло излечиться.

Последние, почти все люди богатые и титулованные, прибывали в каретах с гербами, и лакеи помогали им выйти или даже выносили их на руках. Эти своего рода тюки, закутанные в меховые плащи и атласные шубы, все же не служили утешением для тех голодных и полуголодных людей, которые искали у дверей описанного нами дома доказательств того, что Господь делает человека больным или здоровым, невзирая на его генеалогическое древо.

Когда кто-нибудь из больных, бледный, едва шевеля руками и ногами, скрывался за внушительной дверью, по собравшимся пробежал шепоток, и редко когда эта любопытная и сообразительная толпа, любившая наблюдать у входа на бал или под портиками театра за жадными до развлечений аристократами, не узнавала в страдальце то герцога с парализованной рукой или ногой, то генерал-майора, которому отказали ноги – не столько из-за тягот военных походов, сколько из-за утомления, вызванного привалами у дам из Оперы или Итальянской комедии.

Изыскания, производимые толпой, само собой разумеется, относились не только к мужчинам.

Вот, к примеру, гайдуки тащат на руках женщину с поникшей головою и мутным взором, похожую на римскую матрону, несомую после трапезы верными фессалийцами. Дама сия страдает нервными болями или обессилена от излишеств и бессонных ночей, ее не в силах вернуть к жизни ни модные комедианты, ни бодрые ангелы, о которых так чудно умеет рассказывать г-жа Дюгазон⁵⁹, и поэтому она явилась к ванне Месмера искать то, чего не смогла найти в других местах.

Пусть читатель не думает, что мы преувеличиваем из желания выставить тогдашние нравы в как можно более дурном свете. Разумеется, следует признать, что в те времена они часто бывали не слишком целомудренны и у светских дам, и у девиц из театров. Одни, по

⁵⁹ Дюгазон, Роза Лефевр (1755–1821) – жена известного комического актера Жана Батиста Анри Дюгазона, актриса Комической оперы, прославившаяся великолепным исполнением ролей влюбленных.

принятому в Бретани обычаю, похищали у актеров их приятелей и кузенов, другие отбирали у светских дам их мужей и любовников.

Некоторые из этих дам пользовались не меньшей известностью, чем мужчины, и имена их довольно громогласно произносились в толпе, однако многие, чьи имена не были связаны ни с какими скандалами, избегая внимания публики, прибывали к Месмеру в атласных масках.

Дело в том, что на этот день приходилась середина поста, в Опере был назначен бал-маскарад, и многие дамы намеревались отправиться с Вандомской площади прямо в Палей-Рояль.

Под стоны, иронические и восхищенные восклицания и говор толпы г-жа де Ламотт твердым шагом прошла к дому; ее появление вызвало лишь одно замечание, несколько раз повторенное зеваками: – Ну уж эта-то не больна.

Однако не следует впадать в заблуждение: эта фраза отнюдь не означала, что появление г-жи де Ламотт не вызвало в толпе никаких пересудов.

Ведь если она была здорова, то с какой целью приехала к доктору Месмеру?

Знай толпа о событиях, которые мы недавно описали, она сразу бы поняла, что дело объясняется просто.

Г-жа де Ламотт много размышляла над своим разговором с кардиналом де Роганом. Ее особенно занимало то внимание, с которым он отнесся к шкатулке с портретом, забытой или, точнее, потерянной у нее в квартире.

А поскольку имя владелицы шкатулки скрывало тайну внезапной благожелательности кардинала, г-жа де Ламотт нашла два способа ее узнать.

Сначала она прибегла к наиболее простому. Она отправилась в Версаль, чтобы расспросить в благотворительном обществе о немецких дамах.

Но как и следовало ожидать, там она ничего не узнала. Дам из Германии в Версале было предостаточно – около двухсот: королева проявляла к своим соотечественницам нежную симпатию.

Все они были весьма милосердны, однако ни одной из них не пришло в голову организовать благотворительное общество.

Поэтому Жанна тщетно расспрашивала о дамах, посетивших ее, и столь же тщетно называла имя одной из них – Андреа. В Версале не знали дамы, носящей это имя, впрочем, мало похожее на немецкое.

Итак, здесь поиски ни к чему не привели.

Спросить же у г-на де Рогана имя, которое пришло ему в голову, означало, во-первых, насторожить его, а во-вторых, лишить себя удовольствия и заслуги самой преодолеть немислимые препятствия и выяснить все, что нужно.

А поскольку и в появлении дам у Жанны, и в удивлении и недомолвках г-на де Рогана скрывалась некая тайна, то и разгадку ее следовало искать с помощью таинственных сил.

К тому же для самой Жанны в такой борьбе с неведомым было много привлекательного.

Уже в течение известного времени она слышала ходившие по Парижу толки о некоем ясновидце и чудотворце, который придумал способ избавлять человеческий организм от недугов и страданий, подобно Христу, изгонявшему бесов из одержимых.

Она знала, что человек этот не только излечивает болезни тела, но и умеет вырвать из человеческой души мучительную тайну, которая ее подтачивает. Под действием его могущественных заклинаний твердая воля такого рода посетителей сменялась рабской покорностью.

После того как ученый врач успокаивал самого возбужденного человека, погружая его в полное забытие, во время сна, который следовал за физическими страданиями, душа паци-

ента, благодарная чародею за отдых, отдавалась в полное распоряжение своего нового хозяина. Отныне он управлял всеми ее движениями, мог внушить каждую свою мысль с помощью языка, имевшего по сравнению с обычным преимущество, а может, и недостаток: он никогда не лгал.

Более того, выйдя по приказу своего временного хозяина из служившего ей тюрьмою тела, душа эта отправлялась бродить по белу свету, смешивалась с другими душами, принималась безостановочно их выпытывать, безжалостно проникала в самую их глубину и, словно добрая охотничья собака, выгоняющая дичь из ее надежного убежища в кустах, в конце концов исторгала тайну человека, скрытую у него в сердце, преследовала ее, настигала и приносила к ногам хозяина. Все это очень напоминало картину, когда хорошо обученный охотничий сокол рыскает в облаках в поисках цапли, куропатки или жаворонка, исполняя по приказу сокольника свою кровавую службу.

Отсюда и огромное количество выведенных Месмером тайн.

Таким манером г-жа де Дюрас отыскала своего ребенка, похищенного у кормилицы, г-жа де Шантоне – английскую собачонку величиною с кулак, за которую готова была отдать всех детей на свете, а г-н де Водрейль – локон, который ценил в половину всего своего состояния.

Эти открытия были сделаны через посредство ясновидящих, подвергшихся магнетическому влиянию доктора Месмера.

В доме прославленного врача можно было выбрать тайну, наиболее подходящую для раскрытия своих сверхъестественных способностей к ясновидению; поэтому г-жа де Ламотт рассчитывала, побывав на сеансе, найти человека, с помощью которого она сможет обнаружить владелицу шкатулки, составлявшей предмет ее крайней озабоченности.

Вот почему она с такой поспешностью прошла в залу, где собирались больные.

С позволения читателя мы опишем эту залу как можно подробнее.

Итак, вперед!

В доме врача были две главные залы.

Пройдя через прихожие и непременно показав привратнику пропуск, вы попадали в гостиную с плотно закрытыми окнами, которые не пропускали свет и воздух днем, а ночью еще и шум.

Посреди гостиной, под люстрой, свечи в которой светили так слабо, что едва не гасли, стоял большой чан, закрытый крышкой.

Форма этого чана изяществом не отличалась. Он никак не был украшен, никакая драпировка не скрывала его голых металлических стенок.

Этот чан и назывался «ванной Месмера».

Но в чем же заключались ее свойства? Объяснить это несложно.

Ванна была почти до краев налита водой с растворенными в ней сернистыми соединениями, испарения которых собирались под крышкой и наполняли укрепленные там горлышком вниз бутылки.

Потоки испарений таинственным образом пересекались в ванне, чему больные и приписывали свое выздоровление.

К крышке было припаяно железное кольцо с привязанным к нему длинным шнуром, назначение коего мы поймем, бросив взгляд на больных.

Они, входившие недавно на наших глазах в особняк, теперь сидели, бледные и вялые, в расставленных вокруг ванны креслах.

Мужчины с женщинами попеременно, безразличные, серьезные или встревоженные, ждали результата процедуры.

Вошедший в залу слуга, взяв за конец привязанный к крышке длинный шнур, принялся оборачивать его петлями вокруг недужных рук или ног пациентов, так что те, словно свя-

занные единой цепью, могли одновременно ощущать воздействие содержащихся в ванне флюидов.

Более того, чтобы никоим образом не прерывать влияние животных флюидов, текущих в каждый организм, пациенты по рекомендации доктора позаботились о том, чтобы все время касаться друг друга или локтями, или плечами, или ногами, благодаря чему спасительная ванна посылала сразу всем свое тепло и целительную силу.

Сия медицинская церемония представляла собою и впрямь весьма любопытное зрелище; неудивительно поэтому, что она возбуждала в парижанах такое любопытство.

Итак, человек тридцать больных уселись вокруг ванны; такой же молчаливый, как и зрители, слуга, опутав их шнуром, отчего они стали походить на Лаокоона и его сыновей, которых сжимают своими кольцами змеи, неслышно удалился, указав предварительно пациентам на железные треугольники, помещавшиеся в специальных углублениях ванны и призванные служить для еще более непосредственного воздействия целительных месмерических флюидов.

Сеанс еще не начался, но по залу уже распространилось мягкое всепроникающее тепло, которое успокаивало несколько напряженные нервы пациентов. Медленно поднимаясь от пола к потолку, теплый воздух вскоре начал источать нежный аромат, и головы даже самых упрямых больных, отяжелев, склонились на грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.